

ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА ФОРКОСИГАНА

ЛОИС МАКМАСТЕР
Буджолд

СУДЬБА

Мастера фантазии

Лоис Макмастер Буджолд

Судьба

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Буджолд Л.

Судьба / Л. Буджолд — «Издательство АСТ», 2018 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-121706-8

Лоис Макмастер Буджолд — ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственниках, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла». В сборник вошли романы «Криоожог», «Адмирал Джоул и Красная королева», «Союз капитана Форпатрила», «Цветы Форкосиган-Вашнуя».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121706-8

© Буджолд Л., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Криоожог	6
Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	38
Глава пятая	49
Глава шестая	59
Глава седьмая	68
Глава восьмая	77
Глава девятая	87
Глава десятая	98
Глава одиннадцатая	108
Глава двенадцатая	116
Глава тринадцатая	125
Глава четырнадцатая	136
Глава пятнадцатая	148
Глава шестнадцатая	157
Глава семнадцатая	168
Глава восемнадцатая	178
Глава девятнадцатая	186
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Лоис Макмастер Буджолд

Судьба

© Lois McMaster Bujold, 2010, 2012, 2015, 2018

© Перевод. Г. Мурадян, 2021

© Перевод. Е. Барзова, 2021

© Перевод. С. Лобанов, 2021

© Перевод. В. Миловидов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Криоожог

Глава первая

Отовсюду сыпались ангелы.

Майлз зажмурился, надеясь, что золотистые молнии, мельтешащие перед глазами, превратятся в обыкновенные вспышки на сетчатке. Однако те упрямо оставались фигурками – напуганные лица, вопящие рты. Крики то затухали, то слышались вновь, словно эхо отдаленного фейерверка, мечущееся где-то между холмами.

Ну, приехали! Ко всему прочему, начались еще и слуховые галлюцинации...

А это значит, что блуждания в дурмане становятся опаснее. Раз пригрезилась всякая чушь, можно не заметить того, что существует в действительности. Лестничный пролет, например. Дыру в полу. Балконные перила. Ну нет, перила-то обязательно упрутся в грудь. Да и вообще, в такой темноте все равно ничего не видно. Собственных рук и то не видно – там они, где-то впереди, нащупывают дорогу. Сердце безумно колошматилось, отдаваясь в ушах клекотом волн, таких же далеких, как фейерверк. Открытый пересохший рот жадно хватал воздух. Надо бы притормозить... Сердитым взглядом Майлз попытался осадить скачущих ангелов. Уж если сияют так ярко, могли бы осветить здесь вокруг, поработать фонариками, что ли. Так ведь нет, никакой тебе помощи.

Он споткнулся, треснувшись рукой обо что-то гулко пустое. Ну вот, теперь кажется, что стена сдвинулась. Трясаясь от холода, обхватил себя руками. *Я просто замерз, вот и все.* А вот это уже от лукавого, на самом деле Майлз обливался потом.

Он вновь нерешительно вытянул руку и на ощупь двинулся по коридору, держась за стену. Теперь Майлз двигался медленнее, а пальцы легко касались рукоятей и выступов нижнего края криогенных камер – целых рядов камер, установленных высоко над головой. И за люками камер – замороженные тела. Безмолвные, застывшие в безумной надежде. Сотня тел на каждые тридцать шагов. Тысячи за каждым поворотом. Сотни тысяч в бесконечном лабиринте. Нет, миллионы.

Это уже не галлюцинация, а просто кошмар.

Криосоты – так назывались эти тоннели. Поговаривали, что коридоры с замороженными тянутся на многие километры по городским подземельям. Аккуратные корпуса свежестроенных «мавзолеев» на западной окраине города, получившие название «Криополь», по своей масштабности не шли ни в какое сравнение с более старыми постройками, рассыпанными вокруг города и под ним. Некоторым из них было по полтора ста, а каким и по двести лет; одни еще работали, другие были остановлены и заброшены. А может, заброшены, но не остановлены?

В голове шумело, и ангелы продолжали орать. Майлз изо всех сил вслушивался, не донесется ли откуда путеводный гул морозильной установки. Иначе то был бы всем кошмарам кошмар – в каждом из отсеков под панелями не замороженная надежда, а теплая гниющая смерть.

Бежать? Глупо...

Словно снегом, мело ангелами. Майлз усилием воли собрал остатки сознания и заставил себя не отвлекаться на них. Хотя мелькнула мысль пересчитать их чехарду весьма точным, с точки зрения статистики, методом случайной выборки. Майлз уже проводил приблизительные прикидки, когда только прилетел на Кибо-Даини. Когда же это было? Пять дней назад. А кажется, так давно. Если тела замороженных складировались в этих коридорах с одинаковой плотностью – скажем, в среднем сотня на десять метров, это будет десять тысяч на каждый километр. А сотня километров разместит миллион замороженных мертвецов. Итого: что-то

между полутора и двумя сотнями километров с криоустановками, которыми напичканы подземные тоннели города.

Меня никогда не найдут.

Испарапанные руки саднило. Разорванные на коленях брюки намокли. От крови? За спиной остались лазы и трубопроводы. Наверное, целые километры, которые он прополз на коленях. Еще были обычные хозяйственные тоннели, освещенные потолочной люминесценцией и не забитые до отказа вековой нежитью. Утомленные ноги заплетались, и Майлз застыл... да нет, пожалуй, просто остановился, чтобы удержать равновесие. Чертовски не хватало трости – та ушла в неведомом направлении во время потасовки. Когда же все произошло? Несколько часов назад? Трость бы ему сейчас ох как помогла, ей можно простучивать пол перед ногами, как делали слепые на Древней Земле, или в Период Изоляции на Барраяре. Образ зияющих разломов под ногами никак не давал покоя.

Жертве не сильно досталось от своих незадачливых похитителей. Чтобы показать заложникам, кто теперь хозяин, бестолково организованные налетчики полагались не на кулаки, а на пневмошприц с транквилизатором. К несчастью, именно на это успокоительное аллергия Майлза среагировала бурно и незамедлительно. Судя по симптомам, он получил дозу того самого аллергена. Вот только налетчики не ожидали, что вместо сонного тьюфяка займут яростно отбивающегося и вопящего во всю глотку коротышку. А значит, похитители далеко не все о нем знали. И эта мысль не могла не вызывать воодушевления.

Да и вообще, ни черта они не знали.

Ну все, гады! Теперь вы – в первых строках черного списка Имперского Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана!

Вот только как вас записать, под каким именем?

Он провел лишь пять дней на этой захолустной планете, и что же? Совершенно незнакомые люди пытаются его убить. Хотя чего тут удивляться? А когда было по-другому? Это даже не рекорд. Жаль, неизвестно, кто эти «похитители». Жаль, что он не на территории Империи Барраяра, где жуткий титул Имперского Аудитора имеет вес.

Когда же заткнутся эти чертовы ангелы?!

– *Мой сон пусть ангелы лелеют*, – оригинальная получилась аранжировка, с речитативным бормотанием, – *зачем все ближе барабанов бой?*

Ангелы упирались, явно не желая сплетаться в шар над головой и освещать путь к выходу. А ведь он надеялся, что подсознательно запоминает дорогу, пока блуждает в полузабытьи по тоннелям; надеялся, что проснувшийся разум что-нибудь да выдумает. Как бы не так! Тогда вперед. Сначала левой, потом правой. Разве не так взрослые люди решают проблемы? Должен же он когда-нибудь повзрослеть.

Интересно, а не хожу ли я кругами?

Рука соскользнула со стены в пустоту пересекающего путь коридора. Он вел к вспомогательным техническим помещениям, там нечего делать. И тут же еще один коридор. Майлз пожалел, что так часто сворачивал в боковые коридоры – отчасти именно поэтому так безнадежно заблудился. Надо идти только прямо или, если упруешься в тупик, сворачивать направо и идти, сколько можно – так он сформулировал план действий на ближайшее будущее.

Наконец пальцы нащупали что-то не похожее на панель криокамеры. Майлз замер. Из собственного печального опыта он знал: стоит лишь на мгновение свернуть с пути, ориентация тут же теряется. Осторожно, чтобы не развернуться, обшарил стену вокруг. Да это дверь! Только бы не опять в какую-нибудь подсобку. Только бы она не оказалась запертой, как обычно.

Не заперто!

Майлз собрался и потянул за ручку. Заскрипели ржавые петли. Чертова дверь весила никак не меньше тонны, но ведь подалась! Он осторожно ступил в проем и поводил ногой. Ступня не ушла в пустоту. Если ощущения не врут, это пол. Подпереть дверь было нечем.

Оставалось лишь надеяться, что она отыщется: а вдруг новый коридор закончится тупиком? Он осторожно встал на четвереньки, чтобы было легче двигаться на ощупь.

Нет, это не подсобка. Здесь лестница, пожарная лестница! Похоже, он стоит на площадке перед дверью. Саднящая кожа руки коснулась шероховатой прохладной подножки. Ступени справа вели наверх, слева – вниз. Куда идти? Однозначно, путь наверх должен закончиться скорее. Может, то, что подземелья здесь бездонны, и заблуждение, только очень уж это заблуждение пугало. До планетарной магмы, во всяком случае, лабиринт не доведет – замороженные «потекут» от жара.

Поручни на лестнице болтались не сильно, тем не менее Майлз все равно карабкался на четвереньках, похлопывая по каждой следующей ступени, проверяя, все ли с ней в порядке, прежде чем наступить. Площадка, поворот, снова вверх, преодолевая боль. И снова площадка и разворот. Хотя дверь также оказалась открытой, он продолжил путь по лестнице. Нет уж, никому не заставить Майлза вернуться к сонмищу трупов, только если путь вверх закончится. Он попробовал было считать лестничные пролеты, но сбился через несколько поворотов. Майлз вдруг услышал собственное хныканье – в одном ритме с завыванием ангелов. Заставил себя заткнуться. О боже, что это там такое? Какое-то светло-серое мерцание над головой. Это настоящий свет или опять галлюцинация?

Майлз понял, что свет настоящий, когда бледными тенями проступили руки, белесые и призрачные рукава рубашки. Что ж, во всяком случае, руки на месте. И то хорошо.

Окно! В двери следующей площадки – окно! Двух ладоней шириной, зато настоящее окно. Майлз посмотрел наружу, вытягивая шею, и заморгал – серый сумрак взметнулся ярче пламени. Отвыкшие от света глаза наполнились слезами. Только бы оказалось не заперто, только бы не заперто...

Он поддал плечом и выдохнул с облегчением, когда дверь сдвинулась. Скрипу от нее было значительно меньше, чем от той, что внизу. *Может, это крыша? Ты бы поосторожнее.* И снова пополз на четвереньках, на сей раз наконец-то на свежий воздух.

Нет, это не крыша. Широкий переулок, уровень городской улицы. Придерживаясь одной рукой за грубо оштукатуренную стену, Майлз поднялся на ноги. Щурясь, он вглядывался в мутно-серые тучи, влажный туман и сгущающиеся сумерки. Все вокруг прямо-таки искрилось светом.

Напротив двухэтажного здания, которое он только что покинул, стояло другое, значительно выше. С видимой стороны не было ни входов, ни окон на первом этаже. Темные проемы выше отливали холодным серебром рассеянного света. Стекла не были разбиты, однако смотрели печально и неуютно, словно глаза брошенной женщины. Не исключено, что здесь промзона – ни домов, ни магазинов поблизости не видно. Ни освещения, ни охраны. Что же здесь такое? Склады? Заброшенное производство? Ледяной ветер гнал и мял какой-то пластиковый обрывок по растрескавшемуся тротуару – яркий кусок мусора, более реальный, настоящий, чем все вопящие ангелы этого мира. Или его воображения. Какая разница?

Он находился на территории Нортбриджа, столицы местной префектуры. Город еще назывался Китахиси – похоже, у всех городов на этой планете было по два имени. Наверняка чтобы запутать туристов. Определенно это Нортбридж. Чтобы очутиться в другом городе, ему пришлось бы одолеть под землей больше сотни километров по прямой. И если с первой частью все было логично (судя по тому, как гудели ноги, Майлз отмахал не меньше сотни километров), то «по прямой» никак не вписывалось в пройденный маршрут. Забавно, ведь на самом деле он мог находиться где-то совсем неподалеку от центра города, точки начала движения. Да нет, это все же маловероятно.

То ли чтобы не упасть, то ли по уже выработавшейся жуткой привычке, Майлз оперся на грубо оштукатуренную поверхность стены и, повернув (направо!), пополз к пересечению коридо... Нет, к перекрестку улиц. Тротуар леденил ступни. Похитители сразу же разули его,

и теперь носки превратились в ошметки ткани. Он стер и ноги. Правда, ступни сейчас не чувствовали ничего, даже боли.

Ладонь скользнула по блеклой надписи на стене: «Сожги мертвецов!» После того как превралась «официальная» часть визита, Майлз видел этот призыв не единожды: раз – в подземном переходе неподалеку от космопорта, бригада уборщиков как раз смывала надпись. Чаше лозунг попадался на глаза в технических ответвлениях подземных тоннелей, там-то уж точно туристов не ждут. На Барраяре принято сжигать жертвы в честь умерших. Майлз сомневался, что местные разделяют барраярский обычай. Загадочная фраза немедленно заинтересовала его. Имперский Аудитор как раз собирался приступить к расследованию, как все пошло наперекосяк. Когда же все это случилось? Вчера? Сегодня утром?

Свернув в другой неосвещенный... то ли переулок, то ли подъездной путь, ограниченный по противоположной стороне выдавшей виды сеткой-рабицей, Майлз остановился в нерешительности. Из сгущавшегося сумрака, под проливным дождем из ангелов, на него плечом к плечу надвигались две фигуры. Майлз поморгал, чтобы разглядеть их как следует, и тут же пожалел.

Та, что справа, была чешуйчатой бусинной ящерицей с Тау Кита, ростом не ниже (хотя, можно сказать, и не выше) самого Майлза. Пестрая шкура, покрытая бисером чешуек, переливалась темно-красным, желтым, черным и слоновой костью, словно ошейником вокруг горла и дальше, по брюху. Вместо того чтобы двигаться положенными ей жабыми прыжками, рептилия перемещалась на задних конечностях, что многое объясняло. Настоящий ядозуб с Тау Кита на четвереньках достал бы Майлзу до пояса. Так что этот не был слишком уж большим представителем своего вида. К тому же он помахивал какими-то мешками в руках. Ящерицы так себя не ведут.

А вот второй... То было порождение собственной фантазии Майлза, кошмарный жирный гигантский масляный жук. Ростом метр восемьдесят, с бледным брюхом, в котором что-то перекатывалось, он смахивал скорее на чудовищного таракана. Голова подпрыгивала из-под древесного цвета крыльевых пластин, но тварь вышагивала на ножках-палочках, а в передних клешнях также болтались тряпичные мешки. Средняя пара конечностей то появлялась, то растворялась, словно сознание Майлза никак не могло решить, какого размера омерзительное насекомое.

Парочка приблизилась, замедляя поступь и пялясь на Майлза. Тот покрепче вцепился в стену и осторожно начал контакт:

– Э-э... Приветствую вас!

Тараканище повернул хитиновую голову, продолжая столь же осторожно изучать Майлза.

– Не вздумай подходить, Джин, – посоветовал он своему спутнику-коротышке. – Кто его знает, откуда он. Наверно, укурок. Вишь, зенки какие?

Жвала и усищи шевелились. Голос принадлежал ворчливому старикашке.

Майлзу очень хотелось объяснить им, что он действительно одурманен, но вовсе не наркоман. Однако сил пояснить разницу уже не было. Чтобы не перенапрячься, он попытался улыбнуться. Галлюцинации испуганно отшатнулись.

– Послушайте, – раздраженно начал Майлз, – не может быть, чтоб я напугал вас больше, чем вы меня. Может, пока потерпите мой вид?

Должно быть, он забрел в кошмарную сказку с говорящим зверьем – одну из тех, что сам читал и перечитывал Саше и маленькой хулиганке Елене. Только вот в тех сказках зверье было попушистее. Жаль, что растерзанные «химией» нейроны головного мозга не изобразили ему больших пушистых котят.

Выбрав самый строгий дипломатический тон, Майлз изложил суть проблемы:

– Прошу прощения, господа, но я, похоже, заблудился.

А еще, похоже, где-то заблудились мой бумажник, комм и половина одежды. А еще я потерял телохранителя и способность трезво мыслить. А еще – он пошарил рукой по шее – потерялось его Аудиторское гербовое кольцо-печатка вместе с цепочкой. Конечно, коммуникационные и многочисленные другие встроенного в печатку чипа абсолютно бесполезны на этой планете, но Роик, телохранитель, смог бы обнаружить его по сигналу. Если, конечно, Роик еще жив. Когда Майлз видел его в последний раз, тот маячил над испуганно мечущейся толпой.

Майлз неосторожно наступил на осколок камня и убрал ногу. Если глаз различает камень, стекло и обрывки пластика на тротуаре, почему он не видит разницы между людьми и гигантскими насекомыми?

– В прошлый раз мне, помнится, мерещились здоровенные сверчки, – сказал он тараканищу. – Масляный жук, по-моему, гораздо лучше. Ничей другой мозг на этой планете, кроме, пожалуй, Роика, не родил бы масляного жука. Так что я точно знаю, откуда вы взялись. Судя по тутошней моде, будь вы порождением разума аборигенов, носили бы шакальи головы. Или ястребиные. Человек с головой ястреба в белом лабораторном халате.

Майлз понял, что сказал все это вслух, только когда парочка отступила еще на шаг назад. Да чего ж они так боятся? Может, его глаза лучатся небесным светом? Или, наоборот, сверкают адским пламенем?

– Отойди от него, Джин. – Тараканище продолжал тянуть ящерицу за лапу, прочь от Майлза. – Не разговаривай с ним, отходи медленно.

– Ему надо помочь.

Другой голос был совсем юным, непонятно только, мальчишечьим или девчачьим.

– Да, конечно, мне надо помочь! Из-за всех этих ангелов перед глазами я земли под ногами не вижу. Еще и обувь потерял. На нас напали...

– Пойдем, Джин! – не унимался спинокрыл. – Надо успеть отдать секретарю мешки с находками до темноты, иначе нам достанется.

Майлз задумался, есть ли в этой реплике какой-нибудь смысл, но решил, что даже будь его мозг не в одурманенном состоянии, он бы не понял, о чем речь.

– А куда вам надо? – спросила ящерица с детским голосом. Тарканище тянул, но та упиралась.

– Я... – *понятия не имею*, подумал Майлз. Назад ходу не было, пока наркотик не дает трезво мыслить. К тому же он не знает, кто враги и с кем придется сражаться. Вернуться на конференцию по криогенной инженерии, даже если считать, что она продолжилась после всей шумихи, значит, попасть прямо к ним в руки. Конечно, надо бы домой. До вчерашнего дня домой хотелось больше всего. Но потом... произошло столько всего интересного. С другой стороны, если бы кому-то приспичило его убить, у них уже была масса возможностей. Значит, все не так и плохо... – Я понятия не имею, – признался Майлз.

Старикашка-таракашка прошамкал с отвращением:

– Тогда нам будет трудно подсказать вам, как туда пройти, согласны? Джин, мы уходим!

Майлз облизнул пересохшие губы. Языка он не почувствовал. «Не бросайте меня!» – безмолвно прокричал он. А потом тихо попросил:

– Я очень хочу пить. Не могли бы вы хотя бы сказать, где здесь можно попить?

Сколько же он пробыл в подземелье? На мочевого пузырь в качестве часов полагаться нельзя – он ведь вполне мог отлить где-нибудь в углу, двигаясь запутанным маршрутом. Судя по жажде, он провел внизу от десяти до двадцати часов. Лучше бы двадцать, подумал Майлз, тогда наркотик скоро выветрится.

Ящерица по имени Джин предложила, подумав:

– Я принесу вам попить.

– Ни в коем случае, Джин!

Ящерица выдернула лапку из тараканьей клешни.

– Не указывай мне, что делать, Йани! Ты мне не папа с мамой! – На последних словах ее голос задрожал.

– Да пойдем же! Смотритель сейчас запрет ворота, ждут одних лишь нас!

Неохотно, оглядываясь через ярко расцвеченное плечо, ящерица поплелась следом в сгущающуюся тьму улицы.

В изнеможении и отчаянии Майлз осел на землю, привалившись спиной к стене здания. Попробовал глотать ртом влажный вечерний туман, но от жажды это не помогло. Холод от стены и тротуара пробирал до костей, легкая одежонка совсем не грела. На нем и были-то всего рубашка да серые штаны. В карманах пусто, ремень тоже забрали. А ночью станет еще холоднее. Фонарей на улице не было, небо над городом тлело абрикосовым свечением – все лучше, чем непроглядная тьма под землей. Зато там теплее. Интересно, подумал Майлз, долго ли я здесь выдержу, прежде чем холод загонит меня вниз? Долго. Черт, очень долго. А холод он ненавидит.

И потянулось время. Майлз дрожал, прислушиваясь к отдаленному городскому гулу и приглушенным крикам в собственной голове. Похоже, ангельская напасть снова начала таять и превращаться в мельтешащие стрелы перед глазами. Ну и слава богу.

Не надо было садиться.

Напряженные мышцы ног сводило судорогой. Вряд ли он теперь сможет встать.

Слишком уж неуютно здесь было, чтобы задремать, но Майлз задремал. Сколько прошло времени? Трудно сказать, однако пробудился он резко – кто-то осторожно коснулся плеча. Рядом на коленях стоял Джин, теперь он гораздо меньше походил на рептилию.

– Эй, если хотите, пойдемте ко мне в убежище, – прошептал он. – У меня и вода в бутылках есть. Йани нас не увидит, он уже лег спать.

– Вот... – язык не слушался Майлза, – вот здорово.

Сам бы он не встал, но крепкая юная рука не дала ему упасть.

Окруженный воющим ореолом вертявых светлячков, Майлз побрел за гостеприимной ящерицей.

* * *

Джин шел, посматривая назад, проверяя, не потерялся ли где забавный коротышка, ростом не выше самого мальчика. Даже в сумерках было ясно, что наркоша – взрослый мужчина, а не мальчишка, на что Джин поначалу надеялся. Тот говорил взрослым голосом, хоть и забалтываясь от усталости словами точными и непростыми. А еще чудно – низко и раскатисто. Коротышка двигался прямо как Йани – медленно и скованно. Зато случайно пробежавшая по лицу улыбка светилась добротой, словно у человека, привыкшего радоваться жизни. Ворчун Йани никогда не улыбался.

Интересно, кто его поколотил? И за что? На коленях протертых штанов – засохшая кровь, на рубашке – коричневые пятна. Для обычной сорочки она выглядела несколько вычурно. Казалось, прежде чем ее уделали, рубашка сверкала безупречной чистотой. Как такое могло быть, Джин не понимал, ну да и ладно. Зато теперь у него есть еще один, новый дружок. И никто его у Джина не отберет.

Подойдя к пожарной лестнице, бегущей по внешней стене теплообменника, Джин еще раз посмотрел на пятна засохшей крови и скрюченные от холода конечности. Спросил:

– А вы карабкаться умеете?

Коротышка поднял голову:

– Не то чтобы это было моим любимым развлечением... И сколь высоко вздымается башня сей цитадели?

– Э-э... Только до верху, и все.

– А высоко ли до верху? – тихонько пробормотал незнакомец. – Два этажа или, скажем, двадцать?

– Всего лишь три, – ответил Джин. – На крыше у меня тайник.

– На крыше?.. Что ж, зато «тайник» – звучит здорово. – Коротышка зачем-то облизал потрескавшиеся губы – язык тоже казался совсем высохшим. Без воды он долго не протянет, подумал Джин. – Давай ты пойдешь первым? А то я, неровен час, поскользнусь...

– Мне придется пойти вторым. Надо поднять за собой лестницу.

– А... Ясно. – Маленькая короткопалая рука потянулась за перекладиной. – Наверх. Наверху хорошо, да?

Он помедлил, вздохнул и полез, пошатываясь, наверх.

Джин взлетел следом с легкостью ящерицы. В трех метрах над землей он остановился, покрутил трескучий храповик, поднял лестницу, чтобы непосвященные в тайну не смогли последовать за ними, и задвинул шеколду. Еще три метра вверх, и перекладины лестницы превратились в широкие стальные скобы, прикрученные к стене. Коротышка преодолел и скобы; загвоздка была, похоже, в том, что он не мог перелезть через край крыши.

– А что теперь? – В голосе звучало напряжение. – Чувствую, здесь надо прыгать вниз, на ту сторону, да вот не знаю, сколько до поверхности.

Чего это он? Не так-то и темно, чтобы совсем не видеть.

– Если не получается подтянуться, просто перекатитесь через край и падайте вниз. Край стены всего в полуметре над крышей.

– Ага... – донеслось в ответ.

Ступни мелькнули над головой и исчезли. Джин услышал глухой удар и хриплый вскрик. Он перемахнул через парапет. Коротышка сидел на плоской крыше и скреб пальцами по зернистой кровле, словно пытался уцепиться крепче.

– Вы боитесь высоты?

Джину стало стыдно, что он не додумался спросить об этом раньше.

– Вообще-то нет. Просто голова кружится. Извини.

Джин помог ему подняться. Мужчина не отказался от помощи, и мальчик повел его вокруг сдвоенной башни теплообменника, здоровенной глыбой возвышавшегося над крышей. Услышав знакомые шаги, Галли, Твиг, Миссис Спек и ее шестеро оставшихся в живых цыплят бросились к нему вокруг труб, квохча и кудахча.

– Боже, теперь я вижу кур, – произнес мужчина сдавленным голосом, внезапно остановившись. – Что ж, где ангелы, там и куры. Что-то общее все-таки есть – крылья, например.

– Перестань, Твиг! – шикнул Джин на коричневую курочку, которая все норовила клюнуть штанину гостя. Джин легонько оттолкнул ее ногой в сторону. – Я пока не принес вам корма, подождите.

– Ты тоже видишь кур? – осторожно поинтересовался мужчина.

– Да, и все – мои. Белую зовут Галли, коричневую – Твиг, а черную рябую – Миссис Спек. А это все ее детки. Только они уже совсем и не детки.

Выводок линияющих цыплят-подростков выглядел не очень аппетитно, и Джин даже хотел извиниться за них, пока гость продолжал вглядываться в мечущиеся под ногами тени.

– Я назвал ее Галли, потому что «галлус» – по-научному значит «курица».

Джину нравилось это имя, веселое и резвое, словно «галоп»; мальчишка всегда производил его с улыбкой.

– Грамотно, – сказал мужчина, и Джин потянул его за собой.

Зайдя за угол, Джин по привычке проверил навес, который сам построил из кусков брезента и каких-то чехлов. Конструкция, натянутая на шестах между башнями теплообменника,

служила кровом для всего зверья. Под навесом было уютно, да и просторнее, чем в спальне в той, другой жизни... Лучше не вспоминать...

Отпустив руку гостя, мальчик взлетел на стул и включил лампочку-переноску, свисающую с растяжки рядом с обрывком провода. Тайное царство под навесом залилось ярким светом; лампочка справлялась со своей работой не хуже иной люстры. Незнакомец тут же прикрыл воспаленно-красные глаза ладонью, и Джин приглушил освещение.

Джин спустился со стула. Лаки поднялась и заковыляла ему навстречу с одеяла, лежавшего среди горы клочков бумаги, служивших матрасом. Мяукнув, она поднялась на задние лапы и дотянулась единственной передней до Джинова колена, разминая коготки. Джин наклонился, почесал за пушистым серым ухом.

– А обеда-то пока и нету, Лаки.

– У этой кошки действительно три лапы, или?.. – спросил гость как-то испуганно.

Джин даже забеспокоился, нет ли у того аллергии на кошек.

– Ну да, ей прищемило лапку дверью. Она еще совсем котенком была. Это не я ее так назвал, это мамина кошка. – Джин прикусил язык. Не надо было этого говорить. – Вообще, это просто *Кошка домашняя*.

Вихрь, сокол, пронзительно крикнул со своего насеста; у Майлза уши свернулись трубочкой, а крысы зашебуршали по клеткам. Джин поздоровался со всеми, но еды за приветствиями не последовало, и недовольное зверье расплзлось по местам.

– А вы крыс любите? – спросил Джин с неподдельным интересом. – Хотите, я дам вам подержать Джинни? Она не укусит.

– Может, попозже? – ответил гость, но тут же прочел обиду в глазах Джина. Прищурившись, обвел взглядом клетки и поправился: – Крыс-то я люблю, просто боюсь, что уроню Джинни. Руки пока не слушаются. Слишком долго я сегодня бродил по Криосотам. – И, подумав, добавил: – Знал я одного астронавта. Тот хомячков держал.

Это уже было что-то. Лицо Джина просветлело:

– Ой, вы же пить хотите!

– Буду благодарен, – ответил гость. – Это ведь стул, да?

Он ухватился за спинку стула, который Джин только что использовал как стремянку, и облокотился на него. Исцарапанный круглый столик, стоявший рядом и выброшенный некогда за ненадобностью из кафе, мог бы украсить жилище любого бомжа. Когда Джин нашел его в очередном помойном рейде, столик едва держался на расшатанных ножках. Смотритель Тен-бери научил Джина, как починить его разными подручными средствами.

– Ага, садитесь! Извините, стул у меня один – гостей-то обычно не бывает. Вы – гость, а значит, стул – ваш.

«Гость» плюхнулся на выдавший виды пластиковый стул, тоже, видимо, из кафе. Джин пошарил на полке, выудил литровую бутылку воды, открутил крышечку и передал бутылку Майлзу.

– Извините, чашек у меня нет. Вы не против пить из одной бутылки со мной?

– Вовсе нет, – ответил тот, поднял бутылку и жадно к ней присосался. Уже допивая, внезапно поперхнулся. – Постой-ка, это что, весь твой запас воды?

– Нет-нет. На башнях охладителя снаружи есть краны. Один поломан, но, когда я перетаскил сюда всех своих друзей, смотритель починил второй специально для меня. И палатку он мне помог поставить. Старшие не дали мне держать животных в здании – не всем людям нравятся шум и запахи. Да мне здесь и лучше. Пейте, сколько хотите. Я еще наберу.

Коротышка осушил бутылку, и Джину пришлось расплачиваться за свои слова.

– Можно еще?

Джин метнулся к крану и наполнил бутылку, на мгновение задержавшись у поилки для цыплят. Гость осушил еще полбутылки, не останавливаясь, затем веки его устало смежились.

«Интересно, сколько же ему лет?» – подумал Джин. На бледном лице залегли морщины, тонкими лучиками разбегаясь из уголков глаз. Подбородок темнел суточной щетиной; такая у кого хочешь пробьется после ночи *под землей*. Темные волосы аккуратно пострижены, в отблесках света видно кое-где пробивающуюся седину. Похоже, он вовсе не карлик, просто невысокий взрослый. Вроде крепкий, хотя голова на короткой шее выглядит несколько крупновато. Джин сгорал от любопытства; проявляя вежливость, все же решил пойти в обход.

– А как вас зовут, господин?

Глаза незнакомца распахнулись; светло-серые, наверно, еще и яркие, только сейчас слишком уж красные и воспаленные. Хорошо, что он не такой здоровенный, как остальные взрослые, иначе Джин бы испугался.

– Майлз. Майлз Фор... э-э... остальное здесь у вас никто и выговорить-то не может. Зови меня просто Майлзом. А как зовут тебя, э-э... добрая душа?

– Джин Сато, – ответил Джин.

– Ты живешь здесь, на крыше?

Мальчик пожал плечами:

– В основном да. Сюда никто не суется. Лифт внутри здания не работает. – Джин решил перехватить инициативу: – Мне скоро будет двенадцать. – Решив, что вот он и настал, момент правильного вопроса, Джин наконец-то выдал: – А сколько вам лет?

– А мне тридцать восемь. Недавно было...

– Ух... – Джин переваривал информацию. Значит, он старик. А значит, наверняка зануда. Пусть и не такой древний, как Йани, но, с другой стороны, как узнать, сколько Йани по-настоящему лет? – Вы говорите, как нездешний. Откуда вы?

– Да, я не здешний. С Барраяра.

Джин сдвинул брови:

– А это где? Это город? – Такого города в префектуре не было, Джин мог бы назвать все двенадцать. – Никогда не слышал.

– Это не город. Это такая планета. Если уж совсем точно, трехпланетная империя.

– Так вы с другого мира! – Джин в восторге выпучил глаза. – Я еще никогда не встречал людей с других миров! – Сегодняшнее ковыряние в мусорных кучах внезапно принесло богатый улов. Хотя если он турист, то наверняка уйдет отсюда, как только дозвонится до своих друзей или до отеля. Что уж тут радоваться. – А вас что, грабители поколотили, или что?

Джину рассказывали, что грабители нападают на наркоманов, пьяниц и туристов. Наверно, все эти люди очень беспомощны, подумал тогда Джин.

– Вроде того. – Майлз внимательно посмотрел на Джина. – Ты последние новости не слышал?

Джин покачал головой:

– Здесь только у секретаря Сьюз есть рабочий комм-пулт.

– Здесь?

– Ну... у нас. Здесь у нас криокомплекс, правда, его закрыли и забросили давным-давно, еще до того, как я родился. Потом сюда пришли люди, которым больше некуда было деваться. Думаю, мы тут все вроде как прячемся. Конечно, кто живет по соседству, знает, что здесь есть люди. Сьюз-сан говорит, что, если мы все будем поосторожнее и не будем высовываться, на нас никто не обратит внимания.

– А этот, который с тобой был... Йани? Он кто? Твой родственник?

Джин изо всех сил замотал головой:

– Нет, он просто пришел сюда однажды, как и все. Он размороженный.

Джин произнес это слово с придыханием: *размороженный*.

– То есть из криокамеры?

– Ага. Вот только он сам меньше всех рад, что его разморозили. У него был контракт с криокорпорацией только на сто лет. Думаю, тогда, давным-давно, Йани отвалил за него кучу денег. Но забыл сказать им, чтоб не размораживали, пока не найдут лекарство от старости. Ну так вот, его и разморозили по контракту. Жалко им, наверное, теперь – его голос потеряли. Вряд ли Йани ожидал такого будущего; слишком уж стар, чтобы работать, а значит, в криокамеру ему больше не попасть. Да и вообще, мало что соображает. Только жалуется на все постоянно.

– Ясно... Вроде бы.

Коротышка зажмурился, затем широко распахнул глаза и потер брови, словно отгоняя сильную боль.

– Черт... Когда же оно отпустит?..

– Может, приляжете на мою скатку? – робко предложил Джин. – Вам нехорошо?

– Ты прав, мой юный друг! Мне нехорошо... Как точно сказано. – Майлз опрокинул остатки воды из бутылки себе в рот. – Мне нужно больше воды, надо поскорей вымыть из организма эту дрянь. Где у тебя сортир? – Джин недоуменно посмотрел в ответ, и Майлз пояснил: – Туалет? Галюн? Отхожее место? Нужник? В здании есть толчок?

– А! Простите, поблизости нет... Я когда на крыше подолгу остаюсь, обычно потихоньку... ну... туда, в канавку, в уголке. А потом смываю по водостоку ведром воды. Только нашим женщинам ни гу-гу. А то они поднимут шум. Хотя травка внизу здорово зазеленела. Цыплята, вон, всю крышу уделали, так ведь ничего, никто и внимания не обращает!

– Вот это да! – улыбнулся Майлз. – Поздравляю, мой зеленокожий оруженосец! Уборная – твоё независимое изобретение! Для рыцарского замка – в самый раз.

Что за *«убор на «Я»*», Джин и понятия не имел; по правде говоря, он не понимал и половины того, что лопотал этот наркоша. Поэтому решил не брать в голову.

– Вы прилягте, а я принесу чего-нибудь поесть, – предложил мальчик.

– Прилечь? Заманчиво... А там, глядишь, и пожевать смогу.

Джин обрадовано вскочил.

– Вам ещё воды принести?

– Будь добр.

Когда Джин вернулся с водой, коротышка пристраивался на суконном одеяле, брошенном у стены теплообменника. Лаки ему помогала. Мужчина протянул руку и рассеянно почесал ее за ушами, а потом нежно провел пальцами по обеим сторонам кошачьего хребта, выгнутого от удовольствия. Кошка снизошла даже до того, чтобы выразить признательность редким для нее урчанием. Майлз простонал и откинулся на спину, взял бутылку с водой и поставил у изголовья.

– Господи, хорошо-то как!

Лаки запрыгнула ему на грудь и принялась обнюхивать щетинистый подбородок. Майлз терпеливо наблюдал за ней.

Джин вдруг испугался:

– Если вы так боитесь высоты, как же быть с водостоком?

Жуткая картинка возникла перед глазами мальчика: его гость, человек с другой планеты, летит вниз головой, оступившись на парапете после неудачной попытки пописать в темноту...

– Знаете, куры почти не летают, хотя и птицы. А цыплята, так те вообще не летают! У меня погибли два цыпленка Миссис Спек – свалились с парапета. Вроде выросли; забраться-то на край забрались, а вот удержаться – сил не хватило. Поэтому я им на вырост приспособил веревочку: привязываю за лапку, чтоб не заходили слишком далеко. Может, я и вас так... за лодыжку привяжу?

Майлз воззрился на ребенка в изумлении. Джин даже успел перепугаться, что смертельно обидел гостя. Наконец в ответ прозвучал скрипучий голос:

– А знаешь, парень, в сложившейся ситуации идея очень даже недурная!

Джин расплылся в улыбке от уха до уха и помчался на поиски веревки, зарытой где-то в ворохе мальчишечьего скарба. Один конец накрепко привязал к металлическим поручням у люка теплообменника, проверил, хватает ли длины до самого желоба водостока; вернулся, чтобы закрепить другой конец вокруг лодыжки гостя. Коротышка уже спал, обнимая одной рукой бутылку с водой, а другой – серую кошку. Мальчик дважды обернул веревку вокруг его лодыжки и затянул крепким узлом. Затем вскарабкался на стул и приглушил свет переноски до мягкого, как у ночника, свечения. Он старательно гнал от себя мысли о маме.

Ложись и засыпай! А то придет серенький волчок и укусит за бочок!

Если волчок придет, я его поймаю и посажу в клетку. А кто он, этот волчок? Расскажи!

Понятия не имею. Просто так говорят деткам, когда укладывают спать. Засыпай, Джин!

Как же его согревали эти слова! Но теперь от них холодно. *Ненавижу холод.*

Обрадованный тем, что все так здорово устроил и что теперь-то его загадочный гость с другой планеты никуда не денется, Джин вернулся к парапету, перегнулся через край и посмотрел на лестничные скобы. Если поторопиться, можно успеть в кафе Аяко до закрытия, прежде чем все хорошие объедки попадут в помойку.

Глава вторая

Когда сержант Роик очухался во второй раз (хотя, может, то был уже третий?), нервно-паралитический дурман почти рассеялся, превратившись из густой каши в голове в пульсирующую между висками муть. Пошарив вокруг в поисках коммуникатора, Роик, естественно, ничего не обнаружил. Застонав, он повернулся на вонючем полусгнившем матрасе. Матрас лежал на полу, а вот где находился пол, понять было сложно. Сержант открыл глаза и наконец-то, при дневном свете, ясно разглядел свою тюрьму.

С мебелью как-то не густо. Похоже на гостиничный номер – об этом говорят и планировка, и розетки, и ржавый разбрызгиватель противопожарной системы над головой, и лампочка над единственной дверью, вместо светильника. Матрас лежал в нише, некогда бывшей встроенным в стену шкафом. Напротив, в проеме выбитой двери, виднелся туалет. На лодыжке висела цепь. На другом конце цепи – болт, вмурованный в стену. Цепи хватало, чтоб зайти в туалет; во всяком случае, остались туманные ночные воспоминания. Однако до входной двери не доберешься.

Он опять проверил, хватает ли цепи до туалета. Жадно приложился к пластиковому стаканчику с водой, оставленному заботливыми похитителями. Может, если пить больше, голова прочистится скорее? За длинным узким окном над ванной открывался пейзаж: унылый склон, покрытый лесом, густо спутанные ветви чернеющих деревьев. Роик постучал по стеклу. Оно отозвалось глухим голосом небьющегося материала. Тут либо электродрель нужна, либо плазморез.

Проверив длину цепи, сержант выяснил, что ее не хватит даже на полпути до двери. Зато, если встать во весь рост, видно все за передней стеклянной стеной номера, за той частью, что не перекрыта шторами и поляризующим фильтром. М-да, гостей здесь точно не ждут. Окно его номера выходило на общий балкон второго этажа. За балконными перилами открывался вид на обширные заросли кустов, которые терялись и растворялись в густом ельнике. Других зданий поблизости не было видно.

Ясно одно, он уже не в городе. А не было ли ночью на горизонте отсветов, огней большого города? Запомнилась только лампочка ночного освещения в туалете. Где же это он? Может, в десятке километров от Нортбриджа, а может, в десятке тысяч. И от этой разницы зависит жизнь...

Со своим огромным ростом он не без труда скрючился на матрасе и принялся за болт в стене, на котором висела цепь. Роику показалось, что болт – единственное слабое звено. Однако тот и не думал поддаваться. Мясистым пальцам сержанта едва удалось зацепиться за треклятую железяку. Эх, если бы хоть как-то подцепить и раскатать ее...

Да как же меня угораздило попасть в такую переделку?

Роику так и виделось: старший сержант Пим в пух и прах разносит его действия во время вчерашней потасовки. Сержант даже съежился от страха. Ведь получилось, пожалуй, в тысячу раз хуже, чем при жалком фиаско в истории с масляными жуками. А как все хорошо начиналось четыре недели назад!

Ну, может, только как-то поспешно. Хотя в этом-то что удивительного? Как правило, все поручения Императора Грегора Лорду-Аудитору Форкосигану отдавались внезапно. После дюжины межпланетных командировок с милордом, у Роика накопился «тревожный чемоданчик» умений. Например, мгновенно собрать багаж и документы на обоих, обеспечить безопасность милорда, когда Роик выступал в роли «личного помощника». Именно в такой должности Роик официально сопровождал милорда Форкосигана. Как правило, пытаться объяснить гражданам иных миров, что означает почетный титул оруженосца, превращалось в пустую трату

времени... К тому же Роик выполнял функции медбрата, без чего лорду Форкосигану было не обойтись. Хотя об этом милорд предпочитал отмалчиваться.

Знающая свое дело прислуга Дома Форкосиганов под неусыпным оком леди Екатерины фактически сняла с него часть этих задач. А вот отмена личных планов оказалась весьма болезненной – Роик едва успел набраться храбрости и пригласил мисс Пим в Хассадар, познакомиться с родителями. К счастью, Ори, дочь военного, все прекрасно понимала. Ухаживать за дочерью собственного командира оказалось весьма непростой задачей. Ему вспомнился один вид земных насекомых, про которых рассказывала леди Форкосиган. Так у тех самец должен глядеть в оба, чтоб суженая не слопала его, приняв за корм. Только в данном случае, сделай он хоть один неверный шаг, башку ему оттяпает старший сержант Пим.

Ну так вот. Получив императорское распоряжение, менее чем через сутки они уже добрались катером до орбитальной станции пересадки. Затем – корабль, скачок и три тоскливые (хотя и не сказать, что без удобств) недели в пути на Новую Надежду 2, или Кибо-Даини, как ее, чтобы не спутать с двумя другими планетами, называли местные жители. В конце пути – прибытие на одноименную (даже лучше, чем одноименную: просто «Кибо», язык не сломаешь) пересадочную станцию гиперпространственного тоннеля. Милорд, привыкший еще в дни работы в имперской безопасности не тратить дорожное время попусту, загрузил Роика объемистым домашним заданием – информацией о цели полета, да и сам нырнул в изучение еще более объемистых секретных докладов.

Роик никак не мог взять в толк смысла командировки. Ну, с лордом Форкосиганом все ясно: он единственный, кто, насколько Роик знал, действительно умер и вернулся к жизни лишь благодаря крионике. То есть в это вопросе Майлз – самый что ни на есть настоящий специалист-практик среди всех Аудиторов Грегора, личного императорского подразделения по особым поручениям. А уж в галактической дипломатии он был дока, тут вообще никаких сомнений. К тому же только что вполне успешно закончилась его работа в еще одной должности – графа-представителя своего отца на Совете графов, где он несколько лет работал в различных комитетах по усовершенствованию законов Барраяра в области репродуктивных технологий до всегалактических стандартов. Возможно, подумал Роик, крионика – лишь обратная сторона проблемы, связанной с искусственным продлением жизни, а посему – логическое продолжение работы милорда. Но «Открытая конференция по вопросам крионики» в Нортбридже, проводимая консорциумом криокорпораций Кибо-Даини, казалась поначалу самым умирительным гостиничным сборищем ученых головастиков и перекормленных юристов, которое Роик видел в своей жизни.

– Не стоит недооценивать ученых мужей, когда речь заходит о финансировании науки. Они превращаются в акул бизнеса, – пояснил милорд в ответ на недоумение Роика. – И уж тем более нельзя сомневаться в способностях юристов к тактике засад.

– Да они же ни черта не смыслят в игольниках и парализаторах! – не сдержался Роик. – Только болтать умеют. И чего я тут торчу? Как начнут метать свои статьи, я лучше за вас спрячусь, милорд.

Похоже, поторопился. Сглазил.

Роик честно скучал на всех заседаниях, где пожелал присутствовать милорд. Сержант садился в последнем ряду: оттуда можно было наблюдать за входами-выходами. Он держался изо всех сил, чтоб не заснуть. А вот милорд конспектировал все без устали и без разбору. Роик всюду следовал за милордом на званных обедах, на пышных вечерних банкетах, устраиваемых спонсорами, держась на самых разных расстояниях – то прямо-таки нависая над плечом милорда, то прислонясь к дальней стене, по знаку Майлза. О крионике и людях, которые ей занимаются, он узнал гораздо больше, чем хотел.

Роик уже было решил для себя, что вся затея с поездкой – не что иное, как сговор леди Форкосиган и императрицы Лаисы. Екатерине ведь столь необходим отпуск – отдых от супруга,

который относит все жалобы на счет скуки, а скука, по его мнению, лечится только новыми увлекательными планами и делами. Леди Форкосиган несет на своих плечах домашнее хозяйство, воспитание четверых детишек дошкольного возраста и подростка, сына от предыдущего брака, а плюс ко всему политически важную роль супруги Имперского Аудитора и графана наследника в одном лице. Она взвалила на себя обязанности по развитию сельского хозяйства и терраформированию округа Форкосиганов, а в короткие оставшиеся мгновения отчаянно пытается реализовать свои планы по садовому ландшафтному дизайну. По всему по этому прислуга уже судачила и гадала, когда же Екатерина не выдержит и, в ответ на мужнины чудачества, вышвырнет коротышку из окна четвертого этажа поместья Форкосиганов. Роик подумал, что командировка на Кибо, в общем-то, неплохая альтернатива.

Даже самому преданному телохранителю иногда требуется выйти по нужде. Вот потому-то, не забываясь об экономии, Роик и доказывал с пеной у рта необходимость держать с ним помощника, а лучше двух – на всякий случай. Прошлым вечером (а может, позавчерашним?) он сходил в туалет и вернулся в зал приемов. Милорда там не оказалось, зато сигнал его комм обнаружился этажом выше. Туда, на совсем уж закрытую часть банкета, вела винтовая лестница. Их комм работали на безопасном зашифрованном канале. Поскольку аварийного сигнала не поступило, ожидание заставило Роика лишь немного понервничать и потренироваться в терпении. Наконец милорд спустился по витым ступеням, довольными жестами распрямляя манжеты; выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но чтобы это понять, надо было его знать. Дьявольский огонек блестел в глазах, на губах блуждала усмешка, да и вообще, вид был ликующий. А в ликование его приводили совершенно ужасные вещи.

– Что случилось? – взволнованно шепнул Роик.

– Позже, – прозвучало в ответ, – здесь стены с ушами.

Так Роик и скрежетал зубами до вечера, пока они не остались одни в комнате. Тогда милорд распаковал глушилку от «жучков» и шифратор. Он уселся за единственный в комнате письменный стол и принялся стучать по клавишам.

– Ну, так что все-таки случилось? – Роика разбирало нетерпение. – С чего такой довольный вид?

– Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. После долгих дней тишины меня пытались подкупить.

Роик замер. Дача взятки Имперскому Аудитору влекла за собой смертный приговор на Барраяре.

К несчастью, мы не на Барраяре.

– Э-э... И это что, хорошо?

– Как говорят, нет дыма без огня. – Милорд продолжал жизнерадостно молотить по клавишам, творя послание, предназначенное лишь для императорских глаз. – А может, без зеркал. Прошу обратить внимание, попытка была завуалированной и весьма элегантной. Остается только радоваться, что я имею дело не с идиотами. Ах, Лаиса, как же ты была права. Милая комаррианка, и откуда только твой прелестный носик все знает?

– Что-что? – заволновался, ничего не поняв, Роик.

– Да уж, не поносил ты форму наемника, не послужил в спецслужбах. Там на предмет взяток были интересные проверенные правила. У меня на флоте было так: бери все, что дают, доложи начальству, делай то, что должен. На тайной службе – примерно то же: принимай взятку и тяни нитку. У всех ниток-веревочек два конца, знаешь ли. Веди и подсекай, там увидишь, что поймал. Ха-ха!

Допечатав, Майлз расплел в радостной улыбке.

– А что за взятка? – настаивал Роик. – Или мне не следует знать?

Не надо, не вынуждай меня работать вслепую.

– Крайне привлекательный фондовый опциончик от компании Ширазику-ша, ее полное название «Криокорпорация Белая Хризантема». Случилось так, что компания собирается открыть свое отделение на Комарре; мне, похоже, предлагается войти в дело на весьма выгодных условиях. Короче говоря, мне предложили беспроцентный кредит, деньги могу отдать, когда стоимость акций удвоится. Ну а что для них может быть выгоднее акционера с моими несусветно высокопоставленными связями? Хотя, надо отметить, «голосующие» акции мне не предлагали. Голосовать будут хозяева, чьи имена пока покрыты мраком.

Изо всех головомных извращений демократии, встречавшихся Роику – вроде вторичного рынка комаррских всепланетных «голосующих» акций, – обычай Кибодо-Данини включать замороженных (а по сути – мертвецов) в списки для голосования начисто «выносил мозг». Эти люди становились марионетками в руках криокорпораций. Те распоряжались безответными голосами несчастных, созидая ведомое лишь им самим будущее. Если уж доверяешь корпорации свои забвение и последующую жизнь, то голос – это такая мелочь.

– Без сомнения, то была великолепная задумка, – решительно заявил милорд, узнав о местной традиции. Правда, он говорил о временах двухсот- или трехсотлетней давности, когда странные похоронные обычаи (Роик представлял ситуацию именно так) лишь набирали популярность.

– Тэк-с... – пробормотал милорд себе под нос, отправляя донесение окольными и шифрованными путями.

Ох, как Роику хорошо знакомо было это «тэк-с». От него мороз пробежал по коже.

Засим в постель! Нас ждут великие дела последнего дня конференции. Вот только пошел он, этот последний день, совсем не так, как ожидалось. Насколько понял сержант Роик, никто, даже его хитроумие милорд, не ожидал, что события развернутся *так*.

И вот – Роик, Роик, что же ты натворил... безумный коротышка сгинул!

А сгинул ли? Запоздало пронеслась мысль: может, милорда тоже захватили? Сцапали там, в фойе, в пылу сражения?

Может, он *здесь*? Роик оставил болт в покое и повернулся к стене. Трижды постучал по три раза. Повторил. Ни звука в ответ. Попробовал у противоположной стены, для чего пришлось потянуться. Снова тишина. Может, смежные комнаты пусты? А может, его товарищи по несчастью еще не пришли в себя, не слышат его и не в состоянии ответить... А еще за стеной могут оказаться похитители, и он только что своими руками дал им знать: «Я очухался». Черт! Надо позже еще попробовать.

Роик снова принялся ковырять болт. Волдыри на пальцах уже появились, а проклятая железка никак не поддавалась. В голове опять завертелись картины: он лишь на мгновение потерял милорда из виду, и тут вдруг сработали отточенные за годы рефлексy телохранителя. Роик затолкал полдюжины потенциальных заложников в гравитационную шахту и оттеснил к пожарному выходу. Да, они были штатскими, невооруженными «ботаниками». Пусть никто, кроме Роика, не помог бы им, что с того? Разве они – его забота? Да и нападавших этим только разозлил, чертовски разозлил, потому и нарвался на луч парализатора. *Вот бы милорду удалось бежать, тогда он меня спасет!* Позорище, конечно. Однако с какой радостью Роик встретил бы этот позор.

Щелкнул замок, Роик дернулся и спрятал ладони на коленях. Дверь открылась, в помещение протиснулся костлявый юнец. Сальные темные волосы, узкая щель глаза, подозрительно зыркающего на Роика из глубины фиолетово-багровой гематомы. Юнец дохромал до радиуса действия цепи, опустил поднос с разогретыми полуфабрикатами из фастфуда и подтолкнул его Роику чем-то, здорово смахивающим на швабру. Порция на подносе была не вскрыта. Что ж, похоже, его не собираются ни травить, ни морить голодом. «Не делай поспешных выводов», – раздался в голове голос милорда. Есть хотелось страшно, однако Роик и не двинулся к подносу.

– Я тебя знаю, – выпалил сержант, – видел тебя в фойе отеля.

Видел вплотную. События завертелись слишком быстро, чтобы Роик мог твердо сказать: профессионально прошло нападение или так, любительщина чистой воды. Прокручивая в голове случившееся, он решил, что скорее в налете было всего понемногу. Снайпер, который снял его парализатором, знал свое дело. А вот те, что увели пленных, никак не вписывались в представления Роика о профи. Ясно одно: то был массовый захват заложников, а вовсе не заговор против граждан Барраяра. То-то милорд расстроится, прямо-таки удар по его самолюбию. Одно непонятно: хорош такой расклад или плох?

Костлявый угрюмо потрогал фингал и сделал шаг назад. Он, похоже, также вспомнил Роика.

– Ну и кто вы такие? – продолжил Роик. – На кой дьявол притащили меня... нас сюда?

Костлявый вскинул голову; не заплывший глаз вспыхнул.

– Мы – «Организация освобождения Новой Надежды»! Наше поколение, – он ухнул себя в грудь кулаком, – берется за борьбу с властолюбивыми корпорациями! Продажные и разжиревшие, они не оставляют нам шансов, кроме как спалить всю их прогнившую систему до основания, а затем... Затем мы построим все заново. Мы поднимем голову, мы вырвем руки мертвецам, что пытаются обратить нас в прах!

Роик испуганно прищурился, а Костлявый, исполнившись страстью, продолжил проповедь, – хотя, может, и несколько путано. По всей видимости, ООН представляла собой некую местную политическую группировку, которая, не будучи способной к ведению диалога (если Костлявый состоял у них в переговорщиках, то чему тут было удивляться?), попыталась увеличить вес своих аргументов, перейдя от слов к делу. Обрывки разговоров, что Роик случайно услышал на конференции, серьезная критика деятельности местного политического процесса – все утонуло в бесконечном потоке нытья, но суть разглагольствований сводилась к тому, что Костлявый и его дружки полностью себя дискредитировали. А начавшаяся черная полоса подтолкнула их к осознанию: если мертвецы не перестанут накладывать свои лапы на все, что можно, то живым скоро совсем ничего не достанется. Дельцы и мертвецы перемешались в голове Костлявого невообразимой кашей. Роик не стал объяснять тому, что благосостоянием Кибо-Даини распоряджались, вообще-то, живые люди, хоть и от имени мертвецов. И уж если заменять их на других живых, то вряд ли кто станет приглашать на эту роль ООН.

– Сожги мертвецов! – воскликнул Костлявый в завершение речи, словно «Аминь!» после зазубренной молитвы.

Сжечь, закопать или заморозить – Роик не видел особой разницы. Ну, потеряешь немного органики, которую можно переработать.

– А к нам-то это какое отношение имеет? – пожаловался Роик своему обидчику. – Нам ваши выборы – побоку. Мы вообще на следующей неделе улетаем. Или вы на выкуп рассчитываете?

Костлявый презрительно махнул рукой:

– Вот еще! Мы намерены рассказать всем планетам: мы страдаем здесь, на Кибо, от беззакония и коррупции! После нашей акции никто – ни вы, приезжие из других миров, ни самодовольные госслужащие, это зажавшееся старичье, которое только и мечтает о грядущей вечности в вожаденной морозилке, ни наше поколение, раздавленное пятой угнетателей по всей планете, – никто не останется в неведении! У вас не получится закрыть глаза и заткнуть уши!

– А, так это вы так «пиаритесь»? – ответил Роик и подумал: уж лучше бы выкуп. Милорд бы все устроил в мгновение ока, едва ему позволили бы связаться с барраярским консульством на планете. И, будьте покойны, он бы не забыл как-нибудь по-хитрому вернуть деньги впоследствии. Ну и, конечно же, Роик никогда не слышал о политических радикалах, которые не были готовы удавиться за деньги. – А ведь можно решить проблемы выкупом. Или назовем это вознаграждением, если...

Взгляд Костлявого полыхал презрением. Что ж, не будем торопить события. Пусть клиент обмозгует предложение. У Роика есть дела и поважнее.

– Лорд Форкосиган, мой работодатель, невысокий такой, вам по плечо будет, с тросточкой и все время трещит без умолку, его ни с кем не спутаешь, – он здесь?

Наигран ли был непонимающий ответный взгляд? Не разберешь. Тогда Роик попробовал настойчивее:

– Если он здесь, то нас надо поместить в одну комнату. Ему требуются определенные процедуры, и без меня не обойтись. С ним случаются серьезные припадки. Лорд Форкосиган – один из влиятельнейших форов на Барраяре. Вам хорошо заплатят, если он вернется домой целым и невредимым. А вот если он тут копыта откинет, то я и думать боюсь, что с вами произойдет.

Роик не знал, как дальше развивать эту тему. Милорд не случайно держался в тени на Кибо; сержанту не хотелось накручивать цену выкупа неосторожными высказываниями.

Припадки начались у лорда Форкосигана после выхода из криостазы. Майлз падал, содрогаясь и закатывая глаза; лежал так пару минут, затем вставал, разбитый и подавленный. Зрелище крайне неприятное. Однако припадки вряд ли были смертельны – по меньшей мере, такой опасности не было с тех пор, как леди Форкосиган заставила его поклясться, что тот никогда сам не сядет за руль никакого транспортного средства, наземного или воздушного, известного ей или неизвестного. Лошади и велосипеды остались в качестве компромиссного варианта, и, хотя милорд терпеть не мог шлемы, ему пришлось подчиниться.

Костлявому ни к чему было знать детали, поэтому Роик лишь художественно доработал описание симптомов до нужной ему степени. Тогда в глазах у Костлявого мелькнуло сомнение, парень расслабился и ответил:

– Ладно, я поспрашиваю, – и добавил совсем уж непрофессионально: – Только сомневаюсь, что-то не видел я здесь никого похожего на твоего босса.

Костлявый ушел, оставив Роика в размышлениях. Так, мелкая сошка. Не из хозяев. Костлявый очень сильно смахивал на тот тип людей, который частенько встречался Роику в бытность его патрульным на улицах Хассадара, столицы округа Форкосиганов. Таким придуркам и работу на посудомоечной машине доверить нельзя – слишком сложно. Зато убедить их в том, что кто-то другой виновен во всех невзгодах – пара пустяков. Уж Роик об этом хорошо знал. Такие, как Костлявый, сами рассказывали, долго и нудно, пока патрульный помогал им добраться до тихого, спокойного местечка, где можно выпасться и перележать похмелье – от выпивки, наркотиков или словоблудия. Хотя нельзя сказать, что эти типы совсем не опасны, особенно когда вляпаются по уши. Правда, и тогда утихомирить такого – не бог весть какое море проблем.

Море сегодняшних проблем выглядело скорее бездной. Собиралась ли ООН убивать заложников по одному, если их требования не удовлетворят? На Барраяре чокнутые экстремисты так бы и поступили, подумал Роик с чем-то похожим на гордость. Странно, но до сих пор события разворачивались бескровно – парализаторы да сонный газ, никаких тебе игольников или нервнопаралитического газа. Но если вдруг все-таки – *а вдруг?* – можно ли надеяться, что охотились не за милордом?

Если б милорд умер на глазах у Роика, не оставалось бы ничего, кроме как передать показания по шифрованному каналу комма, да перерезать себе глотку на месте. Потому что смерть предпочтительнее персонального доклада некоторым персонам. Он представил себе лица графа и графини Форкосиган, леди Екатерины, когда те услышат новость. А командер Пим? А Ори? Он увидел пятилетних карапузов Сашу и Хелен – чтоб заглянуть им в глаза, придется стать на колени: «А где наш папочка, Роик?»

Лезвия под рукой не оказалось. Роик слышал о зэках, умудрявшихся задушить себя, проглотив собственный язык. Он даже попробовал – выгнул язык к гортани. Нет, с ним такой

номер не сработает. Зато есть стена. Чертовски крепкая, во всяком случае, болт держится намертво. Интересно, если хорошенько разбежаться, можно сломать о нее свою крепкую шею?

Впрочем, пока рановато об этом думать, хотя и забывать о такой возможности не стоит. Вот милорд, к примеру. Прежде чем взяться за решение вопроса о жизни и смерти, всегда плотно перекусит. Да и миледи тоже, если разобраться. Роик вздохнул и подполз на четвереньках к подносу с едой.

* * *

Пробуждение вышло резким. Глаза наполнились солнечным светом, который превратился в тень матерчатого навеса. Затем изображение сменилось кошачьей мордой на расстоянии кошачьего же дыхания. Значит, на груди был вес кота, а не новая болячка. Сняв с себя трехногую животинку, Майлз осторожно сел. Проверим состояние. Головная боль и похмельный синдром – присутствуют; жуткая усталость – присутствует; визгливые ангелы – отсутствуют, что не может не радовать. Кошмарные галлюцинации также отсутствуют, а обстановка, какой бы странной ни казалась, вовсе не порождение наркотического бреда.

Сбросив одеяло, он обвел взглядом новое пристанище. Детали старинного замка растаяли, сменившись функциональным квадратом плоской крыши, над которой торчали башни теплообменника, служившие заодно и растяжками палатки. Или амбара? Скорее зоопарка. На перекладине, выше всех, сидела хищная птица, грациозная и надменная, – явно фор среди остального зверья. На покореженных металлических полках располагалось собрание черных и белых крыс в клетках да стеклянные стенки террариумов. Их обитателей надежно скрывало искусное оформление из растительности; Майлз готов был поклясться, что заметил в зарослях черепашку. Вдоль стены, против его импровизированной постели, стояли три ящика, устланные какими-то обрывками. Там расположилось гнездовье цыплячьей популяции. Твиг, коричневая курица, все еще дрыхла в своем ящике. Майлз устался на бельевую веревку, привязанную вокруг лодыжки. *Меня подобрали.* Что ж, могло быть и хуже.

А вот и хозяин зоопарка. Джин, сидевший за круглым столиком, улыбнулся Майлзу.

– Проснулись? Вот и хорошо!

Теперь, когда мозги прочистились и залившая их до краев наркотическая дрянь не «обрабатывала» изображение перед глазами, Джин предстал перед Майлзом тощим мальчонкой, только-только превращающимся в подростка, с черной, жесткой и давно не стриженной копной на голове и яркими карими глазами. В чертах лица угадывались гены всех наций, основавших население этой планеты. Рубаха великовата: рукава закатаны, а вот низ свисал и волочился над мешковатыми шортами. Поношенные кеды без носков болтались на шиколотках.

– Будете завтракать? – предложил паренек. – Сегодня с утра – свежие яйца. Целых три!

Вот ведь гордый юный птицевод... Майлз понял, что яиц на завтрак ему не избежать.

– Чуть позже. Сначала хотелось бы умыться.

– Умыться? – нахмурился Джин, словно никогда о таком новшестве не слыхивал.

– Мыло у тебя есть? – продолжил Майлз. – Бороду, полагаю, ты не бреешь...

Джин отрицательно покачал головой, однако тут же кинулся шарить по своим захлапленным полкам, и вскоре вернулся с засохшим куском мыла, пластиковой кюветой и сероватым полотенцем. Майлзу пришлось попросить Джина развязать бельевую веревку, после чего он с благодарностью принял мыло с другими принадлежностями и поплелся за теплообменник, где ждали кран и вода. Там разделся, вернее, сорвал лохмотья, оставшиеся от одежды, и не только умылся – вымылся весь, не забыв хорошенько намылить стертые ступни и колени. Особенно колени – те сверкали ушибами и ссадинами, хотя воспаления вроде не было. Джин хвостиком прищелкал за ним – понаблюдать. Любопытно наморщил лоб, разглядывая бледные шрамы,

исполосовавшие торс. Майлз оделся в свое попахивающее тряпье и поплелся обратно. Юный хозяин дома предложил ему единственный стул, на который Майлз радостно опустился.

Джин поставил кастрюльку с водой на обычный, хотя и изрядно затасканный аккумуляторный калорифер. Мальчишечье царство на крыше в основном было одето в убранство, приобретенное на свалках. Хотя, надо заметить, бесполезное. Вода закипела быстро, и Джин положил в нее три куриных яйца – бесценное богатство.

– Коричневое отложила Твиг, – сообщил мальчик, – а Галли – два других. Свеженькие, ночные. А еще у меня есть соль!

Джин где-то пошуршал, достал пластиковые тарелки, бутыль с водой на двоих, и полбуханки суховатого, но чрезвычайно вкусного хлеба. Затем парнишка сказал, доверительно и зачем-то полупшепотом:

– А знаете, яйца выходят у кур из задов.

– Знаю, – ответил Майлз совершенно серьезно. – Там, откуда я родом, тоже есть куры с Земли. И другие птицы.

Джин обрадовался.

– Хорошо, а то некоторые почему-то сердятся, когда об этом узнают.

– Некоторые полагают, что Барраяр – примитивный мир.

Мордашка Джина так и засияла.

– А там много животных?

– Да все, что обычно завозится с Земли, помимо собственной экосистемы. Хотя местные животные в основном небольшие, вроде жуков. Зато в морях водятся создания покрупнее.

– А рыбу там ловят?

– Только не в море. В искусственно заселенных озерах – да. Растения и животные Барраяра в основном ядовиты для человека.

Джин понимающе кивнул:

– А на этой планете нашлись только микроорганизмы на экваторе. От них, считается, и получился кислород. Это еще до последнего обледенения. Там, где сходят ледники, сразу сажают множество растений с Земли. Но вот животных маловато.

– Кибо-Даини мне очень напоминает Комарру, это вторая планета моей Империи, – поведал Майлз. – Холодный мир, очень медленно заселяемый. А вот Сергияр, третий мир, тебе бы понравился. На нем богатая, сложившаяся экосистема, множество изумительных животных. Во всяком случае, моя мама так рассказывает. Его колонизировали недавно, всего лишь в предыдущем поколении, поэтому ученые пока только исследуют флору и фауну.

Теперь Джин смотрел на Майлза уже с теплотой. Похоже, коротышке удалось вырасти в глазах мальчугана. Неужели в мире Джина столь редки взрослые, с которыми можно поговорить о чем-то интересном? Если, конечно, принять во внимание, что «интересно» – значит о животных.

– Кофеек у тебя, конечно же, не водится. Или, может, чай? – без особой надежды спросил Майлз.

Джин покачал головой.

– Зато у меня есть пара бутылочек колы.

Он опять метнулся к полкам, вернувшись с парой ярких пластиковых бутылочек.

– Только они теплые...

Майлз взял одну, прищурившись, прочитал состав компонентов на этикетке – жуткая смесь дешевых ингредиентов и источников сахара, – и не решился пить это до завтрака, пусть даже в составе имелся кофеин. *И когда же это вы стали столь разборчивым, уважаемый Лорд-Аудитор?* Вернее, спросить себя надо было: *и когда же это вы успели состариться?* Яйца, хлеб и вода и без того станут непростым испытанием для его расстроенного желудка. Он покачал головой «спасибо, нет» и поставил бутылочку.

Яйца кипели. Майлз покрутил головой, разглядывая обстановку.

– Интересно тут у тебя. Ничего подобного я на Кибо до сих пор не видел.

Да уж конечно, такого не увидишь во время инсценированных поездок под присмотром сотрудников криокорпораций.

– Много ли здесь живет народу?

Джин пожал плечами:

– Сотня. А может, две. Я не знаю. А вот Сьюз-сан точно знает.

Брови Майлза поползли на лоб:

– Немало!

Им, похоже, удастся держаться подальше от любопытных глаз. Что ж, целой армии бездомных приходится проявлять чудеса осмотрительности, чтобы не выдать себя.

– И как ты здесь очутился?

Вновь движение плечами:

– Просто нашел. Или нашелся. Местные собирали всякую всячину в парке, да и натолкнулись на меня. Я там спал. Ну, вот и подобрали.

Похоже на местную традицию.

– А родственники у тебя здесь есть?

– Нет.

Уж слишком короткий ответ для говорливого и одинокого ребенка.

– А вообще родственники есть?

– Папа умер. – Молчание. – Маму заморозили.

Большая разница, учитывая обычаи на этой планете.

– Братья, сестры?

– Маленькая сестренка. Живет где-то у *родственников*.

Последнее слово он почти выплюнул. Майлз воздержался от мимики, сохраняя молчание, давая мальчику возможность договорить.

– Я бы взял ее с собой, да она слишком мала, – продолжил мальчик, оправдываясь. – Да и вообще, она тогда и не понимала, что происходит.

– А что, собственно, э-э... происходило?

И опять движение плечами. Джин неожиданно подпрыгнул.

– Яйца сварились!

Так Джин – сирота? Или беспризорник? Или и то, и другое? Майлз-то думал, на Кибо-Даини есть социальная служба охраны ребенка, как на всех технологически развитых планетах. Пусть даже не обязательно такая безжалостно-заботливая, как на Колонии Бета. Да-а... Джин – целый кладезь загадок, но, к сожалению, не самых важных на настоящий момент.

Горячие яйца выкатились на тарелку. Майлзу, конечно, досталось особое, коричневое. А еще у Майлза хватило ума не спорить по поводу двойной порции для гостя. Джин передал ему пакетик с солью, прихваченный из некоего заведения под названием «Кафе Аяко», они поровну разделили хлеб и воду.

– Восхитительно, – промычал Майлз с набитым ртом. – Свежее не бывает.

Джин гордо улыбался.

Майлз проглотил кусочек хлеба и забросил удочку:

– Так ты говоришь, здесь у кого-то есть комм? Как думаешь, мне дадут попользоваться?

– Есть у Сьюз-сан. Надо у нее попросить. Если, конечно, застать ее пораньше днем, пока она в настроении. – Затем без энтузиазма добавил: – Могу вас к ней отвести.

Может, мальчуган уже пожалел, что отвязал веревку?

– Я был бы тебе очень благодарен. Это так важно для меня.

В ответ – пожатие плечами, типа: «Ну и пожалуйста; сделаю вид, что меня это не касается». Джин словно уверовал в принцип: живое существо можно удержать рядом, только если привязать и кормить его, а не то убежит, и поминай, как звали.

После завтрака Джин развел кипучую деятельность: мясные обрезки пошли на корм соколу, хлебные крошки – цыплятам; остальная еда была так же тщательно отсортирована и отправилась на корм крысам и обитателям террариумов. Мальчик вычистил клетки, промыл и наполнил свежей водой кюветы всем животным. Майлз безмолвно и восхищенно наблюдал за методичной и тщательной работой, хотя было видно, что Джин всеми силами старается затянуть их совместное пребывание на крыше. В конце концов, чувствуя себя окрепшим и забыв о головокружении, гость осторожно последовал за своим поводырем вниз по лестнице.

Глава третья

Майлз покорно плелся за Джинном. Позади остались стальные двери, лестница, ведущая в неудобный, мрачный коридор, тоннели с трубами и проводами. Наконец они попали в другой корпус. Неуловимые запахи и звуки, нормальное освещение указывали на то, что здесь живут. Подтверждений догадке ждать не пришлось – повернув за угол, они вышли в помещение, служившее некогда столовой или кухней для персонала. Здесь болталось с полдюжины человек. Кто-то готовил, кто-то жевал. Все настороженно и безмолвно наблюдали за вошедшей парочкой, и только молодая женщина, трудившаяся у здорового миксера, увидев Джина, махнула ему приветственно большущей ложкой и пригласила к завтраку. Джин остановился было нерешительно, втянув носом аромат выпечки, улыбнулся и покачал головой:

– Позже, Ако, у меня гость.

Майлз все глазел на нее через плечо, а Джин упорно тащил его вперед.

Поднявшись на два лестничных пролета, они двинулись по коридору вдоль бесконечного ряда дверей. Похоже, раньше здесь было офисное помещение. Теперь – жилое. С улицы, сквозь открытые двери, просачивался свет. В комнатах лежали груды – аккуратные и не очень – разного добра, какое собирают лишь те, кому в этой жизни мало что светит. Обитатели апартаментов в основном дремали на одеялах прямо на полу, либо потихоньку копошились, занятые своими заботами. Майлза тоже не обошли подозрительным вниманием. Публика встречалась разношерстная, однако стариков было невероятно много. Может, все, кто помоложе, как, например, повариха Ако, были где-то при деле?

Сюда явно проведены и вода, и электричество, так что жить можно вполне прилично, пусть даже без такой роскоши, как действующий лифт. Никаких тебе ведер в качестве унитазов, никто не мочится на лестничных площадках, да и костров в мусорницах или ванн что-то не видать. Так откуда же они получают энергию, куда подключен водоотвод? Неужели коммунальные услуги оплачиваются? Или они потихому сделали «врезку» в городские коммуникации? Ответы на эти вопросы могут оказаться весьма интересными, вот только нет времени сейчас их задавать.

На следующем этаже – другой коридор, покороче. Джин остановился у крайней двери и забарабанил по ней. Выждав немного, привалился плечом к косяку и наотмашь замолотил по двери ногой.

– Да слышу, слышу я, – раздалось ворчание из-за двери. – Нечего так надрываться.

Дверь приоткрылась. Лишь немногим выше его собственных глаз хмурилось некое лицо, изборожденное шрамами.

– Это еще кто? – раздался требовательный, грубый и неприветливый голос. – А, это ты, Джин? Ты зачем сюда чужака привел?

– Мы с Йани подобрали его вчера на улице, – ответил Джин. – Он потерялся.

Налитые, багровые глаза нехорошо прищурились.

– Так это наркоман, про которого рассказывал Йани?

Майлз прокашлялся. Ох как мешала ему сейчас щетина, придававшая лицу исключительно пиратский вид.

– Я находился под влиянием наркотических средств, мэм, но я вовсе не наркоман. Со мной случился приступ аллергии на некий лекарственный препарат. А пока я был в полубессознательном состоянии, меня ограбили. В Криосоты попал совершенно случайно. Довольно долго оттуда выбирался.

– Вы не местный.

– Нет, мэм.

Тут Джин решил перехватить инициативу:

– Ему нужен твой комм, Сьюз-сан.

Взгляд стал еще более сердитым:

– Вызов не работает. Я могу только принимать сигнал.

Мало похоже на правду, подумал Майлз, но для начала можно согласиться и на такие условия. Ясно, что для Сьюз он здесь – нежеланный гость. Разве можно верить чужакам? А в таком полулегальном сообществе Чужак-Который-Слишком-Много-Видел запросто может плохо кончить. Никаких громил-вышибал поблизости не было видно, но только ли силой можно убить? Сойдет и хитрость.

– Мне бы взглянуть, что сегодня в новостях, мэм. Пока я разлучен с бумажником и документами, вынужден отдаваться на милость незнакомцев.

– И много ли милости проявляют к чужакам в ваших родных краях? – фыркнула Сьюз.

– Мне всегда хватало. – Не меньше дюжины раз Майлзу спасали жизнь едва знакомые люди. – И, думаю, моя святая обязанность – впоследствии не остаться в долгу.

– Ага, – ответила Сьюз.

– Он понравился и Джинни, и Лаки, – торжественно и выразительно заявил, снова вклиниваясь в разговор, маленький помощник.

Не без ехидства тонкие губы ответили:

– А, ну это другое дело! Если уж крыса согласна с кошкой, то кто я вообще такая, чтобы спорить?

Еще мгновение, и дверь распахнулась. Джин заботливо провел Майлза в комнату.

Определить возраст Сьюз было непросто. Так выглядят люди и изрядно потрепанных восьмидесяти лет, и хорошо сохранившейся сотни. Несомненно, подумал Майлз, пару десятков лет назад она была на голову выше. Сейчас и на высокой подошве она не будет выше полутора метров ростом. Вместо каблучков на ногах красовались пластиковые шлепанцы, сухо бьющие по старческой стопе в такт шагам. На голове – упрямые седые кудри. Могла бы выглядеть моложе, если б улыбалась, однако вокруг плотно сжатых губ навсегда залегли глубокие морщины. Мешковатые штаны, майка и рубаша поверх относились к разным эпохам, но цвета они были черного, черного и черного, так что нельзя сказать, что не гармонировали.

Апартаменты хозяйки занимали две комнаты. Передняя, набитая до отказа всяким хламом, подобный которому Майлз наблюдал и внизу, вполне возможно, была некогда приютом секретарши. А вот вторая комната, просторная и угловая, с окнами на обеих стенах, явно выполняла обязанности начальственного офиса. Смятое одеяло у внутренней стены, стол, стул и – Майлз не мог не заметить! – комм стояли у противоположной стены. На выдавшем виды столе – кувшин, раковина, мокрые полотенца и легкий запах мыла, едва скрывающий, что это – комната пожилой женщины. В высоком шкафу с плотно закрытыми дверцами могло храниться все, что угодно. Пара вращающихся стульев, диванчик с разодранной обивкой да два кресла – потрепанная офисная мебель словно говорила: хозяйка не такая уж и затворница.

Сьюз жестом пригласила его к комму:

– Работает.

– Спасибо, мэм, – ответил он, скользнув к стулу. Сьюз и Джин глазели на экран через его плечо. Майлз быстро нашел местные новостные каналы. Он выбрал межпланетный стандартный английский из примерно дюжины предлагаемых местных языковых каналов, половину из которых и опознать-то не смог. Хотя барраярского русского среди них наверняка не было. Оно и к лучшему, вдруг потребуется тайно побеседовать со своим телохранителем? Если, конечно, Роик жив.

Как он и ожидал, события, произошедшие вчера утром на конференции, освещались во всех новостях. Новостной комментарий, как обычно поверхностный, почти ничего не прояснил, зато сопроводительные программы оказались полезными: полный список жертв похищения с фотографиями и просьбами местных властей к гражданам поделиться информацией. В

списке похищенных значились не только Роик и Майлз, но и, к несчастью, доктор Дюрона. Две разные экстремистские организации, о которых Майлз раньше и не слыхивал (значит, доклады Службы безопасности по Кибо-Даини и гроша ломаного не стоили) брали на себя ответственность (или вину) за организацию похищений.

– Это же вы! – восхитился Джин, указывая на лицо Майлза на стереоэкране. «Не самый лучший мой портрет», – подумал Майлз. Что ж, хотя бы можно узнать. Однако нужно ли ему это сейчас? А тут еще Джин продолжал: – Майлз Фор... ка... сиган!

– Фор-ко-сиган, – машинально поправил Майлз.

– Значит, вы вляпались в эту идиотскую историю? – спросила Сьюз. – Так вы с другой планеты?

Не сказать, что она не в курсе событий. Джин вот совсем ничего не знал, а она... Интересно.

– Похитители, похоже, специально отбирали делегатов с других планет. Мы как раз собрались в фойе, готовились к экскурсии. Поездка значилась в программе, а программу рассылали всем, так что о внутреннем заговоре в корпорации речи не идет.

– Вы говорили, вас ограбили.

– Так и было, отняли все, даже обувь. Но с транквилизатором, который мне впрыснули по дороге, похитители ошиблись. Он меня вовсе не превратил в овощ. Напротив, я от такого препарата завожусь. Вот и вырвался.

– А почему вы сразу же не вернулись в отель?

– Потому что у меня начались галлюцинации. Думаю, часов десять подряд.

Сьюз разглядывала его очень и очень подозрительно. Майлз надеялся, что его рассказ был слишком идиотским для выдумки.

Захвачено девять делегатов, вернее, восемь, за вычетом его самого; правда, похитители не сообщали, что один из заложников потерян. Консульство Барраяра здесь совсем крошечное, хотя о его пропаже наверняка уже сообщили. Правда, до дома это сообщение дойти пока не могло. *Проклятье!* У адмирала Майлза Нейсмита, солдата удачи, никогда и не было ни дома, ни семьи. У Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана – были. И ему нельзя скрываться. С другой стороны, какие *невероятные* возможности приобретаешь, когда на время становишься невидимкой...

Где-то в глубине сознания зашевелились давно забытые инстинкты «внедренного агента», только вот Майлзу и самому пока не ясно, стоит ли их будить. Можно отправиться на улицу прямо сейчас, зайти в любой магазин или ресторан, и, рано или поздно, кто-нибудь обязательно даст ему воспользоваться коммом. И придут помощь и спасение. Конечно, вызов пойдет не по шифрованным каналам, он будет открыт для любого, кто ищет Майлза. И это могут оказаться не только власти. Тем не менее, если б эти самые власти или, скажем, те, кто за ними стоит, не выдали своих намерений позапрошлым вечером, он не задумываясь воспользовался бы коммом. Теперь Майлз не спешил.

Сьюз подтянула один из офисных стульев и плюхнулась на него. Она наблюдала, а Майлз читал. Джину это все быстро наскучило, мальчик переминался с ноги на ногу, пока гость сосредоточенно пробегал глазами по экрану, забитому большей частью бесполезной информацией.

– Сьюз-сан, может, я пока принесу вам булочек с корицей? Ако их только что из печи достала.

– А кофе там есть? – сразу же оживился Майлз. – Можешь мне кофе принести? Черный? Джин наморщил носик:

– И как только люди пьют такую гадость?

– Это вкус, который приобретаешь с возрастом. Как, например, интерес к девочкам.

У Сьюз что-то булькнуло в горле – может, то был смех, а может, просто сдавленный кашель.

Джин снова поморщился, но, кивнув как-то странно, всем телом, потрусил на кухню.

– Два кофе! – бросила Сьюз ему вслед.

Мальчик махнул рукой в ответ, принято, мол, и сиганул за дверь.

Майлз глянул ему вслед, повернувшись на стуле. Ребенок был уже далеко.

– Хороший парнишка.

– Угу.

– Хорошо, что вы его подобрали, присматриваете. Чей он? – *Давай, наводи мосты, Лорд-Аудитор.* – Мне он рассказал, что отец умер, а мама – заморожена. Значит, некоторым образом он – сирота. Полагаю, мать его должна быть слишком молодой для долгосрочной криопродуры. Обычно в юном возрасте крионику используют только как крайнюю меру, чтоб человек в анабиозе дождался, когда его вылечат.

Как некогда случилось и с Майлзом. Правда, добавить: «Знаю по собственному *горькому* опыту» – он не мог. Ибо, несмотря на все несовершенство этой операции, жизнью он был обязан только криопродуре. *Ну и милости чужаков, не стоит забывать о ней.* Мало кому в этом мире Группа Дюрона были не чужаками.

Сьюз опять фыркнула, на сей раз вроде бы одобрительно. Продолжая изучать незнакомца, она, похоже, пришла к каким-то умозаключениям в его пользу, поэтому ответила:

– Отец Джина погиб на стройке. У него не было ни криоконтракта, ни криостраховки, поэтому и в заморозке ему сразу отказали. Ну а потом уже было поздно. Хотя, полагаю, события развивались все равно слишком быстро, чтобы успеть что-то сделать.

Майлз кивнул. Криопродура может быть либо неотложной, либо бесполезной. *Действовать надо живенько, а не то будешь мертвенький*, скаламбурилось ему. Что толку оживать тело, если мозг уже погиб? Проще клонировать жертву и начать жизнь заново.

– Мать Джина после этого немного свихнулась. Начала общественную кампанию, мол, криостаз должен стать всеобщим правом. И ко всему еще накинулась на этих гробокопателей из криокорпораций. Мало-помалу стала видной общественной фигурой несколько лет назад. Судебные тяжбы, организация протестов. А потом один из ее сподвижников слетел с катушек, напал на кого-то там. Кто на самом деле был виноват, так и не узнали, хотя у меня есть свои подозрения. А ее арестовали. Попытались было объявить душевнобольной, правда, не по статье в отношении совершенного преступления, – там требования к медосмотру посложнее. Вовремя подвернулась добрая душа, да и предложи суду спонсорскую помощь по криостазу до тех пор, пока не найдут лечение от болезни.

Майлз стиснул зубы:

– Что бы, так сказать, остыла, да?

– Хорошо сказано.

– А что, родственники промолчали? Хоть кто-нибудь возмутился?

– Соратники не выдержали судебных издержек, для них все закончилось расколом. Родственникам она и без того уже порядком надоела, ходили под страхом потерять работу, знаете ли. Думаю, они даже обрадовались, когда ей заткнули рот. – Сьюз внимательно наблюдала за его реакцией. – Вас все это, похоже, не особенно-то и шокирует.

– Видал я разные миры и людей повидал немало. Сталкивался с очень непохожими системами, и пострашнее вашей. Например, на Архипелаге Джексона правят группировки военных диктаторов, которых поддерживают прихвостни-головорезы. Но есть в их насквозь коррумпированной политической системе какая-то подкупающая искренность. Им даже не надо выдавать зло за добро, прежде чем «впарить» его своим избирателям.

– Так я вам скажу, юноша: одна из грязных тайн демократии в том, что, даже если у тебя есть право голоса, у тебя может не быть права выбора. – Она тяжело вздохнула. – Еще двадцать-тридцать лет назад здесь все было не так уж плохо. Избирательные голоса бесчисленных сотен криокорпораций уравнивали друг друга, а затем вдруг некоторые из них стали раз-

растаться и поглощать остальных. И не потому, что так было надо Кибо, или замороженным клиентам, или кому-нибудь еще, кроме взбесившихся с жиру топ-менеджеров криокорпораций. Они пожирали друг друга просто потому, что могли. Сейчас осталось лишь с полдюжины больших корпораций, наложивших лапу на все вокруг, да горстка независимых и нестигаемых. Впрочем, они уже ничего не решают.

– Джин называл вас «секретарь Сьюз». Секретарь чего?

Морщинистое лицо, так оживившееся было в гневе, снова превратилось в застывшую маску.

– Все это, – она обвела рукой вокруг, – было некогда небольшой семейной корпорацией. Я работала исполнительным секретарем у нашего председателя. Потом нас выкупили – прожевали и выплюнули. Покупателю мы были не нужны, скорее нас просто хотели уничтожить.

– А кто выкупил? Случаем, не «Белая Хризантема»?

Сьюз покачала головой:

– Нет, «Шинкава Перпетуум». А потом и они пострадали, как раз от «Белой Хризантемы». – По кривой усмешке было ясно: величайшая справедливость восторжествовала, хотя и с опозданием.

– И в конце концов вы заползли в раковину, как рак-отшельник?..

– Мало кому удалось сохранить работу, знаете ли. И простым сотрудникам никто не принес выходное пособие на блюдечке с золотой каемочкой. Куда-то надо было деваться. – Она помолчала. – Остальные подтянулись позже.

– Так, значит, исполнительный секретарь? Тогда кому, как не вам, знать, где покоятся все тела?

Она бросила в его сторону взгляд – уж не испуганный ли? Быть не может, чтоб эта тертая ведьма... Но Майлзу не удалось развить тему – Джин влетел в комнату с подносом в руках. На подносе, кроме обещанных булочек, благоухающих корицей, да картонки молока с двумя неодинаковыми чашками, возвышался полный термокофейник. Майлз, упиваясь собственной выдержкой и силой воли, не набросился на вожаемое питье как очумелый, а дождался, пока хозяйка нальет ему.

Та заставила Майлза поволноваться в нетерпении, прошаркав к высокому комоду и вернувшись с квадратной стеклянной бутылочкой без этикетки. Налила себе. Должно быть, выпивка, решил Майлз. Подумав, Сьюз подняла брови, глянула на Майлза:

– Освежиться не желаете?

– Э-э... Нет, спасибо. Хватит с меня и кофе.

Напиток сам по себе бодрил достаточно, мчась по пищеводу освежающим потоком. Джин пристроился на втором вращающемся стуле, благодушно уминая булочки и так беззаботно, настырно и эгоистично поскрипывая сиденьем, что Сьюз только молча поморщилась и хорошенько приложила к своему снадобью. Сердитое выражение вновь заняло место на ее лице. Интересно, чем это он ее так разозлил, когда уже было расположил к себе? Ясное дело, «секретарь Сьюз» – не просто счастливая владелица чудом уцелевшего в этом бедламе комма, но некий предводитель в высшей степени странного тайного сообщества.

– Джин отведет вас в «Кафе Аяко». – Она словно приняла внезапное решение. – Оттуда можно позвонить, и друзья вас заберут.

Джин так и подпрыгнул на стуле:

– Не-ет! Я ведь еще не показал ему, как Вихрь летает!

– Джин, ему нельзя тут оставаться.

Парнишка приуныл.

Ясно, что Майлз для Сьюз в качестве похищенного делегата конференции еще менее привлекателен, чем заблудившийся турист, который не прочь оттянуться с таблеткой. Что ж, попробуем зайти с другой стороны.

– На конференцию я приехал, чтобы узнать побольше о вашем законодательстве в отношении крионики и о состоянии самой крионики. Вместо этого мне пытались виртуозно подсушить взятку в виде акций корпорации. А ведь многие делегаты после четырех дней этой показухи были готовы подписать контракты, не сходя с места. Так что налет экстремистов оказался небесполезным. Мой работодатель прислал меня сюда с целью подготовить детальный отчет о состоянии вашей крионики. Однако, похоже, я чуть было не упустил из виду массу деталей.

– Тогда вам лучше не тратить время даром да отправляться наверстывать упущенное, согласны?

А ведь ты тоже еще та деталька. Деталь этой системы. Или целая загадка.

– Вообще-то, поскольку конференция закончилась, я могу сам распоряжаться свободным временем. И почему бы мне не отдохнуть после вчерашних приключений, если Джин так желает? Хотя мне действительно надо доложить о себе кое-кому. Джин, если я скажу тебе, как туда добраться, ты не мог бы отнести письмо от меня одному человеку?

Джин сразу встрепенулся:

– Конечно! Э-э... может быть. А куда?

– В восточную часть города.

– Э-э... М-м... Смогу...

Майлз решил не уточнять, чего это мальчишка подает признаки неуверенности.

– А, кстати, в какой части мы сейчас находимся?

– В южной.

– Езжайте-ка вы сами, – встряла Сьюз. – Я дам денег на проезд. Только не возвращайтесь сюда.

– А когда в полиции меня начнут допрашивать, где я был, что мне им сказать?

Она помрачнела.

– Скажите, что потерялись.

– Сказал бы, однако что мне с того?

На сей раз она фыркнула как-то плотоядно.

– Будь у нас деньги на подкуп, что бы мы делали здесь?

– Вы неверно меня поняли, мэм. Мой интерес – информация. Хотя, знаете ли, вы уже вторая организация на Кибо, которая пытается меня подкупить. Это что, такая местная традиция?

Она нервно пожевала губами.

– А кто был первым?

– «Белая Хризантема».

– Ух ты!

– Я тоже так подумал, и они поняли мою реакцию, только неправильно поняли. Если вам нужно что-то продать, хватит и маленького подарка. Если нужно утаить – не скупитесь на большой. Так они разожгли мое неумное любопытство.

– Ну так вы приняли свой большой подарок, Форкосиган-сан?

Он не стал поправлять, говорить, что правильно будет «Форкосиган-сама» или даже «-доно». Она хотя бы фамилию правильно произнесла.

– На данном этапе развития отношений презрительный отказ может оказаться не только близоруким, но и потенциально опасным. Думаю, день-другой отдыха здесь помог бы мне оклематься.

– А как мне знать, что ваше «письмо другу» не принесет нам неприятностей?

– Не принесет, если мне будет так угодно. Я старше его по званию.

«Секретарь Сьюз» скривила губы:

– Да уж по апломбу видно.

Несомненно, в свое время Сьюз насмотрелась на чванливое начальство. Интересно, понимал ли ее шеф, что Сьюз видит его насквозь?

Джин наблюдал за перепалкой, беспокойно поскрипывая стулом.

– Да отнесу я это письмо, Сьюз! Я ведь совсем не против.

Майлз протянул Сьюз открытую ладонь жестом не то мольбы, не то веского доказательства.

– Не спешите, подумайте. Терять вам нечего. Если что и было, то уже потеряно, – он не стал добавлять: «Если только не пожелаете меня шлепнуть», к чему внушать людям нездоровые идеи? – Зато можно заслужить мою благодарность.

– А какой мне интерес? Что я с того получу?

Будь мы на Барраяре, ты бы знала ответ. Но мы, как многократно отмечал Роик, не на Барраяре.

– Что-нибудь придумаем.

Ее брови выдавали крайнюю степень недоверия. Сьюз неожиданно набросилась на Джина:

– Разве не говорил тебе Йани оставить его там? Видишь, сколько неприятностей приносят добрые дела, Джин!

Майлз так и не понял, было то «да» или «нет». После очередного тяжелого вздоха Сьюз продолжила:

– Отведи Форкосиган-сана в хранилище, там подыщите, чем писать и на чем.

Джин с готовностью прыгнул со стула. Майлз поспешил поблагодарить хозяйку и последовал за мальчиком, пока Сьюз не передумала.

* * *

Джин наблюдал, как Майлз-сан (мальчик решил называть его именно так, ведь настоящую фамилию вовек не произнести) просматривал полупустые коробки с писчей бумагой на полке в хранилище. На такой бумаге – с цветочками и прочей дребеденью – старушки обычно пишут всякие записки друг другу. И даже Джин вожаделенно разглядывал один лист с изображением щеночков. Удивленно осмотрев ассортимент, гость сделал выбор, а потом принялся подыскивать пишущую ручку в коробке со всяким хламом. Найдя пару вполне пригодных, сунул их в карман и осмотрелся.

– Прямо как в лавке старьевщика. Или на чердаке в усадьбе Форкосиганов...

– Когда кто-нибудь приносит не нужные никому находки, их кладут сюда, вдруг кому пригодятся? – пояснил Джин. – Ну, или когда...

Когда уходят в подвал, к Тенбери, и не возвращаются. Но этого он произнести не мог. Ему и знать-то такого не было положено.

Майлз-сан последил за взглядом мальчугана.

– Ура! Обувь!

Он захромал к наваленной куче обуви. Джин хвостиком потащился следом и принялся помогать изо всех сил. Ноги у чужака были даже меньше его собственных. Правда, Джин приходил сюда за новой парой бот всего месяц назад, когда пальцы на ногах стали пробиваться сквозь старые ботинки как весенние ростки сквозь почву. Навороченные дамские туфли не пользовались спросом даже среди местных женщин, поэтому и скапливались, однако Майлзу удалось наконец-то выудить пару подходящих спортивных туфель. То были туфельки с девчачьим узорчиком в цветочек, но Майлзу, похоже, было все равно: напялил да затянул шнурки.

– Так-то лучше! Вот и ходить можно.

Он продолжил поиски, разглядывая запасник.

– О! А вот и трости!

Подойдя к груде палок, наваленных в углу, гость принялся выбирать, откладывая в сторону тяжелые медицинские опорные трости, с несколькими стойками на конце, и слишком длинные трости. Отобранные он проверял, размахивая ими как мечом и колошматя об стену, так что Джин засомневался: может, ему вовсе и не опора нужна, а оружие? Решив, что все-таки первое, Джин провел гостя на крышу внутренним ходом, по пожарной лестнице и через дверь теплообменника.

Майлз-сан расположился за столом, заняв и стул, разложил бумагу и нахмурился с задумчивым видом. Затем склонился и принялся скрести ручкой по бумаге, время от времени останавливаясь поразмыслить. Джин успел почистить цыплячьи короба, пересчитать их жильцов, на случай если кто опять вдруг нашел дорогу на паранет, причесать Лаки. Наконец письмо было написано и запечатано. Майлз, прищурившись, огляделся.

– А нет ли у тебя чистого острого ножа? Или чего-то вроде иголки, может, спицы?

– Сейчас посмотрю.

Покопавшись, Джин извлек небольшой скальпель из некогда найденного полуразоренного набора, и протянул Майлзу. Тот внимательно осмотрел лезвие, пожал плечами, мол, была не была, и, к ужасу Джина, ткнул себя в большой палец острым лезвием. Выдавлив каплю крови, он сложил письмо и придавил пальцем клапан, оставив различимый отпечаток поперек линии склейки, обвел отпечаток ручкой и поставил рядом инициалы.

– Ух ты, вот это да! – выпалил Джин. – А зачем это?

– ДНК. Отпечаток пальца – ничуть не хуже дедушкиного кинжала с печаткой. Даже лучше. В его время анализ ДНК не проводили. Ты ведь понимаешь, что посольский атташе не кинется выполнять требования неизвестно чьей записки с улицы.

Далее Майлз проинструктировал Джина, как добраться до нужного места в восточной части города. Потом заставил мальчика все повторить. Результат, видимо, оказался удручающим: Майлз тяжело вздохнул и все-таки написал адрес на конверте.

– Надеюсь, ты так или иначе доберешься. И смотри, этот конверт не должен попасть ни в чьи руки, кроме лейтенанта Йоханнеса или консула Форлинкина. Это очень личное сообщение.

Джин клятвенно заверил его, что так и будет, и принялся выгребать всю имевшуюся мелочь из копилки. Хватило на проезд в оба конца, но больше почти не осталось.

– Это все твои сбережения? – Майлз-сан подглядел через плечо. Джин молча кивнул. – Доставишь конверт, и тебя не обидят.

Джин не очень-то понял, что значит «не обидят», однако кивнул, принимая условия. В свою очередь он проинструктировал Майлз-сана, что делать, случись какая непредвиденная ситуация со зверинцем в его отсутствие. Тот ошалело поморгал глазами, но, в отличие от Джина, повторил все инструкции без запинки. Джин сунул письмо под рубашу, бросил печальный взгляд через плечо и двинулся вниз по лестнице.

В метро Джину пришлось поволноваться. Мальчик боялся, что за ним следят; однако никто не схватил его за руку, не потащил в участок. На большой пересадочной станции в центре города Джин почти совсем заблудился – все маршруты были незнакомы. Однако ему удалось подавить страх и не привлекать внимания, для этого пришлось лишь четко следовать картам на стенах. Кто знает, чего ожидать от доброхотов? Они столь же опасны, как и подозрительно настроенные граждане... В конце концов нашлись и нужная ветка, и нужная станция.

Затем шесть кварталов пешком, почти без поворотов, и вот он у цели. Вокруг не было аккуратных многоэтажек спальных районов, в которых он вырос. Вместо них за высокими садовыми оградами утопали в зелени невероятно роскошные особняки. У ворот некоторых из них висели надраенные медные таблички посольств других планет. Посольство Эскобара производило особое впечатление своими размерами и вычурностью. Консульство Барраяра, на котором, к счастью, тоже висела табличка, проигрывало в сравнении. Небольшой, в общем-то, домик, достаточно близко от дороги, так что Джин не успел даже испугаться, подходя к нему.

Никакой тебе охраны в форме. Металлическое ограждение выполняло скорее декоративную функцию. Джин легко мог его перепрыгнуть. Только зачем, если ворота и так открыты? Мальчик сглотнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл блондин, одетый по-простецки: рубаха да зеленые брюки на подтяжках. Весь какой-то помятый и уставший, заросший щетиной. На Джина глянул, насупившись.

– Здесь нельзя попрошайничать! – не очень-то приветливо заявил он.

Акцент у него был такой же, как у Майлз-сана, раскатистый. Вот только оказалось, что не все барраьерцы низкорослы, как со смятением осознал Джин. Этот был ну очень высоким.

– Простите, сэр. Я всего лишь посланец. У меня письмо для лейтенанта Йоханнеса или консула Фор... э-э... Форлинкина.

Из описания Майлз-сана выходило, что перед ним стоял именно лейтенант Йоханнес. Вот только где вы видели лейтенантов-привратников? А еще, сердясь, подумал Джин, Майлз-сан назвал его *милым парнишкой*, а не *жутким взрослым*. Хотя, с другой стороны, разве лейтенант может быть не взрослым?

– Йоханнес – это я.

Джин сунул руку под рубаху. «Милый парнишка» напрягся было, да успокоился, когда Джин вынул письмо.

– Это от Майлз-сана, в смысле, от господина Фор-ко-си-гана, – Джин постарался произнести без ошибок.

– *Вот черт!*

Джин аж вздрогнул от неожиданности. Лейтенант Йоханнес перепугал его еще больше, схватив за руку и втащив через порог и захлопнув дверь. Выхватив письмо, он осмотрел конверт на просвет, крикнул между делом «Стефин!» кому-то наверху и вскрыл.

Пробежав глазами по аккуратным, плотным строчкам, выдохнул:

– Жив, слава тебе Господи! Мы спасены!

По ступенькам с грохотом скатился второй взрослый, вроде постарше первого и даже еще выше. Ни дать ни взять нортбриджский бизнесмен – широкие самурайские шаровары, куртка-кимоно с широкими рукавами. Только вот куртка болталась расстегнутой, да лицо у него было такое же помятое и усталое, как у лейтенанта.

– Что стряслось, Трев?

– Ты только посмотри! Письмо от лорда Форкосигана! Он на свободе!

Второй заглянул лейтенанту через плечо и повторил слово в слово:

– Слава тебе Господи! Чего же он не позвонил, не сообщил нам? – А затем, через мгновение зарычал: – Что? *Что?!*

Лейтенант перевернул письмо, и они продолжили читать вместе.

– Он что, спятил?

Тот, что постарше, бросил на Джина прищуренный взгляд исподлобья. Все нехорошие предчувствия разом зашевелились в мальчишечьей душе. Как же он похож на полицейского!

– А это не подделка?! – грозно пророкотал старший.

Джин наклонился, поднял упавший конверт и молча протянул им. Сглотнул и выдавил:

– Он сказал, вы обратите внимание на отпечаток пальца. Сказал, что это как печать его дедушки.

– Это что, *кровь*?

– Э-м... Ну да.

Старший передал конверт лейтенанту:

– Отнеси вниз и проверь.

– Есть, сэр.

Трев-сан исчез в дверном проеме в дальней стене комнаты. Через мгновение Джин услышал, как где-то хлопнула дверь и ноги забухали по ступеням.

– Простите, сэр, вы – консул? – Джин не очень ясно представлял себе, что такое «консул». Вроде это как «посол», только помладше. Что-то вроде этого домика. – Мне Майлз-сан строго наказал отдать письмо только лейтенанту или консулу Форлинкину.

На сей раз ему удалось произнести это имя не запнувшись. По мнению Джина, настоящий посол должен выглядеть потучнее и постарше. Этот – поджарый и помладше Майлз-сана, во всяком случае в каштановых волосах не проступало седины.

– Форлинкин – это я. – Он не сводил с Джина голубых, словно раскаленное летнее небо, глаз. – Где ты встречался с Лордом-Аудитором Форкосиганом?

– Я-то? Да он в Криосотах потерялся – сам мне так сказал. Я его там вчера ночью и нашел.

– Как он себя чувствует?

Ответить было гораздо сложнее, чем задать такой вопрос, но Джин решил опустить подробности и просто сказать что-нибудь ободряющее.

– Сегодня с утра намного лучше. Я дал ему яиц.

Форлинкин поморгал. Потом снова посмотрел в бумагу.

– Не будь это письмо написано его собственной рукой, а я вижу, что оно написано его собственной рукой, я бы вколол тебе фастпенты, и тогда... гм... Ну так где ты его видел?

– М-м... Дома.

– А это где?

Вот ведь вляпался. И Сьюз нельзя подвести. А что скажешь незнакомцу? Ему сто раз говорили, во-первых, не разговаривать с незнакомцами, а во-вторых, никому не рассказывать о *доме*. Интересно, получится ли задать стрекача и выскочить отсюда прежде, чем консул его сцапает?

– Что? Э-э... Мой дом?

– Что... – К его удивлению, Форлинкин не продолжил допрос, а вместо этого снова развернул письмо. – Что он там у вас делает?

– Э-э... Расспрашивает всех обо всем. – Джин задумался и вспомнил важный, как ему показалось, аргумент: – Он ведь больше не похищенный!

– Но зачем понадобилось посылать письмо с ребенком? – пробормотал Форлинкин.

Джин не понял, адресован ли вопрос ему, поэтому не стал предлагать ответа. Да и вряд ли то был подходящий момент объяснять, что вообще-то ему уже *почти двенадцать*. Где-то в сознании засвербело: чем меньше он скажет, тем целее будет.

Тот, другой – лейтенант Йоханнес, или Трев-сан, или как там его, – тяжело бухая ногами по полу влетел в холл. В руках он держал конверт.

– С конвертом порядок, сэр. Что дальше?

– Первым делом нужно найти его адъютанта. Он сам считает, что Роика тоже взяли. При всем уважении к местным поиски не движутся. Думаю, придется в точности следовать инструкциям, – Форлинкин показал на письмо, – и послать стереописьма Имперскому секретарю галактических дел на Комару, срочно, особо секретно.

На лейтенантском лице появилась надежда.

– Может, получим приказ оттуда? Не такой приказ. Какой-нибудь понятный.

– На это уйдет несколько дней. И подумай, к кому им придется обращаться, чтобы отменить *этом*? – Тут они перекинулись обеспокоенными взглядами. – Так что пока решения придется принимать самим.

Джин робко кашлянул.

– Майлз-сан сказал, что вы напишете ответ.

– Да, – ответил консул. – Жди здесь.

Он указал на хрупкий и костлявый стульчик у стены, один из пары, стоявшей по бокам секретера с искусственными цветами и зеркалом над ним. Оба взрослых протопали вниз по лестнице.

Джин сел. Только твердо и деловито сказанное «да» помогло справиться со страхом и не сбежать, пока была возможность. Они явно с недоверием отнеслись к Джину. Зато, к счастью, письмо от Майлз-сана восприняли серьезно.

В одиночестве он просидел довольно долго. Один раз встал и заглянул в комнаты, двери которых выходили в холл. Одна из комнат была весьма причудливо обставленной гостиной. Другая выглядела аскетичнее, больше походила на рабочий кабинет. И нигде никаких животных – ни тебе птички в клетке, ни даже кошки. Джин очень скоро порадовался, что не отправился на более детальные поиски, потому как из глубины холла вдруг возник еще один человек и, удивленно разглядывая мальчика, спросил:

– Чем могу служить?

Ну наконец-то, хоть один говорит с нормальным местным акцентом! Джин энергично помотал головой:

– Э-э... Лейтенант Йоханнес уже занимается... моим вопросом. Мной.

Джину удалось заправски произнести имя лейтенанта. Похоже, это весьма порадовало вновь прибывшего.

– А! – кивнул он, отправился в «кабинет», к коммуну, и занялся там какой-то работой.

Джин сел на стул и решил больше никуда не ходить.

Прошла целая уйма времени, когда наконец появился Форлинкин. В руках он держал другой запечатанный конверт, простой, значительно более увесистый, чем доставленный сюда Джином.

– А сможешь ли ты отдать этот конверт лорду Форкосигану? Лично в руки?

– Сюда же я как-то добрался.

Джин встал со стула.

– Сюда-то добрался...

Видно было, что консул сомневается, передавая конверт. Джин затолкал конверт под рубаху и, не желая терять времени, дал ходу.

Ну ничегошеньки не понятно! Джин нерешительно оглянулся, выходя на улицу через железные ворота. Зато порадовался, что у Майлз-сана есть друзья. Ну, хотя бы такие.

Глава четвертая

Как только Джин скрылся за парапетом, Майлз отправился по знакомому уже маршруту в подвальное кафе, стараясь не заплутать в коридорах. Видимо, для обеда он выбрал слишком ранний час. В кафе почти никого не было, а значит, не было и подозрительных, любопытных глаз. Майлзу подумалось: в своих нынешних лохмотьях он привлекал значительно меньше внимания, чем если бы вошел сюда при полном параде и регалиях Имперского Аудитора, costume столь строгим, что по всей галактике, вне зависимости от вычурности местной моды, его серый цвет значил одно: «перед вами – Особо Важная Птица». Ему сейчас гораздо сподручнее пришелся костюм «перед вами – Птица Без Определенного Места Жительства».

Обеденная зона, беспорядочно заставленная столами, отделялась от кухни длинной раздаточной консолью, над которой возвышались шкафы из нержавеющей стали. Обойдя консоль, Майлз обнаружил большой электрический *самовар*, а, как известно, где самовар – там и чай! Рядом стояло пестрое собрание кружек, а над ними – «Вымой за собой чашку!», написанное от руки. Непонятно было, то ли у каждой чашки свой хозяин, то ли все здесь общее. Тем лучше, это давало ему повод завязать беседу с женщиной, то ли помощницей, то ли сегодняшней заменой Аки, которая помешивала поварешкой в десятилитровом чане с супом.

– Не позволите воспользоваться одной из чашек? – обратился к ней Майлз.

Та пожала плечами:

– Да, пожалуйста. Только не забудьте потом помыть. – Постучав рукояткой по краю кастрюли, женщина положила поварешку на стол. – Вы здесь новенький?

– Абсолютно.

– Правила у нас такие: готовь, что хочешь, мой за собой, ставь все на место, если есть деньги – поделись на закупку провизии. На холодильнике – график уборки, надо записаться.

– Спасибо. Мне бы сейчас только чайку... – Майлз глотнул из чашки. Чай оказался перезаваренным, дешевым, крепким. стакан такого чая замечательно поддержит и дух, и тело. – А вы давно... здесь?

– Я сюда бабушку привела. Уже недолго осталось.

Пока он размышлял, как бы «раскрутить» ее на пояснение этой интересной фразы, из-за консоли раздался знакомый ворчливый голос:

– Ну что там с супом, все еще не готов?

Высокий согбенный старик просунул голову в раздаточное окошко. Впечатляющих размеров седые усищи свисали, обрамляя недовольную мину, и шевелились, когда он двигал губами. А, знакомые тараканы усы...

– Только через полчаса. Сядьте пока, посидите, – отозвалась она.

– По-моему, я его знаю, – тихонько сказал ей Майлз. – Зовут, кажется, Йани?

– Да, это он.

Йани прошаркал на кухню и нацедил чаю в кружку. Хмуро глянул на Майлза. Тот ответил радостной улыбкой:

– Доброе утро, Йани.

– А, протрезвел? Чудесно. Отправляйся домой.

Йани ухватился за кружку обеими трясущимися ручонками, по всей видимости, чтобы не расплескать, и прошаркал обратно к столу. Майлз неустрашимо ринулся вслед и уселся за столом напротив.

– Ты еще здесь? – спросил Йани.

– Жду своей очереди, так сказать.

– Мы все ее ждем.

– Джин говорит, вас разморозили. Неужели вас правда замораживали сто лет назад?

Подумать только, на Барраяре как раз подошел к концу Период Изоляции, началась новейшая история, а Йани проспал ее всю!

– Сдается мне, у вас не должно быть отбоя от желающих порасспросить.

Йани кисло-сладко хохотнул.

– Ничего подобного. Здесь все уже объелись расспросами таких, как я. Я тоже думал подзаработать, давая интервью журналистам, но нас здесь много, очень много. И никому мы не нужны. Все такое дорогое. Город огромен. В мое время заселение новых территорий шло быстрее. Проклятье, я-то думал, терраформирование будет на полпути к полюсам. Политики безумствуют, и все вокруг такие невоспитанные...

Майлз сидел и поддакивал. Еще в юности он усвоил и в совершенстве овладел одним важным умением: старики жалобы надо внимательно выслушивать, тогда смягчишь сердце говоруна. А Йани было достаточно одобрительного кивка головой, чтобы ринуться в критическое ниспровержение современного Кибо, мира, в котором ему нет места и в котором он никому не нужен. Некоторые высказывания со временем превратились в готовые, заученные тексты – было ясно, что Йани уже поднатерел в выплескивании своих идей на всякого, кто по неосторожности останавливался послушать. Нельзя, правда, сказать, что старик избалован слушателями – немногие новоприбывшие к кафе обходили его стороной. Слезающиеся старческие глаза оживились, когда он понял, что новая жертва вовсе не рвется убежать от брюзжания, подобно крысе, отгрызающей собственную ногу, чтобы выбраться из капкана. «Значит, статус наркомана временно позабыт», – обрадованно решил Майлз.

Йани все бормотал и бормотал, а Майлза уносили воспоминания о собственном деде. Генерал граф Петр Форкосиган, освободитель всей планеты, человек, который низвергал и возводил не трон императоров, творец той самой истории, которую Йани пропустил, обзавелся наследником лишь в конце жизни, как и отец Майлза, так что между дедом и внуком легло скорее три поколения, а не два. Тем не менее оба по-своему любили друг друга. Как изменилась бы жизнь Майлза, будь граф Форкосиган заморожен, когда внуку было семнадцать, а не похоронен, как положено, в земле? Стало бы ожидание его возвращения подарком или постоянно висящей над головой угрозой?

Старый генерал был подобен могучему дереву. Но ведь дерево не только дает защиту, оберегает от бурь и невзгод. Как изменилась бы судьба Барраяра, если б мощная фигура деда не пала, освобождая дорогу солнечному свету, позволяя новой поросли подниматься и расцветать? Что, если б не было для Барраяра иного пути, кроме как безжалостно уничтожить все старое, а не ждать, пока естественный круговорот поколений очистит путь всходам?

И тут до Майлза дошло, почему криокорпорации замораживают больше людей, чем размораживают. Возможно, дело тут не только в присвоении голосов избирателей, и даже не в том, что медицина отстает и не может победить неотвратимую старость.

А Йани все ныл и ныл, и не было конца стенаниям о том, как его обманула криокорпорация, как его вернули к жизни не в расцвете сил, юным, богатым и известным. Монолог этот, вероятно, звучал и ранее, без слушателя. Теперь вот Майлзу посчастливилось узнать о судьбе Йани. Старик оказался в роли путешественника во времени, который покинул свой день, да вот пункт назначения ему понравился ничуть не больше места отправления. Бедняга никак не хотел понять, что он сам не вписывается ни в прошлое, ни в настоящее – вот только пути назад ему точно нет. Так сколько же таких, как Йани, призраков прошлого, бродит по Кибо? Чай кончился, и Майлз, сославшись на это обстоятельство, схватил обе чашки и отправился за добавкой.

Ополаскивая свою и наполняя чашку Йани, Майлз полупшепотом поинтересовался у повара:

– А правда, что Йани не хотели размораживать?

Та лишь фыркнула.

– Осмелюсь предположить, он тут и сто лет назад никому не был нужен. Понятия не имею, с чего он решил, будто что-то изменилось?

– Уж это точно, – согласился Майлз, пряча улыбку.

Улыбка не укрылась от ее глаз, и повариха присмотрелась к нему повнимательнее.

– А вы не очень-то и старый. Вы, наверно, больны?

Майлз так и захлопал глазами:

– Неужели у меня настолько помятый вид?

– Я просто подумала, что вы здесь по *этой* причине.

– У меня есть одно хроническое заболевание, но я не люблю о нем распространяться.

И как она догадалась? Эпилепсия не проявляется внешне, это вам не проблемная кожа. И вновь Майлз почувствовал, что говорит с местными на разных языках и вновь ему что-то подсказали. Но вот *что*?

Он не успел развить мысль, повариха неожиданно развернулась и обратилась к кому-то:

– А, Тенбери-сан!

В помещение вошел ужасно волосатый человек в потрепанном комбинезоне и рубаше с закатанными рукавами. Головы всех присутствующих тут же повернулись к нему. Посетители кафе либо коротко кивали, либо приветствовали волосатого сдержанным взмахом руки. Он так же коротко и молчаливо отвечал на приветствия, проходя на кухню. Сунув пятерню в серо-бурые заросли на подбородке, почесался. Кивнув поварихе, протянул ей знакомый кофейник. Та приняла, ополоснула и наполнила его кофе.

– Ваш обед готов, Тенбери-сан, – бросила она через плечо. – Сумка в холодильнике.

Волосатый пробурчал что-то вроде «Спасибо!» и полез шебуршать во внутренностях здорovenного промышленного холодильника. Майлз заметил, что под зарослями волос скрывался человек вовсе не медвежьего телосложения. Был он скорее тощий и бледный. Вытащив матерчатую сумку, Тенбери-сан повернулся и уставился на Майлза:

– Новенький?

– Мы с Джинном – приятели, – ответил он уклончиво.

Вернее сказать, Джин меня подобрал на улице.

– Вот как? А где парнишка?

– Я дал ему кое-какое поручение.

– А-а. Давно пора приучать его к работе.

– В двести десятом течет кран, – вклинилась в разговор повариха.

– Понял. Захватчу инструменты после обеда, – ответил он, прихватил кофейник и утопал восвояси.

– Кто он? – спросил Майлз.

Повариха опять принялась помешивать варево.

– Тенбери, здешний смотритель.

Майлз смутно припомнил, что уже слышал здесь несколько раз о человеке с такой должностью. Интересно только, насколько «смотритель» соответствует своей работе? Может, так же как и «секретарь» Сюз? Все равно нужно выяснить, откуда питается аппаратура и куда уходит канализация, а значит, пора действовать. Не ждать же пояснений от Джина. Да и время не резиновое, он не сможет тут бесконечными исследованиями заниматься. В общем, ноги уже сами несли Майлза, решив за него, что делать.

Он поблагодарил повариху, отнес Йани полную кружку, побарабанив приветливо по ска-терти, «счастливо оставаться», мол, и кинулся к выходу как раз вовремя, чтоб не потерять Тенбери из виду. Поношенные резиновые подошвы Майлзовой добычи несли его по коридору бесшумно, чему он страшно радовался. Заскрипели петли. Майлз метнулся за угол, там как раз закрывалась дверь, ведущая на другой лестничный пролет. Затаив дыхание, он двинулся вперед.

Лестница вела в такую тьму, что хоть глаз выколи. Что же делать? На счастье, из мрака вырвались отблески света – Тенбери включил карманный фонарик. Ура, во всяком случае, «смотритель» – не оборотень, видящий в темноте. Четыре лестничных пролета, визг тяжелой открывающейся двери, и блики света исчезли. Майлз ускорил шаг, вытянул руки, нашарил дверную ручку. Осторожно приоткрыл дверь, боком протиснулся в щель, беззвучно прикрыл дверь за собой.

Свет фонарика прыгал где-то справа. Туда Майлз и отправился, думая о мистических блуждающих огоньках и беспечных путниках, что сгинули в болоте, зачарованно следуя за ними. Он шел и шел, и вдруг заметил боковым зрением крошечные звездочки, словно пляшущие светлячки, отчего коридор еще больше стал похож на сказочную трясину. Поморгав, Майлз сообразил, что по обе стороны от него светят зеленым индикаторные лампочки, разбросанные в произвольном порядке вдоль стен. Система, дескать, функционирует нормально.

Содрогаясь от отвращения, Майлз протянул руку и ощупал столь знакомые теперь выступы близко посаженных криокамер. Вот только эти вовсе не были выключены и заброшены. Они прекрасно работали, во всяком случае добрая половина деловито мигала лампочками. Хорошо изолированные люки камер хранили комнатную температуру на поверхности – можно было не бояться, что кожа примерзнет к кожуху и Майлз замрет здесь, пойманный во внезапно выросшую прозрачную сосульку-кокон. Подумав, он все же убрал руки подальше, двинулся по коридору, освещенному мерцанием огоньков... и замер – в конце коридора открылась еще одна дверь.

На глаза обрушился поток света из комнатухи, что, видимо, служила своему хозяину и жильем, и лабораторией. Свет нимбом разлился вокруг патлатой головы, которая, к счастью для Майлза, не повернулась. Дверь захлопнулась, и Майлз вновь утонул во мраке. Мало-помалу он стал видеть что-то в темноте, или, если можно так сказать, россыпь зеленых искорок помогла ему увидеть крошечную тьму. Он едва-едва различал мертвенно-бледные рукава рубахи.

Подведем итоги: ни насосов, ни трансформаторных щитов. Зато обнаружено кое-что получше – «тайна подземелья», рабочие криокамеры! Как много элементов головоломки стало на свои места!

Значит, Сьюз сотоварищи устроила здесь этакую тайную криокорпорацию. Нет, скорее «криокооперативчик». И, если он все правильно понял, вопросы лицензирования, налогов и инспекции в этом «кооперативчике» остро не стояли. Прямо-таки подполье, нигде не зарегистрированное предприятие.

Кибо-Даини – целая планета, одержимая одной страстью: обмануть смерть. И даже бездомные здесь могут наскрести пригоршню надежды на вечность.

Вопросы жизни и смерти? Приходится признать, что на Кибо это ерунда, а не вопросы. Майлз разразился беззвучным смехом. *А я-то, дурень, думал, что всего в этой жизни повидал!* Черт возьми, и как только Сьюз это удалось! Ведь наверняка подкупила кого-то, чтоб втихаря сохранить от чужих глаз целое предприятие, пока здесь все расформировывали и разукомплектовывали, а клиентов «переселяли» в новый, кичливо-элегантный «Криополь» в западной части города, под залитые светом пирамиды. Вот это история, да за такую и жизнь отдать не жалко!

Выбирайте слова, милорд Аудитор!

Менее трети криокамер в коридоре мигали зелеными светлячками. Интересно, сколько здесь таких коридоров? Достаточно места для новых клиентов. Одна мысль вела к другой: если повсюду криокамеры, считается ли здесь убийство преступлением? Беспроектная игра в прятки, одно живое тело, спрятанное среди сотен мертвецов. Воздух так быстро заканчивается в герметичном черном ящике, даже замораживать не надо. И никто не станет искать, пока не будет слишком поздно...

Ну, мне-то не впервой.

Забавно, такой аргумент почему-то совсем не помог успокоиться.

Он шагнул к последней двери, поднял руку и... пальцы замерли над холодной металлической поверхностью. Майлз простоял так с минуту. В конце концов, сжав пальцы в кулак, он постучал.

Скрипнул стул. Дверь приоткрылась, высунулась волосатая физиономия:

– Да?

– Тенбери-сан?

– Просто Тенбери. Что вам нужно?

– Задать несколько вопросов, если можно.

Темные, карие глаза сузились под свисающими бровями.

– Вы уже поговорили со Сьюз?

– Да, Джин познакомил нас сегодня утром.

Тенбери задумчиво пожевал заросли вокруг губ.

– Что ж, тогда заходите.

Дверь распахнулась.

Майлз решил не исправлять пока ошибки Тенбери, ведь Сьюз вовсе не приглашала его в свое тайное сообщество. Не трата времени даром, он скользнул в дверной проем.

Комната служила и офисом, и центром управления банком криокамер, и жилым помещением – во всяком случае, смятое одеяло на полу у стены и груды личного хлама намекали на то, что здесь живут. Дверь в стене напротив вела в некое подобие мастерской – Майлз заметил верстаки и инструментальные полки в полумраке комнаты. Одинокий стул подсказал, что Тенбери окажется еще менее гостеприимным, чем Сьюз, однако смотритель вежливо показал гостю на стул, а сам прислонился к панели управления. Майлз предпочел бы поменяться с ним местами, чтобы не подвергать риску растяжения шейные мышцы, да и не позориться болтающимися короткими ножками, не достающими до пола. Но нет, не стоит портить отказом завязавшийся контакт. Он уселся, посмотрел снизу вверх и вежливо улыбнулся.

Тенбери наклонил голову и один в один воспроизвел речь наблюдательной поварахи:

– Слишком молодо вы выглядите. К нам такие не приходят. Болезнь или как?

Майлз повторил то, что уже однажды сработало:

– У меня неизлечимые приступы эпилепсии.

Тенбери кивнул, изобразив сострадание на лице. Ответил неожиданно:

– Вам бы лучше попробовать вернуться к врачам. Может, на других планетах помогут?

– Да был я у них. Недешевое удовольствие. – И вывернул карманы, словно хотел предъявить доказательства.

– А-а... И вот вы здесь. Без гроша остались, да?

– В некотором роде. Хотя все несколько сложнее.

Не то чтобы Майлз пытался переплюнуть по эффективности допрос под фастпентой, но врать напрапалую этому человеку не очень-то хотелось.

– Ну конечно, так обычно и бывает.

– Не покажете ли на практике, во что я здесь ввязываюсь? Если, конечно, останусь.

Лохматые брови подпрыгнули.

– Ну, ко мне-то у вас претензий не будет. Пойдемте, покажу «дэ – двести первую».

Тенбери провел его через свою то ли медицинскую лабораторию, то ли мастерскую. На верстаке россыпью лежали детали морозильной установки.

– Некоторые камеры можно сохранить в рабочем состоянии, только используя запчасти от других, – пояснил Тенбери.

Майлз, как и в беседе с Йани, угукал и поддакивал, выуживая у Тенбери секреты профессионального мастерства. Когда он узнал о работе криокамер больше, чем хотелось, задал такой вопрос:

– А не закончатся ли запчасти в один прекрасный день?

– Не скоро. Здешние площади рассчитаны на двадцать тысяч клиентов. За двадцать лет мы загрузили лишь около десяти процентов. А начинали, так тут вообще пусто было. Так что хватит на многие десятки лет. На мой век уж точно хватит.

– А что потом? Кто будет размораживать?

– Мы об этом пока не думали. Разморозка – более сложный процесс.

Уж это точно.

– А кто проводит подготовительные работы?

– Мой криоассистент. Вы с ней обязательно встретитесь. Хороший специалист, к тому же обучает помощницу – Ако. Мне бы тоже не помешала парочка учеников.

Ничего удивительного, подумал Майлз. Неотложная криоподготовка – нехитрая медицинская процедура, которой он и сам овладел, во всяком случае теоретически. Это обязательная часть военно-полевой медицины. А вот амбулаторные условия криоподготовки требуют гораздо больше знаний всяких тонкостей – от этого зависит посттравматический уровень криоамнезии у пациента, отсутствие или наличие побочных явлений. Чем меньше организм травмирован перед криопроцедурой, тем меньше придется заниматься снятием последствий травмы после разморозки. Однако добровольно пойти на заморозку, пока твой мозг в сознании, а легкие дышат... Хладнокровно, так сказать, отправиться во тьму...

– Даже думать об этом жутко, – сказал Майлз честно.

– Для большинства это все-таки крайняя мера, а вовсе не первая помощь. Хотя все мы к ней в конце концов прибегнем. Кто в наше время согласится на смерть от тромбоза во сне? «Проснуться» еще тепленьким и уже гниющим? Уж лучше не тянуть, пока не станет поздно. – Тенбери скривил губы. – Хотя некоторые корпорации изо всех сил подталкивают людей к ранней криопроцедуре. Для них важно насыщение рынка. Хотя не думаю, что они на этом здорово выгадают.

– Да, подход у них какой-то грубоватый, в лоб, – согласился Майлз. То, что он услышал, повергало в изумление. – Чем больше клиентов сейчас, тем меньше будет потом. Недалековидная стратегия для такого далеко идущего предприятия.

– Ну да, за исключением тех, для кого это последний и единственный шанс.

Тут настал черед Майлза призадуматься.

– Ну не получится же у них на сто процентов насытить рынок, даже при таких обстоятельствах. Есть ведь и верующие, кто не приемлет крионику.

– Да, отказники есть.

– Отказники?

– Вы не здешний? Я по акценту понял, что не здешний, просто показалось, что на Кибо вы пробыли дольше. Ну, в смысле, раз уж до нас добрались.

– Да все как-то случайно произошло. Но я рад, что на вас натолкнулся.

Сначала «размороженные», теперь вот «отказники». Интересно, какие еще местные словечки «забыли» упомянуть организаторы туров из криокорпораций? Такие «термины» вряд ли нуждались в пояснениях, Майлз хорошо понял, что имел в виду смотритель. По мнению Тенбери, идеология тех немногих суеверных, что предпочитали заморозке обычные похороны, была бесперспективной. Майлзу припомнились группы фанатиков-сектантов, что давали обет безбрачия, а потому вымирали за пару поколений. Вернее, без поколений. Тут пришлось временно согласиться с Тенбери.

Затем Тенбери указал Майлзу на дальнюю дверь, вывел из мастерской и гостеприимно пригласил на осмотр другого коридора, к счастью, освещенного. Хотя и при свете трудно было

понять, на что он больше похож: тоннель сообщения космической станции или морг. Смотритель открыл одну из пустующих, недавно отремонтированных криокамер, рассказал о ее технических характеристиках. Говорил он отстраненно, словно продавец подержанного транспорта о своем товаре.

– Как-то здесь... тесновато, – заметил Майлз.

– Над головой пространства почти нет, – согласился Тенбери, – но поверьте, когда вас сюда положат, привычки вскакивать по ночам уже не будет. Мне всегда было интересно, помнят ли люди хоть что-то о времени, проведенном в криокамере. Размороженные, с которыми я общался, говорят, ничего не помнят.

Люк камеры скользнул на место, Тенбери легонько шлепнул по кожуху, активируя замок.

– Просто засыпаешь, а потом просыпаешься в будущем, которое кто-то выбрал для тебя. И никаких снов, – задумчиво согласился Майлз. – Закрыв глаза и выключился. Включился, открыл глаза. Та же анестезия, только дольше.

Словно предварительный просмотр настоящей смерти по индивидуальному заказу. И не такой болезненный, мысленно признал Майлз, как «выключение» при помощи игольчатой гранаты, разрывающей легкие. Расставив пальцы, он приложил ладонь к лицевой панели камеры.

– А что случится со всеми этими замороженными беднягами – или замороженными бедняками, – если вас обнаружат власти?

В зарослях подбородка мелькнула безрадостная улыбка.

– Ну не могут же они просто дать нам растаять и сгнить, а потом похоронить нас. Это противозаконно.

– Это считается убийством?

– В некотором роде. Одной из разновидностей убийства.

Что ж, тогда у них здесь не совсем уж безнадежное предприятие, как Майлзу сперва показалось. Кто-то все же думал о будущем. Вопрос в том, насколько глубоко? В чьих руках может оказаться ответственность за эти «мерзлые души»? В руках нортбриджского муниципалитета? Или какого-нибудь безответственного предпринимателя, который купит собственность в счет погашения долгов по налогам и только потом узнает, *что* он купил? Да уж, смерть не обманешь.

– Хорошо, сейчас это противозаконно. А если закон изменится?

Тенбери пожал плечами:

– Тогда несколько тысяч человек скончаются без лишнего шума и боли. Они умрут с надеждой, не в отчаянии. И им будет все равно. – Подумав, он добавил: – Да и вообще, в таком уродливом мире лучше и не просыпаться.

– Да-а... Не думаю, что власти возьмут на себя все расходы и ответственность за разморозку людей только для того, чтобы дать им сразу же умереть. Выключился?... Вот и не включайся!

В конце концов, это не самой плохой путь на тот свет, уж Майлз-то повидал всякого.

– Извините, мне нужно приниматься за работу, – Тенбери намекал, что гостю пора и честь знать. – Надеюсь, я помог вам определиться.

– Да-да, спасибо. – Майлз проследовал за Тенбери через мастерскую в первый коридор. – Мне тоже пора отправляться кормить Джинов зверинец. А то ведь я пообещал.

– Странный парнишка. Я некоторое время подумывал взять его себе учеником. Но он больше интересуется зверьем, чем техникой, – вздохнул Тенбери, и Майлз не понял, с каким чувством – то ли с сожалением, то ли просто удивленно.

– Э-э...

Майлз в нерешительности замер перед выходом в темный коридор.

– Первая дверь налево, – подсказал Тенбери и заботливо придержал дверь своего кабинета широко распахнутой, освещая Майлзу путь во мраке до самого выхода.

Дальше Майлзу помогли поручни лестницы и внимательный счет поворотов. Он выбрался в подвальный коридор у кафетерия, а оттуда уже поднялся наверх к Джину, по внутренней лестнице.

На крыше его ждали солнечный свет и квохчущая стайка цыплят.

Черт возьми, скорее бы уже мальчуган возвращался!

* * *

В толчее большущей городской пересадочной станции метро было так же сложно сориентироваться на обратном пути, как и по дороге в консульство. Второй раз свернув не туда, Джин заволновался. Ох, какие толпы народу кругом! А что же будет ближе к часу пик? Надо выбираться побыстрее. Наморщив лоб, мальчик покрутился на месте, выбрал направление и двинулся против потока вливающих на станцию.

Интересно, что в толстеньком конверте, который ему отдал этот, как его... конус? Кажется, так: конус Форлинкин? Конверт терся о кожу. Выйдя на ротонду второго уровня, он прислонился плечом к колонне и выудил письмо из-под рубашки. Хотя контрольной метки в виде кровавого следа пальца на конверте не было, послание, к вящему неудовольствию Джина, было запечатано. Не подглядеть... Грустно вздохнув, мальчик сунул конверт обратно под рубашку.

В конце концов он нашел нужный эскалатор и поднялся на два уровня, в длинный переход верхнего уровня. Мальчуган очень беспокоился о своем зверье. Сможет ли Майлз-сан с ними управиться? Этих взрослых никогда не поймешь. То они делают вид, что относятся к тебе серьезно, то смеются за спиной надо всем, что тебе дорого. А еще, бывает, говорят что-то лишь потому, что ты еще маленький. Думают, что ты об этом скоро забудешь. Майлз-сан, похоже, искренне полюбил Джинных крыс – Джинни он посадил на плечо и даже не отворачивался, когда та попробовала погрызть его волосы. Джин всегда готов был понять взрослых, которым не нравятся крысы – не любят они почему-то этих гладких, забавных и дружелюбных тварей. А ведь крыса-то и не укусит, если ее не сжать случайно рукой. И разве можно ее винить за самозащиту?

Что-то вдруг сжало плечо Джина – он аж взвизгнул. Если бы мог, то и сам укусил бы руку на плече, но все, что ему удалось, – немного вывернуться и посмотреть вверх. Прямо в лицо худшему из своих кошмаров.

Каштановые волосы, приятная улыбка, синяя форма муниципальной Службы безопасности. Не служащая безопасности метро, у тех форма зеленая. Настоящая тетя из полиции, вроде тех, что забрали маму.

– Как тебя зовут, детка?

Голос звучал дружелюбно, но твердо.

– Джин... – промямлил он. Нет, так не пойдет. Все внутри переворачивалось от страха, когда он врал взрослым, но в этот раз мальчик переборол себя. – Джин э-э... Форксон.

Та нахмурилась:

– Это еще что за имя?

– Мой отец – с другой планеты. Он уже умер, – добавил Джин поспешно и, как ему показалось, предусмотрительно.

Почти даже и не соврал. Только вот теперь придется гнать от себя мысли о похоронах.

– А мама тебя отпускает одного в город? Сейчас время занятий в школе, знаешь ли.

– Э-э... Да. Она отправила меня сюда с поручением.

– Что ж, давай тогда позвоним ей.

В животе у Джина задрожало что-то ледяное, он показал запястья тощих ручонков.

– У меня нету комма, мэм.

– Ничего страшного, пройдем в участок и позвоним маме оттуда.

– Нет!

Изрядно напуганный, Джин попытался вывернуться. Однако каким-то образом вывернутой оказалась его рука за спиной. И больно вывернутой! Рубашка перекрутилась на талии, и с громким шлепком на пол приземлился конверт.

– Нет, не трогайте!

Он попытался сам наклониться за посланием. Не отпуская руки ребенка, женщина схватила конверт. Лицо ее становилось все озабоченнее.

– Дэн, код шесть. Первый уровень, – бросила она в свой комм.

Мгновенье спустя появился второй полицейский.

– Ну что у тебя тут, Митико? Поймала воришку у прилавка?

– Пока не знаю. Наверно, из школы сбежал. Этому молодому человеку надо пройти с нами в участок и позвонить маме. Заодно и личность установим.

– Ясно!

Вторая рука Джина попала в еще более крепкий хват. Таким беспомощным его и повели. Ох и дал бы он деру, да где там: обе руки крепко сжаты.

Сквозь стеклянную стену помещения было видно всю ротонду. Внутри царила прохлада. Дверь закрылась, и наступила восхитительная тишина. Джин бы порадовался, но не в этих обстоятельствах. На множестве экранов, подключенных, как догадался Джин, к видекамерам, по эскалаторам вверх и вниз передвигались люди. В шуме и суете станции Джин не заметил никаких камер. Женщина толкнула его к вращающемуся стулу. Пятки усевшегося Джина не доставали до пола.

Здоровяк Дэн поднес к лицу мальчика световое перо.

– Посмотри на меня, парень.

Сканирование сетчатки? Красная вспышка. Джин зажмурился изо всей силы, а потом еще и закрыл лицо ладонями, но было поздно. Он услышал шаги Дэна, уносящего добычу к комм-пульту.

– Смотри, как он напуган, Дэн. – Сквозь пальцы Джин увидел, как женщина подняла конверт, сдвинула в руках и потрясла им, словно то была коробка с подарком на день рождения. – Может, причина здесь?

На пульте что-то звякнуло.

– Тэ-экс... Похоже, на него что-то есть. Быстро нашлось.

Дэн посмотрел на беглеца и спросил:

– Тебя зовут Джин Сато?

– Нет!

– По нашим данным, парень уже год как в розыске.

Не отпуская руки Джина, женщина повернулась боком, чтобы взглянуть на стереоэкран.

– Боже праведный! Ну и обрадуется его семья, когда мальчика вернут домой!

– Никто там не обрадуется! Отпустите меня!

– И где же ты целый год прятался, сынок?

Вопрос Дэна прозвучал сочувственно.

– А что у нас тут? – Митико взвесила конверт в руке и нахмурилась.

– Это не ваше! Отдайте!

– Ну, так что там?

– Просто письмо. Очень... очень личное письмо. Мне его нужно доставить. Кое-кому.

Оба офицера заметно напряглись.

– Кому это «кое-кому»? – потребовала Митико.

– Просто... кое-кому.

– Другим? Родственникам?

У Джина слово «родственник» не вызывало энтузиазма.

– Нет, мы только сегодня познакомились.

– Где вы познакомились?

Джин захлопнул рот.

– Ни адреса. Ни штемпеля. Не вижу причин, почему бы не заглянуть туда, – проговорил Дэн.

Женщина кивнула и передала ему конверт. Дэн вынул складной ножик и вскрыл конверт снизу, держа над столом. Из конверта вывалилась толстенная пачка денег, кружась, упала записка.

Столько денег за один раз Джин в жизни не видел. Судя по широко распахнувшимся глазам, денег было также больше, чем оба офицера привыкли видеть за один раз. В руках у мальчишки, конечно.

Дэн перелистал пачку и изумленно присвистнул.

– Как думаешь, цепочка наркоторговцев? – спросила Митико. – Контрабанда виртуальных снов?

– Вполне может быть... Черт возьми, это может быть все, что угодно! Поздравляю, Митико. Не удивлюсь, если тебя повысят по службе.

Посмотрев на конверт с еще большим уважением, Дэн запоздало вытянул из кармана пару полиэтиленовых перчаток и напялил их, прежде чем браться за записку. Это было послание, напечатанное на обрывке тонюсенькой бумаги.

Дэн прочел вслух:

– «Придется поверить, что вы знаете, что делаете. Пожалуйста, свяжитесь с нами *лично*, как только сможете». – Он повертел записку на просвет. – Ни адреса, ни даты, ни имен, ни подписи. Ни-че-го. О-очень подозрительно.

Микико склонилась и сурово посмотрела Джину в глаза:

– Где ты встретил этих негодяев, малыш?

– Никакие они не негодяи. Просто... люди. Друзья одного друга.

– Куда ты нес эти деньги?

– Да я не знал, что там деньги!

Микико подняла бровь.

– Ты ему веришь? – спросила она напарника.

– Ага, – ответил Дэн. – Иначе малый удрал бы с денежками.

– Хороший аргумент.

– Не удрал бы! Даже если б знал!

– Джин, теперь тебе никто не будет угрожать, – мягко сказала Митико. – Теперь ты в безопасности.

– А мне никто и не угрожал! – Джин никогда в жизни не чувствовал себя таким незащищенным. И стоит ему распустить язык, как и Сьюз, и Ако, и Тенбери – все его друзья, тоже будут не в «безопасности». И Лаки, и крыски, и цыплята... И прекрасный Вихрь...

Сжав губы, насколько хватило сил, Джин вызывающе уставился на офицеров.

– Звони в Службу по делам молодежи, пусть забирают парня, – сказала Митико. – Улики, полагаю, надо передать в Полицию нравов.

– Угу, – согласился Дэн.

Рука в перчатке сунула Джинув драгоценный конверт, пачку наличности и записку в прозрачный полиэтиленовый пакет.

– Мои животные... – прошептал Джин.

Майлз-сан доверил ему такую простую работу, а он все провалил. Все, *все* провалил. Слезы потекли из-под сжатых век.

* * *

Со скрипом, хрустом и облачком пыли болт выскочил из бетонной плиты.
– Ну, наконец-то, – выдохнул Роик.

Глава пятая

Прежде чем отважиться на осторожную вылазку, Роик дождался, когда сумерки стугнутся, а эхо шагов в коридоре затихнет надолго. Дверной замок не устоял перед грубой силой, вернее, хлипкий косяк разлетелся в щепки, освободив замок вместе с ответной частью. Шума было многовато, но любопытных не появилось. Пригнувшись, чтобы не светиться в окнах, и лишь изредка позвякивая «украшением» в виде оков на лодыжке, Роик бесшумно ступал босыми ногами по доскам пола. Вскоре обнаружилось, что галерея, в которую он вышел, опоясывала прямоугольное здание с трех сторон. Оба конца ее вели к нисходящей лестнице. На этаже располагалось около дюжины номеров вроде его. Третьего этажа не было.

Еще одно здание, из окон которого тек бледно-золотистый свет, прилепилось на склоне холма справа. За ним, прикрытая деревьями, виднелась вроде бы парковка. Однако деталей было не разобрать – охранное освещение отсутствовало, площадку надежно укрыли и от Роика, и от любого пролетающего над головой флаера. Впрочем, сейчас темнота была ему на руку. Обойдя здание, Роик прокрался к дальнему концу. Третье здание, а скорее невысокий навес, притулилось в густом мраке, где начинались заросли ровно стриженного кустарника. Интересно, не пожар ли тут поработал, чтоб расчистить кустам место от так плотно растущих сосен...

Внезапно прямо над головой кто-то прошипел:

– Роик! Я здесь, наверху!

Сердце оруженосца чуть было остановилось от ужаса.

Запрокинув голову, он разглядел бледное пятно лица, торчащего над краем крыши. Волосы, заплетенные в длинную черную косу, свесились с плеча. За узнаванием пришло облегчение.

– Доктор Дюрона? Рейвен? Вас тоже захватили?

– Тс-с!.. Не шумите! Нас доставили сюда одним транспортом. Вас – без сознания. Поднимайтесь сюда, пока не вернулась охрана.

Две тонкие руки свесились вниз – видимо, Дюрона лежал на животе.

– Только осторожно, не оторвите мне руки.

Чиркнув ногой по стене и лишь тихонько крикнув от натуги, Роик взлетел на плоскую крышу. Едва слышно шаркая ногами, чтобы охрана внизу не услышала топота, оба кое-как спрятались за вентиляционной трубой.

Доктор Дюрона мог сойти на Кибо-Даини за местного – стройная фигура, умное лицо евразийского типа, высокая переносица, черные как смоль волосы до талии. Правда, стоило доктору открыть рот, и далеко не местный акцент выдавал его с головой. Роик только одного его и знал из всех делегатов конференции – и неплохо знал, хотя Майлз по какой-то необъяснимой причине приказал представителю эскобарской «Медицинской группы Дюрона» держаться поблизости, но не рядом. Рейвен понял указание, кивнул, не поведя и бровью, и с тех пор в точности следовал инструкции. Не мешая милорду, как впоследствии догадался Роик, отслеживать нужные цели.

Роик сел, скрестив ноги, эскобарский криохирург обхватил руками свои колени, и заговорщики придвинулись друг к другу.

Роик шепнул почти беззвучно:

– Охранников видел?

– Нет, но те, кто нас захватил, не дремлют. Они почти все время внизу, в столовой. Не шумят. Там у них комнаты отдыха. Иногда поднимаются сюда.

– Как ты выбрался из своего номера?

– Прооперировал замочек окна в ванной...

Такой побег возможен только для гибкого, как змея, Дюроны. Плечи Роика не пролезли бы в окошко.

– А цепи?

– Какие цепи? Тебя заковали, Роик? Надо же, особое отношение!

– А, ладно зубоскалить! Далеко ли отсюда до Нортбриджа? Дорогу заметил? И где мы, черт возьми, вообще?

– Думаю, в ста – ста пятидесяти километрах. Мне удалось разок выглянуть. Кругом, куда ни кинь, – лес. Похоже, дорог вообще нет, добраться можно только по воздуху. Видимо, здесь когда-то раньше была база отдыха, туристы приезжали на выходные. Потом буря разрушила плотину, и озеро ушло в реку. Судебные тяжбы помешали перестроить все по-быстрому, в результате турбаза закрыта уже пару лет. Насколько я понял, она принадлежит одному из наших похитителей. Должно быть, безумный план с заложниками родился у Организации Освобождения именно по этой причине.

– Какого черта им... Стоп! А лорда Форкосигана видел?

Ворон отрицательно покачал смоляной головой.

– По-моему, я видел, как его вязали там, в фойе... Когда меня схватили, ты швырял людей в гравишахту и орал, что им надо срочно удира́ть, готов поклясться, ты напугал кое-кого из делегатов конференции гораздо сильнее, чем террористы. Лорда Форкосигана я больше не видел. Тут, кроме нас, шесть других заложников. На ночь всех заперли. Похоже, ООН готовилась разместить здесь раза в три больше человек, однако не вышло. За это, полагаю, они на тебя сердиты.

– И сколько же здесь злодеев?

– Как по-баррайски сказано! Предположительно около дюжины. Всех вместе я ни разу не видел. Издевались они над нами посменно.

– Что-о?

– Да так, лекции читали. О суровых и славных целях Организации Освобождения Новой Надежды.

– А, такого добра и мне немного досталось.

– «Немного досталось»? Остальным пришлось терпеть «такое добро» часами. Нас приводили в столовую и промывали мозги... Разглагольствовали до хрипоты...

– Чего это меня не пригласили?

– За репутацию «баррайского варвара» – ух ты, попробуй сказать быстро шесть раз подряд! Тебя страшно спускать с цепи. Заковали, говоришь? Просто повезло, не попал на лекцию. Кажется, они пытались вызвать у нас «синдром заложников», но делали это весьма неумело. Старый добрый барон Риоваль слопал бы их с потрохами.

Роик только раз слышал, как клон-брат милорда, лорд Марк, цитировал покойного барона Риовалья. Что-то вроде: «А затем мы изучим интереснейшее явление: эффект фокусировки ужаса на *оставшийся* глаз». Роику не захотелось выяснять, удалось ли исследование. Роику захотелось отодвинуться подальше, хоть он и возвышался над лордом Марком на полметра. Зато Роик знал, что вся Группа Дюрона, все тридцать пять или около того клонов, обладающих невероятным медицинским даром, все были обязаны лорду Марку и лорду Форкосигану и спасением из джексо́нианского технорабства, и новой, свободной жизнью. Причина, по которой Ворон говорил со специфическим акцентом, присущим всем Дюрона, – джексо́нианское прошлое и долгие десять лет жизни на Эскобаре. Причиной, по которой барона Риовалья звали «покойный барон Риоваль», был лорд Марк. Причина, по которой Роик и Ворон сидели вместе на одной крыше... пока оставалась неясной.

Ну, Ворона, допустим, пригласили на конференцию, чтобы он проиллюстрировал методику вывода из криостаза после медицинской смерти от травм высокой степени тяжести. Милорд (да и Роик, поневоле) прослушал эту лекцию лишь три дня назад, после того как Ворон

намекнул при случайной встрече в гравишахте, что милорда может заинтересовать описание очень сложного случая с пациентом С., который погиб от разрыва гранаты игольника в области груди. Как пояснил Ворон, обращаясь к аудитории, то был один из ранних и наиболее памятных ему, тогда еще совсем юному ассистенту, случаев. Да-а... Милорда собирали по кусочкам. Роик закрыл глаза. Ну а кроме этого?

– Ладно. А *зачем* эти идиоты читали вам лекции?

– Думаю, пытались доказать свою правоту. Делали то же, что и организаторы конференции в последние дни, только с обратным знаком. Ну и питание несравненно хуже.

– Их что, правительство притесняет? Или местные СМИ не дают о них информацию?

– Ничего подобного. У них даже есть свой сайт в общепланетной сети, на котором каждый может узнать все, что хочешь, об их взглядах. Но, похоже, они никому особо-то и не интересны. Поэтому обратились к силовым методам привлечения внимания. Только вот не учли, что грабитель с пушкой внимание привлечет, а *продавец* с пушкой – нет. Сегодня утром мы были в ужасе, а обернулось все такой нудятиной! – Ворон потер переносицу. – Все это обещает продлиться несколько дней. Вот я и решил бежать. Похоже, неудачно.

– Ну, раз уж мы оба забрались сюда...

– Да, но вокруг лес на сотню километров. Стоит свернуть не туда, и расстояние только увеличится. Даже если чаща не кишит какими-нибудь зубастыми хищниками, было бы совершеннейшим безумием ринуться во тьму без снаряжения и даже обуви. А весь транспорт на парковке аккуратненько заперт. Я только что проверил.

– Эх, жаль.

Ворон задумчиво окинул Роика взглядом.

– Один я вряд ли смог бы подкараулить кого-нибудь, чтобы захватить потом открытый флаер. Но если продумать засаду вместе...

Роик безропотно перевел это в «...если бы *ты* на них напал, я подбадривал бы тебя криками»...

Ворон сдвинул брови:

– Только вот эта шайка редко куда выходит. Заперлись и сидят себе тише воды. Когда ты появился, я уже начал подумывать, а не вернуться ли к себе в номер, притвориться, что ничего не произошло, да и подождать более удобного случая.

– Не уверен, что у меня так получится, – ответил Роик, вспомнив разбитый дверной косяк своего номера. Он вытянул шею, всматриваясь в срез крыши третьего покрытого мраком строения. А вдруг во-он там действительно была раньше береговая линия? – А что там, в том здании?

– Понятия не имею. При мне туда никто не входил и не выходил.

– Я так прикинул, это ведь может быть лодочным домиком. Может, конечно, и мастерской – такому уединенному местечку наверняка требуется собственная мастерская. Но скорее всего, это лодочный домик.

Ворон глянул искоса на дно высохшего озера.

– Никогда не плавал на лодке. И сегодня не стоит начинать. А что касается инструментов... Как думаешь, удастся нам взломать флаер? Только вот потом все равно потребуется код разблокировки, чтоб запустить двигатель. Лом здесь не поможет. Если только садануть хозяина по голове?

– У милорда есть катера. Он держит их в одном местечке на озере в округе Форкосиганов, на Барраяре. Пара часов лету от столицы на флаере... – В голове у Роика закопошилась мыслишка. – Пойдем-ка взглянем, что там.

Ворон посмотрел на него непонимающе, но пожал плечами и согласился.

Они со всеми возможными предосторожностями сползли с крыши и на цыпочках спустились по дальней лестнице. Напрямик срезали под защиту тьмы в сени деревьев и обошли

здание. Когда беглецы добрались до той стороны постройки, что некогда выходила на озеро, Роик полностью прочувствовал все прелести мелкого крошева из веток и осколков камешков под босыми ступнями. Пришлось согласиться с Вороном: долго по лесу не погуляешь.

Потерпев неудачу у небьющегося оконного стекла, Роик взялся за дверь с висячим замком. Та поддавалась уже испробованному в номере приему с плечом. Ворон вздрогнул от хруста ломающегося дерева. Оба замерли в тишине, прислушиваясь, но голосов не раздалось. Бочком пробрались внутрь.

Внешняя дверь открывалась в офисное помещение. Вторая дверь, к счастью, ждала их незапертой. Роик распахнул ее. Перед ними открылось что-то напоминающее гараж. Темнота – хоть глаз выколи. Пахло... вроде как лодками. Дерево, масло, трюмная вода, засохшие водоросли. Трудно с чем-то спутать. Запах радости, словно капля законсервированного лета. Когда глаза привыкли к темноте, Роик разглядел полдюжины форм, напоминающих то ли каяки, то ли каноэ. Их корпуса свешивались с потолка. Пара более широких судов стояла на крепких опорах. У дальней стены комнаты пустовал верстак. Ворон направился было к нему, выставив руки вперед, опасаясь удариться головой о стропила или другие неразличимые в темноте предметы, но Роик шепотом позвал его обратно.

– Иди сюда. Помоги снять кожух с большой моторки.

– Роик, даже если мы вытащим ее за ворота, озера-то нет!

– Да и черт с ним! Меньше болтовни, помогай!

Лодка была метров пяти длиной и полдлины шириной. Гибкий пластиковый кожух защищал открытый кок. Снять крепления оказалось непросто. Роик стянул кожух и забрался внутрь. Ворон не без любопытства последовал за ним.

Нашарив панель управления под ветровиком, Роик затаил дыхание и открыл... Да! Это оказалась она, крышка видеозащита. Только бы у комм-офиса оказалось свое питание, как и должно быть... Наконец пальцы Роика нашарили и щелкнули тумблером. Изумрудные и янтарные огоньки разогнали темноту по углам.

– Ух ты! – искренне восхитился Ворон. Восхищение? Что-то новенькое. Роик побаивался Дюрона. Всех Дюрона. – Ты заранее знал, что нас здесь ждет?

– Догадывался. Если здесь можно взять катер напрокат, то наверняка на катере есть средства спасения. Комм-линка – стандартное оборудование для катера такого типа, равно как эхолот, навигационное снаряжение и так далее.

Найти канал для экстренной связи было несложно. Через несколько минут Роик уже говорил с полицией Нортбриджа. За годы службы он научился быстро и четко объясняться с властями, а навигационное оборудование катера давало точный ориентир для поиска. Он кратко изложил приключения – свои и Ворона – слегка изумленному, но очень обрадованному следователю нортбриджской полиции. Он-то и отвечал за расследование шумного, как догадался Роик по его тону, дела о похищении. Однако Роика весьма беспокоило то, что лорда Форко-сигана никто пока не обнаружил. Как только нортбриджская полиция вылетела на помощь, Роик выключил связь и расслабленно откинулся.

– А что теперь? – спросил Ворон.

– А теперь ждем.

– Спасателей? А не стоит ли нам подумать о других заложниках?

– Лучше залечь и не высовываться. Зачем поднимать шум самим, если нас еще некоторое время не хватятся? Пусть теперь парни с Кибо займутся своим делом. Надеюсь, они сначала найдут к нам.

Роику вспомнились назидательные предупреждения милорда по поводу ответственности местных – вопрос, к которому сам милорд не очень-то серьезно относился.

Кстати, о местных... Роик наклонился вперед и нашел номер баррарярского консульства в Нортбридже. К несчастью, в общем доступе был только телефон для общего доступа, а не

безопасный канал экстренной связи, установленный на его наручном комме. Комм похитители выбросили, скорее всего, еще в городе по вполне понятной причине – боялись, что их выследят. Вежливый голос на автоответчике попросил его перезвонить в приемные часы или оставить сообщение. Фоном звучала запись популярного на Барраяре военного марша, отозвавшегося в душе Роика приступом тоски по родине. Он успел кратко пересказать половину своих приключений, когда, к его облегчению, на том конце раздался живой человеческий голос.

Роик тут же узнал лейтенанта Йоханнеса, молодого водителя, который вместе с самим консулом Форлинкином (потому как милорд все-таки был милордом) встретил их в космопорту неделю назад и отвез в отель, где и проходила конференция. Йоханнес был на все руки мастер – и военный атташе, и что-то вроде особиста, и, насколько Роик понял, повар, садовник и ординарец консула. В Йоханнесе Роик почувствовал коллегу.

– Сержант Роик! – Йоханнес говорил отрывисто и обеспокоенно. – Где вы? С вами все в порядке?

Роик принялся рассказывать сначала. На середине рассказа к лицу Йоханнеса на экране комм добавилось напряженное лицо консула Форлинкина.

– Если вы свяжетесь с нортбриджской полицией со своей стороны, то очень скоро будете знать все, что знаем мы, – закончил Роик.

– Лорд-Аудитор Форкосиган не с вами, я правильно понял? – спросил Форлинкин.

– Мы его здесь не видели. А в городе он не объявлялся?

Продолжительное молчание.

– Мы не уверены.

Как это прикажете понимать?

– Когда освободитесь, вам немедленно надлежит прибыть в консульство, – продолжил Форлинкин. – Следует ли мне отрядить Йоханнеса для связи с полицией?

Роик почесал затылок.

– Раз уж милорда здесь нет, то нечего так уж паниковать из-за нас. Я вернусь в город вместе со всеми.

– А как же я? – спросил Ворон то ли с негодованием, то ли с изумлением.

– Это еще кто? – сурово осведомился Форлинкин.

– Доктор Дюрона, наш знакомый с Эскобара. Один из делегатов, – доложил Роик.

Ворон тут же наклонился вперед, к зоне действия сенсора комм, и дружелюбно улыбнулся. В ответ Форлинкин нахмурился.

– Милорд наверняка захочет, чтобы доктор был... – «в безопасности» прозвучало бы как-то преждевременно – ...со мной, – объяснил Роик.

Форлинкин проговорил, словно ни к кому и не обращаясь:

– Если бы мы знали, чего еще от вас ожидать, мы могли бы качественнее оказывать вам поддержку.

Легкая горечь в голосе консула была Роику как мана небесная. Форлинкин прозвучал так, будто совсем недавно действительно сталкивался с милордом, о чем сейчас страшился рассказывать по незащищенному от прослушивания каналу.

– Так точно, сэр, – ответил Роик успокаивающим голосом.

И отключил комм.

– А что теперь? – опять спросил Ворон. – Просто сидеть вот так и ждать воя сирен?

– Лучше б обошлось без сирен, – ответил Роик. – Лучше б они высадились и сначала освободили заложников, а уж потом – шумели.

Он, во всяком случае, предложил бы такой план.

После долгого молчания Ворон проговорил:

– Не похоже, что они собирались нас убить. По-моему, просто хотели переманить на свою сторону.

– От страха людям всякое кажется.

Ворон вздохнул:

– Можно ведь и не быть таким занудой, Роик.

Придвинувшись ближе к индикаторам панели, словно к крошечному костру во тьме, они ждали.

* * *

Майлз погромел тяжелыми, кованого чугуна воротами консульства. Те оказались заперты. Он устало посмотрел поверх ограды. В глубине изящного садика притулился невзрачного вида домишко, не идущий ни в какое сравнение с величественными особняками по соседству. Что ж, по крайней мере, выглядит ухоженным. Наверное, в прошлом это был домик для слуг. Кибо-Даини никогда не рассматривалась стратегически важной для Империи планетой, чтобы впустую тратить на посольство. Планетная система находилась в нуль-тупике на окраинах Эскобара, весьма далеко от сферы интересов Барраяра. Консульство существовало в основном для того, чтобы облегчить проведение торговых операций Барраяра или скорее даже Комарры через местные законодательные препоны. А еще чтобы вспомоществовать субъектам Империи, случись тем вляпаться в неприятности на Кибо. Ну, или чтобы проверять на благонадежность да готовить к «правильному» восприятию еще более редких путешественников с Кибо, собирающихся посетить Империю. Прибытие Майлза стало, пожалуй, самым знаменательным событием в консульстве за много-много лет.

Ничего, скоро события посыплются здесь как из рога изобилия.

Утренний бодрящий и влажный воздух пробирал насквозь, ноги сводило судорогой, спина раскалывалась. С тяжелым вздохом Майлз неумело перелез через ворота, поднял трость, проковылял по короткой дорожке и налег на звонок.

Над входом и в холле зажглись огни, за стеклом появилось лицо, приотворилась щелочка двери. Незнакомый Майлзу юноша проговорил с местным акцентом:

– Сэр, вам придется дожидаться часов посещения. Мы откроемся примерно через два...

Майлз вонзил трость в щель, поддел дверь, словно рычагом, расширил проход, сунул в дверь голову и, наконец, проплыл в холл.

– Сэр!...

От яростного взрыва аудиторского гнева «мелкую сошку» спас консул Форлинкин, появившийся в анфиладе на другом конце холла со словами:

– В чем дело, Юуити?.. О боже, лорд Форкосиган!

Продемонстрировав мгновенную реакцию самосохранения, Юуити отступил с линии огня.

Форлинкин, высокий и сухопарый, был одет лишь в брюки, рубашку и тапки. Глаза консула, изможденные от усталости, смотрели поверх кружки, от которой шел нежный аромат зеленого чая. Запах так подействовал на Майлза, что тот чуть было не отбросил столь хорошо отрепетированное начало речи; однако слишком долго он репетировал, чтоб просто забыть.

– Форлинкин, куда, черт побери, вы упекли моего курьера?

Форлинкин мгновенно вытянулся во фрунт, бессознательно выдавая военное прошлое. В голубых глазах отразилось сдержанное облегчение.

– Мы все объясним, милорд!

– Так, значит, Джин был здесь?

– Э-э... да, сэр.

Получается, проблемы возникли у мальчика на обратном пути. Плохо дело... Майлз беспокойно прождал до полуночи, потом попросил Ако позаботиться о зверье и взял дело в

свои руки. Вернее, ноги. За часы, что потребовались на долгий путь сюда, настроение Майлза ничуть не улучшилось. А тут еще и дождь!..

У консула даже брови просели, когда он разглядел Майлза и его одежду, ничем не напоминающую тщательно продуманный наряд а-ля «серый кардинал», в котором Лорд-Аудитор появился здесь на прошлой неделе. Консул смутился, хотя драная, заляпанная одежонка, двухдневная щетина, некоторое амбре, витавшее вокруг милорда, и вызывающая обувь не были тому основной причиной. Острым глазом, столь ценным на дипломатической службе, Форлинкин заметил, как Майлз пожирает глазами дымящуюся в его руке чашку, и примиряюще добавил:

– Не желаете ли пройти на кухню и присесть, милорд Аудитор? Мы как раз завтракали.

– Чай? Не откажусь!

Майлз облегченно вздохнул: он готов был вырвать кружку из рук консула. *Еще как не откажусь.*

Форлинкин повел его через заднюю анфиладу, расспрашивая по дороге:

– Как вы сюда добрались?

– Пешком. С полуночи прошел тридцать с лишним километров, шел окольными путями, дважды прятался – не хотелось общаться с патрульными полицейскими и объяснять, что со мной случилось. Нечего и говорить, первоначально такое турне в мои планы не входило.

Кухонька была небольшой и уютной. Круглый обеденный стол втиснулся в эркер, за которым виднелся сад, обнесенный стеной. Оконные стекла все еще отражали ярко освещенную мебель комнаты, но влажная чернота ночи за ними потихоньку приобретала синеватый оттенок. Светловолосый парень, атташе Йоханнес, повернулся от микроволновки и чуть было не уронил только что разогретый холостяцкий завтрак быстрого приготовления. По едва уловимому жесту своего шефа он кинулся за стулом для весьма важного, хотя и весьма взъерошенного посетителя. Майлз обессиленно опустился на стул, стараясь не позволять благодарности взять верх над недовольством, потому как лишь последнее держало его на ногах.

– Что прикажете подать, милорд? – спросил лейтенант заботливо.

– Чай. А еще душ, сухую одежду, еду, сон, комм с безопасным каналом. Хотя можно обойтись и одним коммом, но начнем все равно с чая. – А не то он сейчас как положит голову на руки, да как начнет со сна. Прямо здесь. – Вы передали мое послание на Барраяр? А моей жене? Надеюсь, зашифровали его?

– Мы известили министра безопасности по межгалактическим отношениям на Комарре, что получили от вас известия и что вы не в руках похитителей.

– Что ж, уже неплохо. Я незамедлительно вышлю им свежие новости сам. – Майлз надеялся, что любое беспечно переданное его жене известие будет перехвачено СБ. Или же ему придется подлизываться по возвращении домой. – А пока хотелось бы узнать, что новенького случилось за сутки. Что говорят о заложниках с конференции по крионике? Есть ли новости об оруженосце Роике?

Форлинкин скользнул на стул с противоположной стороны стола.

– А вот тут хорошие новости, сэр. Вашему оруженосцу удалось бежать от похитителей, как-то добраться до комм и связаться с нортбриджскими властями. Полицейская спасательная команда недавно добралась до них, мы тут ночь не спим, следим за событиями. Похоже, все заложники освобождены и живы. Не могу сказать, скоро ли он сюда прибудет. Говорит, придется остаться, чтобы дать показания.

– Ясно. Роик относится ко всем этим полицейским штучкам с куда большим пиететом, чем я. – Майлз сделал первый глоток чая. Какое блаженство! – Стойте-ка... А мальчик? И вы... Кто вы такой? – Майлз уставился на Юуити, пытавшегося не привлекать внимания вместе с Йоханнесом в дальнем углу кухни.

– Это наш писарь, Юуити Мэтсон, – ответил за него Форлинкин. – Наш самый ценный сотрудник. Работает здесь уже пять лет.

Писарь вернул своему боссу благодарный взгляд и отвесил Майлзу вежливый поклон.

Вернее было бы сказать, *наш единственный сотрудник*. А поскольку Форлинкин провел здесь два года, Йоханнес прибыл лишь в прошлом году, Мэтсон получался также старейшим по сроку службы, если не сказать по возрасту.

Кому верить будем, милорд Аудитор?

В подобной ситуации никому, кроме Роика, решил Майлз. Однако неуместная паранойя сейчас могла сослужить ничуть не лучшую службу, чем неуместное доверие. *Поэтому осторожно, но не тормози.*

– Так что произошло с Джином?

– Мы отправили его обратно к вам, точно как вы и распорядились, милорд. Однако поместили конверт импульсным микропередатчиком.

Майлз, правда, написал: «Не следите за ним», но придирайтесь к мелочам было как-то не своевременно. В конце концов, результаты важнее.

– К вечеру мы обнаружили, что конверт предположительно находится в камере хранения вещдоков Центрального полицейского участка Нортбриджа. Во всяком случае, в их здании. Ваш мальчуган, Джин, попал в руки полиции, а затем был передан в детский приемник-распределитель, где и провел всю ночь. С такими данными на руках лейтенант Йоханнес сверился с хроникой задержаний за ночь и методом исключения вычислил, что полное имя мальчика – Джин Сато, он сбежал из дома и вот уже больше года в розыске!

– Вот как? – осведомился Майлз. – Все это мне известно.

Сдержанно-дипломатический тон Форлинкина становился все более натянутым.

– За каким чертом – простите, сэр! – вам понадобилось втягивать в свои дела, или чем вы там занимались, *ребенка?*

– Ему уже одиннадцать, – ответил Майлз.

– Одиннадцать! Тем хуже!

– Когда моему отцу было одиннадцать, – успокоил его Майлз, – он служил адъютантом у моего деда-генерала во время полномасштабной гражданской войны. К тринадцати годам он принял участие в свержении императора. Я и предположить не мог, что простая прогулка среди бела дня по родному городу, да еще и на такой тихой планете, как эта, окажется Джину не по зубам.

Тем не менее пришлось признать свою ошибку. Майлз поморщился, сообразив, что не принял во внимание Джинов статус беглеца в городе, где все и все под контролем и просматривается. Даже когда продумывал собственный маршрут, он не придал этому значения. Паренек сейчас, наверное, с ума сходит, переживая о своем зверинце, а это – наименьшая из проблем.

– Что ж, моя ошибка, мне и исправлять. Я своих людей не бросаю – если могу помочь. Придется его вызволять.

У Форлинкина отвалилась челюсть:

– Он же несовершеннолетний! Как? У нас нет на него никаких прав!

– А еще мы отдали ему всю мелкую наличность, – вставил Йоханнес. – Я бы за ней и сам сходил, но как нам доказать, что деньги – наши?

Он хмуро глянул на Майлза, подразумевая, что виной всему – точное исполнение плана Лорда-Аудитора.

Ну, для доказательства сгодится радиомаячок, подумал было Майлз, но прежде, чем он озвучил эту мысль, вмешался Форлинкин:

– Если ваш малолетний курьер заговорит, то нортбриджская полиция и сама будет нам названивать. И задавать ох какие непростые вопросы.

Майлз безрадостно помолчал.

– Пока не звонили?

– Нет. Пока нет.

И если не позвонят, это будет значить, что Джин не раскололся, причем в обстоятельствах, для него весьма пугающих.

– Гм... Интересно.

– Милорд, где вы его вообще подобрали? – спросил Форлинкин.

– Вообще-то, это он меня нашел. Можно сказать, на улице.

Майлз быстренько подредактировал свою историю. Он ведь дал Сьюз хоть и не озвученное, но все же достаточно ясное обещание, что не раскроет ее местонахождения в обмен на информацию. И она выполнила свою часть сделки, хотя Майлзу пока было неясно, какой от этой информации толк.

– Вы ведь прочитали мою записку?

Форлинкин кивнул.

– Как я уже рассказывал, препарат, который мне дали похитители, подействовал не как успокоительное, а вызвал сильные навязчивые галлюцинации. Все кончилось тем, что я заблудился в Криосотах. – О продолжительности блуждания по подземелью пока можно умолчать. Ситуация позволяла утаить выпавший из повествования день, который он провел с Джином и компанией. – Когда я пришел в себя и выбрался на поверхность, то все еще опасался вновь попасть в руки похитителей и был слишком измотан, чтобы двигаться дальше. Джин, добрая душа, помог мне, и я – его должник.

Форлинкин внимательно посмотрел на Майлза:

– Вы хотите сказать, что были, гм... не в здравом уме?

– Вообще-то, потянет на очень хорошее объяснение, если нам таковое потребуется. У нас в консульстве служит какой-нибудь местный адвокат?

– Да, на договорной основе.

Стандартная практика. *Доверяете ли вы ему (или ей?) свои тайны?* Вот вопрос, который Майлз хотел бы задать, но пока не был готов озвучить.

– Отлично. Тогда побыстрее найдите этого адвоката и выясните: что можно сделать, чтобы вызволить Джина.

Он протянул кружку: еще чаю. Писарь Юуити вежливо ее наполнил. Рука Майлза дрожала от усталости, но ему удалось донести чай до губ, не расплескав.

– Душ может заменить три часа сна. Сначала душ, а потом будьте любезны предоставить мне комм.

– Не следует ли вам отдохнуть, милорд? – обеспокоился Форлинкин.

Майлз заглушил в себе желание заорать: «Не спорьте со мной!», что само по себе явно свидетельствовало о чертовски своевременно назревшей необходимости отдохнуть. Но сначала – еще несколько важных вопросов, требующих ответов.

– Позже, – ответил он и смягчил тон: – Скоро.

Подумав, неохотно добавил:

– Лучше, пожалуй, нам поставить нортбриджскую полицию в известность о том, что я сбежал от похитителей, потерялся в Криосотах и сам вернулся в консульство – я не хочу, чтоб они разбазаривали ресурсы на мои поиски. Можно сказать им, что я не ранен, но очень утомлен и отдыхаю. Если им необходимо снять показания, могут прислать человека завтра. Не упоминайте Джина, если они сами не спросят. Если еще кто-нибудь будет спрашивать, доложите мне.

Эта тирада вызвала второй пристальный взгляд Форлинкина.

Йоханнес отвел Майлза наверх, в жилое помещение. Похоже, оба баррарьских холостяка сэкономили на квартплате и проживали на территории консульства. А еще достоинства персонала консульства невероятно выросли в глазах Майлза, когда тот получил свои вещи и одежду – все было доставлено вместе с вещами Роика из комнаты в отеле после похищения. В глазах

Йоханнеса отразилось должное почтение, когда тот передал Майлзу персональное коммуникационное оборудование Имперского Аудитора – лучшие разработки Службы безопасности. Личные вещи, которые похитители отобрали у Майлза, полиция нашла где-то в городской подворотне; они все еще были в управлении в качестве улики – все, кроме Аудиторской печати, которую Форлинкину удалось выманить у властей, как догадался Майлз, при помощи бурного дипломатического убеждения.

Полчаса спустя, помывшись, побрившись и переодевшись в чистое, Майлз проследовал за Йоханнесом в маленькую комнатку – узел связи в подвальном помещении консульства – и устроился перед надежно защищенным от прослушивания комм-пультом. Потянувшись всем телом, аж до кончиков пальцев, Майлз ввел первый запрос в строку поиска: «Лиза Сато».

– А кто это? – поинтересовался Йоханнес, нависая над плечом.

– Мать Джина Сато.

– Важная птица?

– Кто-то именно так и считал, лейтенант. Кто-то определенно был в этом уверен.

Видеоэкран замигал, и Майлз склонился над потоками информации.

Глава шестая

После короткого разговора с милордом по комму в полицейском управлении Нортбриджа, куда привезли всех освобожденных заложников, Роик отделался от самого страшного из своих кошмаров. В нем Роик терял мелкого уро... в смысле, милорда. Зато не успели развеяться одни сомнения, как на их месте тут же объявилась куча других. Чего это милорд так настаивает, чтоб Роик привел с собой Дюрона?

– Вообще-то, я собирался вернуться в отель и забрать вещи, – вмешался Ворон, наклоняясь над датчиком вида.

– Сначала нам нужно увидеться, – ответил милорд.

– Я опоздаю на скачковый корабль.

– Они отправляются ежедневно. Да и вообще, не торопитесь с отлетом.

Черные брови Ворона взлетели:

– Мое время – деньги.

– Постараюсь не забыть об этом, – сухо заметил милорд.

Ворон лишь пожал плечами, решив не ссориться, и последовал за Роиком. Оба неуклюже шаркали бумажными тапками, выданными в полиции, пока не объявится их собственная обувь.

Было изрядно за полдень, когда полиция высадила Роика и его изумленного спутника у консульства. Простой четырехугольник здания выглядел недолжным образом скромно, во всяком случае для Роика; однако тот понимал, что поддержание престижа Империи на таком расстоянии от дома – занятие весьма дорогостоящее. Зато здесь можно принять душ и придушить подушку – два самых больших желания Роика с тех самых пор, как полиция накормила заложников. Вернее, выдала им столько батончиков сухпайка, сколько освобожденные пожела-ли. Богатые протеином и витаминами, батончики на вкус здорово смахивали на покрытую шоколадом шпатлевку с наполнителем для кошачьего туалета. Кошмар – он и на другой планете кошмар.

Роик подавил желание первым делом отправиться на помывку и проследовал за лейтенантом Йоханнесом прямоиком к милорду, уже раскинувшему паучьи сети в узле связи консульства. В большинстве посольств на других планетах, где бывал Роик, следуя за милордом, узел связи представлял перед ним центром нервной системы посольства, центром тайных и срочных операций. Здесь же помещение выглядело заброшенным подвальным уголком для какого-то хобби – странноватого, надо сказать, хобби, – упакованным по последнему слову высоких технологий. Милорд повернулся в кресле, жестом велел Роику с Вороном сесть и отделался от Йоханнеса, сказав: «Благодарю вас, лейтенант». Было видно, что тому ну очень хочется остаться и послушать. Йоханнес кивнул и покорно удалился, закрыв дверь с сочным приглушенным звуком, свидетельствующим об отличной шумоизоляции. Комната без окон навеяла Роику мысли о подвале серийного убийцы, однако он обрадовался, что наконец-то можно поговорить, не опасаясь подслушивания.

– Как самочувствие? – Вопрос был задан из вежливости. Милорд даже не обратил внимания на кивок Ворона и ворчание Роика, продолжив: – Рассказывайте все, что с вами произошло. Все, включая детали.

Милорд слушал, и брови его ползли вверх, вслед за сюжетом сказания о похищении и спасении. В конце рассказа он наградил повествователей простым «Гм-м...» и добавил отдельно для Ворона:

– Рад, что вы спаслись. Не хотелось бы мне принести вашим собратьям-клонам – или моему – дурную весть. Хотя я-то думал, что Группа Дюрона пришлет сюда вашу сестру Рябину.

– Нет, она сейчас очень занята. Межпланетные поездки, знаете ли, – ответил Ворон, – Рябина возглавляет наш отдел крионики, а это более пяти сотен сотрудников на лечебной

службе, исследовательской и административной. К тому же у них с этим эскобарским мед-техником, за которого она вышла замуж, со дня на день должен появиться второй ребенок в репликаторе.

– Не клонированный?

– Нет, все сделали по старинке: яйцеклетка и сперматозоид в пробирке. Не стали вносить даже никаких генетических модификаций. Кроме, конечно же, обычной проверки на отклонения.

– Естественно, – пробормотал милорд, не продолжая тему. – Я так рад, что старушка Лили Дюрона станет теперь настоящей бабушкой, ну, или тетей – это как посмотреть. Надеюсь, для своего возраста она в добром здравии?

– Еще в каком!

– Интересно...

Ворон рассеянно покрутил свою разлохмаченную косу на плече и продолжил:

– Став главой отдела, Рябина говорит, скучает по хирургии, по работе руками. У нее теперь не больше двух выводов из криостаза в неделю. А у меня – от двух до шести в день, в зависимости от осложнений. Хотя ничего подобного по сложности вашему случаю не встречается – над вами работали и Рябина, и я, и две бригады медтехников. Восемнадцать часов без перерыва...

– Вы прекрасно справились.

– Спасибо.

Ворон кивнул, как показалось Роику, с тщеславным удовлетворением.

– Когда увидите Рябину, передайте мои наилучшие пожелания.

– Хорошо. Она тоже просила кланяться.

В ответ взгляд с хитрецей, кивок.

– Я так понимаю, – вклинился Роик, – что доктор Дюрона не случайно попал на конференцию.

– Совершенно не случайно. Я попросил Группу Дюрона оказать мне помощь в независимой технической экспертизе на криоконференции, ну и во всем, что может подвернуться.

– Вообще-то, Группа получила приглашение на конференцию и проведение презентации задолго до вашей просьбы, лорд Форкосиган. Мы собирались направить сюда одного из наших местных сотрудников – нас и самих интересует положение дел на этой планете.

– Ну и как? Нашли что-нибудь примечательное? В техническом смысле?

Милорд откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и задумчиво посмотрел на Ворона.

– Ничего интересного для нас с точки зрения методологии. Хотя я заметил, что они, похоже, больше внимания уделяют заморозке, чем обратному процессу.

– Да, криокорпорации просто-напросто играют в игру «кто больше заморозит», втягивая максимум клиентов. Такое положение дел позволяет им проводить голосование по доверенности.

– Судя по тому, как обстоят дела, они в этой игре побеждают.

Милорд кивнул:

– На конференции об этом почти не упоминалось, однако вне ее рамок – тема весьма обсуждаемая. На улице, повсюду.

– Ох и наслушался я жалоб от Организации Освобождения! – вставил Ворон.

– А толку-то? – возразил Роик. – Дурачье, подобное нашим похитителям, – худшая реклама Организации.

– А вам не кажется, что обсуждение идет достаточно вольно для подобного рода вопросов? С шумом?

– Согласен, – заметил Ворон, – правда, не с таким шумом, как политический процесс на Эскобаре.

– С большим шумом, чем на Барраяре, – сравнил Роик.

– С гораздо большим шумом, чем на Архипелаге Джексона, – заверил Ворон с кривой усмешкой.

– Здесь дело не в политике. Здесь хищники охотятся на жертв, – пробормотал милорд. Затем продолжил: – Ну что ж, благодаря ООН я провел два дня с пользой. А теперь, когда вы оба вернулись живыми, могу позволить себе поблагодарить их.

– Есть новые ответы на вопросы? – осведомился Роик, с умным видом подняв брови.

– Гораздо лучше! Целая охапка новых вопросов.

И милорд незамедлительно дополнил рассказ Роика своим повествованием, от которого волосы становились дыбом. Повествованием об ужасных, бескрайних подземельях Криосот под городом; о том, как он натолкнулся на подпольное криохранилище, управляемое просто людьми с улицы. Ворона рассказ о подпольной крионике не впечатлил – он ведь джексоанин. Насколько знал Роик, все на Архипелаге Джексона делалось противозаконно. Точнее сказать, в обстановке беззакония.

– Обреченное и незащищенное предприятие, – сообщил Ворон свое мнение по поводу работы госпожи Сьюз. – Просто поразительно, что ей удавалось скрывать все это так долго.

– Э-э... Не согласен. Все это, конечно, противозаконно, но криокорпорации от такого «конкурента» на дно не пойдут. В конце концов, здесь все плывут на одном корабле. – Милорд потер подбородок и прищурил покрасневшие и подозрительно ярко поблескивающие глаза. – И вот тут-то появляется Лиза Сато со своей группой.

– Замороженная мамочка вашего «животноводства»?

– Угу. Вот смотрите: ООН позволяет безобразничать, на работу Сьюз смотрят сквозь пальцы. А вот группу Сато – здравомыслящую и законопослушную организацию – раскалывают, что обходится недешево и нелегко. При всем этом шуме и гаме со всех сторон один голос заглушают. – Милорд жестом указал на выключенный комм-пульт. – Я провел в поисках информации всего лишь несколько часов...

Как для бывшего работника Имперской Службы безопасности «поиски информации» были для милорда пищей насущной, подумал про себя Роик.

– ...и этого хватило, чтобы заметить: странностей в этом деле – хоть отбавляй. Лиза Сато – не единственная в своей группе, кто плохо кончил. Двоих заморозили после якобы неудачного лечения, причем диагноз был вовсе не смертельный. Еще один погиб при аварии, другой вроде бы совершил самоубийство – то ли упал, то ли выбросился из окна. Даже в то время эти истории много у кого вызвали удивление и много кого обидели. Потом новости о расследовании потонули в лавине новостей о заурядных секс-скандалах. О чем это вам говорит?

– Лиза Сато и ее группа собирались пустить кого-то на дно, – медленно проговорил Роик. Ворон согласно кивнул.

– Но как?

– Примечательно, что об этом информации нет. Даже в относительно закрытых источниках – тишина. Кто-то очень здорово почистил хвосты, хотя им и не удалось скрыть все полностью. И теперь такая проблема возглавляет мой список важнейших вопросов: что конкретно почистили в печати полтора года назад?

Роик нахмурился:

– Все это, конечно, впечатляет, милорд. Но какое отношение имеет к интересам Барраяра?

Милорд откашлялся.

– Пока рано об этом говорить, – сухо ответил он.

Роик мрачно перевел про себя: «Зачем нам это надо – я еще не придумал, но дайте время...» Или милорд решил подонкиотствовать из-за маленького сиротки? Во время одной из их нечастых личных бесед император Грегор и сам предупреждал Роика о склонности

милорда к дорогостоящему рыцарству. Император при этом тяжело вздохнул, и Роик так и не понял, требуется сдерживать милорда в такие моменты или нет.

Дверь с шипением отворилась, и консул Форлинкин просунул голову внутрь:

– Я получил известия от адвоката, лорд Форкосиган.

– А, хорошо! – Милорд махнул консулу рукой, приглашая того войти. Сам он привстал, выказывая волнение. – Ну и каково мнение адвоката по поводу Джина?

– Как я и предполагал, законным образом ничего сделать невозможно. Будь он сиротой совсем без родственников, можно было бы подать заявление на опекунство. На это ушли бы месяцы, и почти наверняка нортбриджские суды решили бы дело не в нашу пользу, особенно если речь о том, чтобы забрать мальчика на другую планету.

– Я и не спрашивал об усыновлении, Форлинкин. Просто хочу вытащить его из полиции.

– В любом случае, лорд Аудитор, в этом теперь нет смысла: полиция уже вернула ребенка близким родственникам – тете, которая и является его законным опекуном.

– Проклятье! – Милорд плюхнулся в кресло. – Проклятье... Надеюсь, Ако будет лучше присматривать за зверьем, чем это делал я.

– Ну не похищать же нам его, – с легкой улыбкой проговорил Форлинкин.

Милорд пригвоздил консула взглядом. Передумав шутить подобным образом, Форлинкин откашлялся и напустил на себя невозмутимый вид. Роик подумал, не стоит ли отвести его попозже в сторонку и предупредить, чтоб тот не говорил подобных вещей при милорде. И не только потому, что милорд может обидеться.

Роик потер красные от недосыпания веки.

– Может, пора отдохнуть, милорд? Прилечь? – спросил он не без корыстного интереса. Милорд уже принял душ и переоделся, однако у него был вид человека, не спавшего всю ночь – как, впрочем, и у всех остальных. А нездоровый блеск глаз выдавал его с головой. – Вы проверили уровень активности нейромедиаторов, когда вернулись, сэр?

Если уровень поднимается, это верный (и ранний) признак надвигающегося припадка, а также указание к применению противосудорожного стимулятора, чтобы припадок прошел управляемо, в безопасном месте, где можно помочь.

Милорд пробормотал что-то невнятное, обращаясь, видимо, к своей обуви.

– Ясно, – твердым голосом ответил Роик.

Милорд вздохнул и потер шею.

– Да, да...

– Может, я вернусь в отель? – с надеждой в голосе спросил Ворон.

– Хорошо, только оставайтесь на связи. А лучше сделаем так: Форлинкин, выдайте доктору Дюрона комм прямой связи. Возьмите его с собой, доктор.

Брови Форлинкина полезли вверх, но в ответ он сказал лишь:

– Да, милорд.

– Как же мне не хватает информации! – рычал милорд, не обращаясь ни к кому конкретно. Вдруг он, прицениваясь, посмотрел на консула: – Так, Форлинкин. Если позвонят из «Белой Хризантемы» или других организаций, с кем мы недавно контактировали, скажите, что я крайне расстроен произошедшим на конференции и похищением моего оруженосца. Скажите им, что я по-настоящему взбешен и как только поправлюсь – ноги моей здесь не будет. А дома предоставлю всем заинтересованным лицам негативный доклад по конференции. Всем, начиная с императора Грегора.

– Э-э... А это действительно так?

Форлинкин выглядел смущенным.

В ответной ухмылке милорда не читалось ничего хорошего.

– Надо проверить, на многое ли они готовы пойти, чтобы вернуться за стол переговоров. Намекните, что проявите максимум дипломатических талантов, чтобы меня успокоить, пре-

дупредите, что в результате вы не уверены. Если предложат вознаграждение за эту работу – согласитесь принять.

– Вы... желаете, чтобы я принял взятку, сэр?

Форлинкин поджал губы в неподдельной обиде. На лице читалась понятная тревога.

– Ну, во всяком случае, прикиньтесь, что готовы подумать, хорошо? Мы сразу увидим, кто чего желает. И насколько сильно желает. Если они не станут нажимать, мне придется продумывать другой ход; но если вы окажетесь неплохим рыбаком, то сможете выудить их для меня.

– Я... гм... постараюсь приложить все усилия.

Форлинкин не то чтобы смотрел на милорда, словно на чудовище, у которого вдруг выросла вторая голова, но Роик отчетливо видел: консул из кожи вон лезет, чтобы не отставать за ходом мыслей. «Добро пожаловать в *мой мир*».

На этом инструктаж закончился.

В консульстве наверху было две гостевые спальни. Использовались они не часто и потихоньку превращались в склад всякой всячины. Одну из них поспешно освободили для Лорда-Аудитора. Роик сдернул покрывало с кровати и принялся рыться в багаже милорда в поисках противосудорожного стимулятора. Милорд разделся до белья, сел на кровати и с отвращением уставился на медицинский прибор.

– Вот ведь гадость никчемная...

– Так точно, милорд. Скажите, могу я доверять сотрудникам посольства или не стоит?

– Пока не могу сказать с уверенностью. У меня уже был неприятный опыт общения с персоналом посольств, и даже с подкупленным курьером имперской Службы безопасности.

– Я это к тому спрашиваю, что если вам понадобится поддержка, то пора начинать вводить их в курс дела. Я, например, заметил, что лейтенант Йоханнес весьма сконфузился, когда вы закрыли перед ним дверь.

– Это такой приемчик Лорда-Аудитора. Ведь мог же я раньше, черт возьми, заставить любого разговориться со мной. В свободную минуту попробуй сам оценить, на что они годны, хорошо? Не сомневаюсь, что им захочется пооткровенничать скорее с тобой, чем со мной, – у тебя простое, честное лицо, и вообще...

– Так точно, милорд.

– Теперь я знаю, что кто-то здесь подкупает людей. Вопрос только в том, подкуплены уже сотрудники консульства или, пока я здесь не объявился, никому не виделось необходимости прибрать его к рукам? Хорошо хоть, у обоих баррарцев нет семей на этой планете – не надо волноваться о том, что их могли шантажировать.

Милорд нахмурился, лег и выровнял стимулятор на голове. Роик протянул ему капю, Майлз сжал ее зубами, вздохнул, зажмурился, словно приготовился проглотить гадкое лекарство, и включил стимулятор.

Роик засек время – припадок длился долго, а значит, милорд дотянул до последнего, вымотав все силы. Роик уже привык и к тому, что глаза закатятся, и к жуткой гримасе, и к тряске. К тому, что лицо перестает отражать живую, подвижную личность, он, наверное, не привыкнет никогда. Пришло время, буря, разбушевавшаяся в нейронах головного мозга, утихла. Милорд обессиленно лежал на кровати. Открыв глаза на этот мир, он словно воссоздавал его.

– Боже, какая гадость, – пробормотал он свою обычную для такой ситуации мантру.

– Так точно, милорд, – успокаивающе ответил Роик столь же привычной фразой.

– Теперь от меня на всю ночь никакого толку, даже если выплыву. И завтра тоже.

– Я принесу вам кофе.

– Спасибо, Роик. – Милорд перевернулся на бок и подтянул одеяло, уступая наконец требованиям изнуренного тела. Почти неслышно пробормотал в подушку: – ...За все.

Роик покачал головой, вышел на цыпочках и отправился искать себе койку.

* * *

Джин резко открыл распухшие глаза в полутьме крошечной спальни своей сестренки Минако. Застонал было от досады, да вовремя прикусил губу. Он не собирался засыпать вообще, собирался переждать и перехитрить своих тюремщиков, но оказалось утомление последнего дня. Мальчик приподнялся на локте. Ночная подсветка внизу на стене тускнела бледно-розовым, часов в комнате не было. За окном висела крошечная тьма, сдавленный рык – храпение дядюшки Хикару – разносился повсюду сквозь тонкие стены соседней комнаты. Значит, все спят. Сколько же времени? Может, чуть за полночь, а может, уже и до рассвета недалеко.

Он свесил босые ноги из-под одеяла с узенькой раскладушки. Тетушка Лорна положила мальчика спать в его же собственном белье: пижама кузена Тецу оказалась великоватой, а кузена Кена – слишком маленькой. Одежду забрали постирать, а может, и сжечь, как пригрозила тетушка Лорна – кто знает, где все эти тряпки побывали? Джин-то уж точно не расскажет.

Без малейшей надежды на успех он подошел к окну и подергал шпингалет. Тот подался, но окно скользнуло в сторону лишь сантиметра на три. После ссоры за обеденным столом дядюшка Хикару даже занял у соседей лестницу, чтобы забить стержень в оконный желоб. Джин смог лишь протиснуть ладонь в щель, но нечего было и думать о том, чтобы просунуть руку. Прошлогодний трюк с побегом повторить не удастся.

Джин прислонился лбом к прохладному стеклу, взглянул вниз, на внутренний дворик этажом ниже. В какой-то степени тетушка Лорна лишь облегчила Джину жизнь, выгнав оттуда все его зверье. Мальчуган выбрался в окно, спрыгнул вниз и погрузил свой драгоценный зоопарк в стоявшую во дворе коляску Минако, из которой сестренка уже выросла. Он с ужасом думал, что будет, если Вихрь вдруг вскрикнет, или Лаки размяукается, или коробка с крысами и черепахой перевернется – то-то шум поднимется! Ночь стояла холодная, окна дома были плотно закрыты, да и вообще, кто, кроме него самого, обратил бы внимание на всех этих зверушек?

Тецу повадился дразнить Вихря. Естественно, Вихрь его тяпнул. Последовали поход в медпункт, антибиотики, коллоидный клей... Тетушка Лорна вопила громче самого Тецу. Правда, в основном по поводу счета за медицинские услуги. А Тецу на следующий день уже вовсю щеголял в школе новеньким боевым шрамом.

Джин скользнул к противоположной стене и принялся за дверь, поворачивая ручку предельно осторожно и беззвучно. Заперто. Этот вопрос тоже шумно обсуждался. Надо ли просыпаться и вставать ночью, чтобы выпустить Джина в туалет? Дядюшка Хикару нашел весьма практичное решение. Он выдал Джину ведро, чем до крайности возмутил тетушку Лорну, а Тецу и Кен принялись насмехаться над Джином, и тогда уже дядюшке пришлось на них крикнуть. Обсуждение произошло после стычки по поводу того, где Джину спать: сестренка уже вроде бы выросла, чтобы спать в одной кровати с ним. Или это его сочли слишком взрослым... Тецу и Кен делили на двоих и без того тесную комнатенку. Перспектива разместить третьего обитателя в своем свинарнике их нисколько не радовала, к тому же мальчишки бурно воспротивились тому, что им придется стать надзирателями. Джин терпел и по большей части помалкивал – он ждал лишь удачного момента для побега. А вот того, что дверь запрут на замок, мальчик не предвидел.

– Только до тех пор, пока он не уgomонится, – пояснил дядюшка Хикару.

Можно подумать, Джин забыл бы и забросил бы своих любимых зверушек!

Можно подумать, он остался бы *здесь* жить.

Хорошо ли там Майлз-сан заботится о своих подопечных? Что он подумает, когда Джин так и не вернется с деньгами? Вдруг еще решит, что Джин прикарманил все денежки... Прикарманили-то их на самом деле в полиции, но даже этот странный, ни на кого не похожий чужеземец вряд ли поверит Джину. Что такое слово мальчишки против слова взрослых? Джин проглотил ком в горле и решил больше не хныкать. Может, он и заснул и все проспал именно из-за того, что распустил нюни. С другой стороны, а чего не поспать-то, если бежать все равно не получается? Мальчик вернулся на раскладушку и погрузился в отчаянье.

Авось к следующему вечеру он найдет в комнате отвертку или еще какой-нибудь инструмент и попытается разобрать окно или дверной замок изнутри. Эх, сюда бы Тенбери, он бы уж точно справился. Вряд ли удастся притвориться, что он «угомонился» так быстро, и усыпить бдительность своих «тюремщиков» – ведь его просто выворачивает от внутреннего волнения. Тетушка Лорна пригрозила, что отправит Джина в школу с Тецу и Кеном прямо завтра же, потому что не может пропускать из-за него рабочие дни. А из школы, как ему помнилось, бежать гораздо сложнее, чем из этого... Джин упорно не желал называть халупу, стоящую в ряду таких же халуп, *домом*.

Дверной замок тихонько клацнул. Тетушка Лорна пришла проверить? Дядюшка Хикару все так же храпел. Джин повернулся лицом к стене, натянул одеяло на плечо и крепко зажмурился.

– Джин, – шепнул застенчивый голосок, – ты спишь?

Джин перевернулся, с облегчением и досадой поняв: это всего лишь Мина.

– Да, – буркнул он в ответ.

Непродолжительное молчание.

– Нет, не спишь.

– Тебе-то чего надо?

Наверное, забыла какую-нибудь куклу или мягкую игрушку. Хотя он видел, как сестра тащила вниз целую корзину такого добра к своему временному пристанищу на кушетке внизу.

Дверь загрохотала по желобу, потом маленькие ножки прошлепали к краю его раскладушки. Он перекатился и поднялся на локте, встретившись глазами с ее напряженным взглядом. У сестры были такие же карие глаза и взъерошенная черная копешка на голове. Правда, за четырнадцать месяцев девочка постройнела и вытянулась. Джин сбежал, когда она еще не пошла в школу. Сейчас сестренка уже была второклашкой. Взгляд стал... какой-то менее удивленно-детский.

– Если я тебя выпущу, – спросила она, – возьмешь меня с собой?

– Чего? – Джин удивленно выпрямился, обхватив колени. Так она не случайно сюда забрела, отправившись в туалет? – Нет, конечно, не возьму. Ты что, спятила?

Девчачье лицо помрачнело. Вздохнув, Минако вернулась к двери и начала было уже закрывать ее за собой.

– Постой! – прошипел Джин, вскакивая с кровати.

Храп за стенкой внезапно прекратился. Дети замерли. Через мгновение послышался скрип и что-то вроде бульканья. Храп возобновился.

– Здесь поговорить не получится, пошли вниз.

Мина задумалась, потом кивнула. Подождала в коридоре, пока он не накинет одеяло на плечи и не двинется за ней. Джин прикрыл дверь очень медленно и тихо. Лестница заскрипела, хотя дети спускались на цыпочках, однако из комнат никто не появился.

– Не включай свет, – полушепотом проговорил Джин.

Из комнатухи, которую дядюшка Хикару называл «кухня на одну задницу», с другого конца совмещенной столовой-гостиной, лился приглушенный свет – только чтобы ночью в темноте не споткнуться.

Мина устроилась на кушетке, в гнезде из скрученных одеял. Джин присел на краешек кресла дядюшки Хикару и осмотрелся.

– Ты помнишь папу? – спросила Мина.

– Вроде того. Немного.

– А я – нет. Помню только по фотографии, которую мамочка поставила на домашнем алтаре.

– Тебе было три года. – Джину было семь, когда умер отец. Четыре года назад, полжизни прошло. Ему припомнился необычный мамин траур, ее гнев. Припомнилось, что с тех пор он ее почти и не видел. Словно бы одна смерть унесла обоих его родителей. Задолго до того, как за мамой пришли полицейские. – А что, тетя Лорна убрала домашний алтарь?

– Сначала мне разрешили держать его в комнате, но я пошла в школу, и пришлось поставить стол. Тогда алтарь рассовали по коробкам и убрали – для него не осталось места. Я все думала, может, твою фотографию тоже туда поставить?

Мина с решительным видом принялась натягивать ботиночки.

– Я тебя не возьму с собой, – неохотно повторил Джин, – туда, куда я иду, тебе нельзя.

– А куда ты идешь?

– Далеко. Для тебя – слишком далеко. Да и вообще, чего это тебе вздумалось уходить? – Ее-то дядюшка с тетушкой обожали.

– Тецу и Кен – злюки... Все время дразнятся и пристают. Дядюшка Хикару накричит на них, но по-настоящему никогда не наказывает.

«Ну и что?» – хотел было сказать Джин. Он смутно представлял себе, что, вообще-то, дразнить сестру – это работа брата, но, если кто-то желает заменить брата в отсутствие такового, он не против.

– Наверное, они просто завидуют, что тебя балуют как маленькую девочку. К тому же, не будь тебя, Кену досталась бы твоя комната, – рассудительно добавил он.

– Дядюшка с тетушкой хотят меня «сыновить». Как раз, когда ты появился, обсуждали это. Мне такие братья, как Кен и Тецу, не нужны. Мне нужен настоящий братик.

– Как они могут тебя усыновить, если наша мама... – Тут он примолк. Жива? В горле застрял ком. Решительно проглотив его, Джин закончил: – Туда, куда я иду, тебе нельзя. Мне... Им ты там не нужна. Только мешаться всем будешь.

Джину подумалось, что приبلудный мальчик для Сьюз-сан и остальных – как приبلудный котенок. А приبلудная девочка, да еще и такая маленькая, в его смутном понимании, уже совсем другая история. Еще подумалось, что ни у полиции, ни у дядюшки Хикару с тетушкой Лорной его второй побег не вызовут массового энтузиазма. Только вот будут ли они так же равнодушны к побегу Мины?

– Ты не справишься.

– Нет, справлюсь!

– Тише! Не кричи!

Она упрямо поджала губы.

– Если не возьмешь меня с собой, я как заверещу! И они тебя как схватят! И опять запрут в моей комнате! А я уж тебя в другой раз не выпущу! Вот!

Может, она берет его на «слабо»? Вряд ли. Взять да треснуть ее чем-нибудь по голове. Пока будет лежать без сознания, он как раз смотается. На экране такие штуки проходят легко, а вот в настоящей жизни... К тому же, если врезать ей кастрюлей или сковородкой тетушки Лорны, единственными тупыми предметами под рукой в данный момент, звону будет – не оберешься. Все проснутся и... прощай, свобода.

Она прервала его мрачные размышления рассудительным тоном дядюшки Хикару:

– А еще у меня деньги есть, а у тебя – нету!

– Ну и сколько у тебя денег?

– Больше пятисот новояен! – гордо ответила девочка. – Накопила с подарков на день рождения и за работу по дому.

Хватит на дюжину билетов метро, только вот Джин решил туда больше ни ногой. Он наклонился, посмотрел, сколько времени. До рассвета не больше двух часов. Скоро все встанут и тут же начнутся поиски. Да, по сравнению с прошлым побегом начало, прямо скажем, никакое. И все же – теперь или никогда! Джин решил не упорствовать.

– Хорошо, собирайся. И ни звука! Знаешь, куда тетушка Лорна сунула мою одежду?

Одежда нашлась в пластиковой корзине, там же, где и обувь, – в кладовке за кухней, рядом со стиральной машиной. Мина знала, в каком ящике на кухне хранятся батончики завтрака, сунула дюжину в рюкзачок. Через несколько минут оба уже выбирались боком через сдвижную заднюю дверь. Джин постарался, чтобы калитка двора зашелкнулась, за ними беззвучно и дети двинулись в переулок.

Редкие уличные фонари висели холодными нимбами в липком ночном тумане.

– Я раньше никогда не была на улице так поздно, – прошептала Мина, хотя дом тетушки Лорны остался уже далеко позади. – Жутковатенько... А ты боишься темноты?

Она старалась не отставать от брата. Тот ускорил шаг.

– Темноты бояться не надо. Бояться надо людей.

– Я знаю...

Потом они некоторое время шли молча, мягко ступая по тротуару. Мина не выдержала:

– А вот тетушка Лорна говорила про реки... диви... Нет, мне этого не выговорить. В общем, дети, которые все время убегают из дома. Их ведь не замораживают взаправду, а?

Джин обдумал новые сведения.

– Никогда о таком не слышал. И потом, это должно быть жуть как дорого.

– Значит, она просто пугала, чтобы ты вел себя хорошо?

– Угу.

Напугать ей действительно удалось, в этом Джин тетушке отказать не мог.

– А после первого побега все равно не замораживают!

Эта мысль невероятно обрадовала Мину.

Джин попытался оттолкнуть воспоминания, но они нахлынули сами собой. Их пробудил не липкий запах ночи – полиция пришла за мамой среди бела дня, – а память о липком холоде в животе в тот день. Прямо как сейчас. Мама стоит на коленях, цепляется за его плечи, кричит: «Джин, не бросай Мину! Будь хорошим старшим братиком, слушайся тетушку Лорну!»

Джин перестал выполнять последний наказ, когда тетушка Лорна потребовала, чтобы он избавился от всего своего зверья. Да, от всех разом, и места из-за них нет, и воняют они, и гадят постоянно, а эта птица вообще убийца, и в довершение ко всему у Кена наверняка аллергия на Лаки, пусть даже та и слишком ленива, чтобы кого-нибудь царапнуть. Джин-то знал, что братец чихает и фыркает специально, просто чтоб досадить ему, в чем, кстати, и преуспел. Джину пришлось забыть и первую часть материнского наказа – то ли благословления, то ли проклятия. На Мину-то ведь никто так не орал, как на него и его животных.

И зачем ему это все вспомнилось?

Путь до границ района был неблизкий, а преодолеть его надо до того, как их хватятся. Может, лучше спрятаться где-нибудь и переждать время школьных уроков? Джин выбрал улицу, которая, как ему показалось, наверняка должна вести на юг, и поход продолжился.

Глава седьмая

Два дня спустя после памятного предраасветного возвращения Майлза в консульство Лорд-Аудитор с сопровождающими лицами вышел на подъездную дорожку у парадного входа. Тут же к ним подкатил лимузин корпорации «Белая Хризантема». Длиннющий, изящный и сверкающий, он прижался к тротуару со вздохом удовлетворенного любовника.

Роик приподнял бровь:

– Уж получше, чем та колымага, на которой нас катали организаторы конференции.

– В самом деле, – согласился Майлз. – Молодец, Форлинкин. Прекрасно постарались.

Похоже, «Белая Хризантема» собирается стильно ползть перед нами на коленях.

Консул неуверенно кивнул – добрую половину предыдущего дня он провел, названивая и принимая звонки от встречающей стороны, чтобы устроить встречу, пока Лорд-Аудитор прикидывался, что очень занят. Задержка сыграла на руку Майлзу, у него оказалось достаточно времени, чтобы прийти в себя после припадка. И, если посланника Барраяра такое поведение Лорда-Аудитора просто встревожило, то сам Майлз не пришел к четкому умозаключению: управляем ли Форлинкин? Вернее, *кем* управляем Форлинкин. Он одарил консула беглой улыбкой.

– Да, кстати, Форлинкин, воздержитесь сегодня от каких бы то ни было комментариев по поводу моих слов и поступков. Пока мы на задании, просто поддакивайте мне.

Невнятное молчание в ответ.

– Да, милорд.

Ах, у нас есть чувство юмора? Неплохо... Пожалуй.

– Это все равно что смотреть спектакль в театре, – приободрил его Роик.

Форлинкин приподнял бровь. Нельзя сказать, что его успокоил такой комментарий. Доктор Дюрона в это время разглядывал пестрые хосты, растущие вдоль дорожки. Выпрямившись, он с интересом принялся рассматривать лимузин. Верх пассажирского отсека поднялся, и из лимузина вышла женщина.

Столь же изящная, как и лимузин, только тоненькая. Длинные черные волосы стянуты сзади сверкающими заколками и собраны в нечто элегантное. Майлз отметил, что таким волосам Ворон не может не позавидовать. Одежда жителей Кибо являла собой разнообразие модных течений, как местных, так и принесенных из разных миров. Майлз пробыл здесь достаточно долго, чтобы расшифровать язык ее костюма: одета в женский вариант классического делового стиля. Струящийся по коже топ, подчеркивающая формы сорочка, просторная накидка с поясом – такие носят и мужчины, и женщины. Правда, вместо шаровар на завязках у лодыжек, как носят мужчины, дама сверкала прелестными икрами, короткой юбкой и рейтузами. Гардероб подобран в неуловимых осенних тонах, подчеркивающих глубокие карие глаза. Общее впечатление от костюма создавало имидж одновременно и представительницы высшего класса, и обольстительницы, словно она была дорогой куртизанкой. Майлзу как-то объясняли, что такое гейша, когда он был на Земле, на острове, где зародилась эта традиция. Этакое полезное дополнение к невесте со страстью к садоводству. Ощущение, что эта женщина – оружие, направленное прямо на него, появилось в основном из-за ее невысокого роста, почти равного его собственному, и сандалий без каблуков.

– Доброе утро, о-хайе годзаймас. – Официальным поклоном она одарила всех, но улыбку навела только на Майлза. – Лорд Форкосиган, консул Форлинкин, Дюрона-сенсей, Роик-сан. Как чудесно видеть вас! Меня зовут Аида, сегодня я – личный помощник господина Рона Винга. Я провожу вас на новое предприятие «Белой Хризантемы» и отвечу на все возможные вопросы, если таковые возникнут по пути.

На мои-то ты точно не ответишь, – сказал Майлз про себя. Вслух он лишь вежливо и подобающе поприветствовал юную красотку и последовал за ней в лимузин. Интересно, на что пришлось пойти ее боссу, чтобы найти «помощника» такого роста за такое невероятно короткое время.

Рон Винг был тем самым человеком, встречи с которым Майлз терпеливо добивался весь вчерашний день, вернее, пока Форлинкина отфутболивали невразумительными ответами так, что он уже начал было рвать на себе волосы. Официально должность Винга называлась «директор по развитию». Один из ведущих функционеров «Белой Хризантемы», Винг нес на себе бремя ответственности за экспансию корпорации на Комарру. Это его подручные так усердно обрабатывали Майлза (процесс был взаимным) во время конференции. *Ну-с, взглянем, что на обратном конце лески.*

Роик, Аида и Ворон сели спиной по ходу движения; Майлз и Форлинкин напротив. Все усаживались предельно осторожно, чтобы – не дай бог! – не стукнуться в сутолоке головами.

– Похоже на старый отцовский лимузин, – шепнул Майлз Роику.

– Не-а, – шепотом ответил Роик, когда так и не представленный им водитель авто тронул с места, – он и половины того не весит. Тут даже бронеплит нет.

Сладкоголосая Аида предложила ошеломительное разнообразие напитков из бара лимузина. Майлз отказался, и все последовали его примеру. Майлз наклонился к поляризующему стеклу, чтобы получше рассмотреть столицу – для разнообразия, *над* поверхностью. Настоящих гор вокруг Нортбриджа не было, но ледники сошли достаточно давно, чтобы потоки воды прорезали в моренах что-то отличное от ровных плато. Местная примитивная растительность не представляла собой ничего особенного, поэтому городская ландшафтная архитектура основывалась на импорте с земли. Город как город, выросший на стандартной общегалактической транспортной и технологической структуре. Не пройди Майлз по этим улицам своими ногами, не узнал бы, какие чудеса лежат под поверхностью.

Вид за окном стал поинтереснее, когда лимузин добрался до западной оконечности Нортбриджа и въехал собственно в «Криополь».

– Строительство «Криополя» началось около сорока лет назад, – сообщила Аида, словно заправский гид. – Увеличение количества крионных установок в черте города стало слишком дорогим. Теперь Нортбридж расширил свои границы сюда, и появилась новая муниципальная единица – «Западная Надежда».

– И сколько же представителей «Западной Надежды» заседают в законодательном собрании Территориальной префектуры? – поинтересовался Майлз.

– Четырнадцать, – ответила она радостно.

Столько же, сколько и от всего города в целом, хотя по территории их сравнивать нельзя.

– Забавно.

Роик чуть не свернул шею.

– Что за дьявольщина?..

– Пирамиды! – Доктор Дюрона тоже вытянул шею, переполненный радостью. – Десятки и десятки! А не захоронены ли здесь какие-нибудь жуткие тайны?

Майлз отметил про себя, что с Дюрона надо строго поговорить при первой же возможности.

Не сходящая с лица Аиды улыбка на мгновение стала вымученной, но она быстро взяла себя в руки.

– Там наш главный конкурент на рынке криоуслуг – «Новый Египет».

Километровую стену из песчаника пронзали высокие ворота, по бокам которых торжественно восседали узкомордые собакоголовые фигуры.

– Этих я уже видел, – сообщил Роик, – на конференции. Был там парень в срамном костюмчике, с пластиковой собачьей головой. Раздавал всем рекламные листовки. Я подумал, смахивает на биоинженерное предприятие с Архипелага Джексона.

Майлз решил, что пора пояснить.

– Это фигуры Анубиса, египетского бога мертвых. Были у них и другие боги с головами животных – ястребов, кошек, коров. У каждого – свое аллегорическое значение. Это, к примеру, вообще-то не собака, а шакал, животное-трупоед в древней пустыне. Думаю, для человека той исторической формации такой зверь – естественная ассоциация со смертью.

Он взглянул краем глаза на Аиду, но воздержался от дальнейших исторических параллелей, хотя и хотел бы выяснить: проверил ли кто-нибудь перевод иероглифов, украшающих стены. Потому как те вполне могли значить что-нибудь вроде «Пта-хотеп – дурак!» или «Унис должен Тети сто снопов пшеницы и бочонок инжира».

Посмотрев вслед удаляющимся фигуркам, Аида фыркнула:

– Как видите, они выбрали символом своей корпорации вот такую тематику из истории Древней Земли.

Больше смахивает на парк развлечений, подумал Майлз.

Аида добавила, пытаясь скрыть восхищение:

– В пирамидах расположены криогенные установки. В «Новом Египте» выяснили, что клиенты готовы платить дополнительные деньги за эксклюзивные, более комфортабельные места на верхних уровнях.

– Комфортабельные места? – удивился Роик. – А не все ли равно, когда тебя заморозят? В смысле, технически?

Он посмотрел на Ворона, тот задумчиво ответил:

– Вероятно, вы правы...

– Так-то оно так, но контракты выбирают и подписывают живые люди, – объяснила Аида. – Для «Нового Египта» это оказалось прибыльной и привлекательной программой. Они даже приобрели авторские права на весь этот исторический период, чтобы остановить плагиаторов. – И добавила расстроенным голосом: – А на конференции в этом году они раздавали живых сфинксов, но наш начальник отдела опоздал и не раздобыл нам зверушку...

У Майлза чуть глаза на лоб не вылезли, тем не менее ему удалось хорошенько разглядеть здания следующей корпорации на их пути: стеклянные башни и сверкающие шпили, обернутые струями цветных огней. Звукоизоляция лимузина, конечно, была на уровне. Однако он мог поклясться, что сквозь стекло доносился ритмичный бас.

– Музыка?

– «Шинакава консолидейтед», – и точно, они как раз проезжали мимо ворот с названием криокорпорации – буквы плясали всеми оттенками радуги. – Их целевая аудитория – молодежь.

Майлз попробовал понять. Не получилось.

– Их доля на рынке наверняка ничтожна?

– Когда контракт вступает в силу, клиент, как правило, достигает более преклонного возраста. Зато выгоднее подписать контракт и начать выплаты раньше. На самом деле «Шинакава» выработала очень грамотную стратегию. Если бы у меня не было криоконтракта с моим работодателем – а это часть льготного пакета трудового договора, – я бы подписала контракт с «Шинакавой». – Аида хихикнула, прикрывшись наманикюренной ручонкой. – Хотя, наверное, я не должна рассказывать вам об этом.

Комплекс зданий следующей корпорации показался на противоположной стороне шоссе. Целый лес деревьев – ни стен, ни ворот, ни охраны. На невысокой каменной ограде значилось: «Нозерн-Спринг». Майлз разглядел немногочисленные здания в гуще растительности – приземистые и сугубо утилитарные. Он указал на постройки:

– А эти что собой представляют?

– А, эти... «Нозерн-Спринг» могут похвастаться тем, что они – одна из старейших местных корпораций и одна из первых, кто начал строиться здесь. Но мы не считаем их элитой в нашем бизнесе.

Вообще-то, судя по предварительным докладам, полученным Майлзом – а доклады эти нередко оказывались весьма точными, – на Кибо-Даини они считались шестой по размеру государственной корпорацией, функционирующей в настоящее время, в следствие чего он не мог не считать «Нозерн-Спринг» элитой в своем бизнесе. Хотя если судить по тому, как выглядят постройки... Скучно до омерзения.

Сколько денег тратится на то, чтобы привлечь внимание... Нет, не мертвых, а живых. Впрочем, их можно понять, для длительного... гм-м... отдыха во льду, конечно, хочется иметь надежную опору в виде чего-то столь бессмертного, как криокорпорация. Их впечатляющие фасады обещали множество разнообразных благ, но в первую очередь – преимущество, постоянство. Еще бы забыть о том, что в основе всех таких организаций, корпораций, да и правительств находится ограниченное количество людей, которые принимают ошибочные решения в процессе обсуждения...

Огромный лимузин сбавил ход и свернул под гигантские ворота – тории. «Белая Хризантема», как и остальные, с первых же шагов заявляла о корпоративном стиле. Они миновали охрану, не останавливаясь – гостей «прозвонили» на ходу. Обогнув сосновые посадки, компания подъехала к центральному офису. За ним виднелась внушительная башня здания, но посетитель должен был первым делом миновать сад в традиционном национальном стиле – пруды, тропинки, заросли мха, аккуратные площадки, засыпанные выровненной галькой, стройные красные клены. Тема развивалась и дальше, за огромным стеклом фойе – искривленные карликовые деревца-бонсай и строго подобранная икебана. Посреди всего этого великолепия их уже ждали – встречающие неумоимо кланялись, и Майлз стряхнул остатки утомления, обычно так мешавшего после приступов, собираясь с мыслями.

Рон Винг оказался мужчиной средних лет в строгом деловом костюме: рубашка, пиджак с широкими рукавами и намеком на «крылышки» на плечах, мешковатые брюки приглушенного синего оттенка – безупречный наряд, вплоть до носков-таби и сандалий. Стил, ткань, крой – все кричало о статусе, богатстве и положении, как на Барраяре кричал бы мужской костюм армейского покроя, форменные брюки, полуботинки. Четко продуманный наряд довершал взгляд опытного дельца, собранного и внимательного.

Рядом с Вингом сутился тип, который в мягкой форме передал Лорду-Аудитору желание «Белой Хризантемы» подкупить его, как раз тем вечером, когда появились то ли террористы, то ли активисты, то ли просто идиоты и так грубо пресекли намечающийся и столь многообещающий обмен. Хидеюки Сторрз состоял в должности исполнительного вице-президента по развитию. На нем красовалась менее помпезная вариация одежды босса, изрядно похожая на прилежно подобранный костюм Форлинкина в местном стиле – традиция на службе у функциональности. В своей табели о рангах Майлз расположил его высоко, хотя все же не отнес к ключевым фигурам.

Департамент развития явно желал продолжить дела прямо с того момента, как им помешали, поэтому Майлз напомнил себе, что не стоит сдаваться сразу. Мало ли, за какие еще ниточки удастся потянуть? Половина вчерашних телефонных маневров проводилась с целью добраться по цепочке до «Того, Кто Знает». Итак, Аида передала своих подопечных Сторрзу, тот взял на себя официальное представление Вингу, и Майлз с удовлетворением подумал: «Наведение завершено. Идет автоматическое сопровождение цели». Судя по улыбке Винга, его соперник думал примерно так же.

Почему же я вам так интересен? Даже интереснее, чем должен быть. Почему?

– Я так счастлив, – начал Винг, – что вы позволили нам извиниться за те неудобства, которые вам пришлось недавно пережить, лорд Форкосиган.

Свободной рукой Майлз сделал жест, означавший: «Ах, оставьте, это не ваша вина», в то же время прерывая этот жест едва заметной гримасой боли. Вслух он произнес:

– Нам всем нужно радоваться тому, что никто серьезно не пострадал и не погиб в результате безумной выходки.

– Верно сказано, – согласился Винг. – Зато теперь у нас появилась возможность познакомить вас с работой нашего предприятия значительно более детально, нежели позволили бы рамки обзорной экскурсии.

– Весьма удачный момент для своевременного «зато»...

– Не желаете ли отдохнуть с дороги? Может, чаю? Или последуем обычаю вашей планеты и сразу приступим к делу?

– Предпочел бы приступить к работе. Я весьма стеснен во времени.

– Тогда прошу следовать за мной...

Вся группа потихонечку двинулась за Вингом со скоростью, ограниченной тростью Майлза, тому не пришлось даже изображать хромоту. После приключений в подземелье и обычных последствий распроклятых судорог боль вернулась с новой силой. Аида шла рядом, будто готовилась подхватить его, если Майлз вдруг упадет. Их провели по красивым помещениям общего доступа в центральном офисе, затем на гравиплатформе доставили в соседнее здание, где и проходила регистрация клиентов. И в фойе, и на приемно-загрузочной станции шла оживленная работа.

– Клиенты попадают к нам двумя путями, – пояснял Винг, ведя делегацию коридорами, в которых висело медикаментозное амбре. – Тех, кто перенес метаболическую дисфункцию, обычно готовят в клиниках, а потом перевозят сюда для долговременного размещения. Есть и те, кто предпочитает не играть с судьбой, а приходят сами, чтобы стационарно подготовиться к операции.

– Это что же, они *живыми* приходят? – не сдержался Роик.

– Чем крепче ваше здоровье во время криопроцедуры, тем выше шансы на хорошее здоровье после выхода из криостазиса, – ответил Сторрз.

– Истинная правда, – тихонько согласился Ворон.

Роик насупился, бросил взгляд на Майлза. Тот лишь подтвердил:

– Увы, это так.

– Не желаете ли взглянуть на техническую сторону процедуры поближе? – спросил Винг. – На обзорных экскурсиях мы этого, естественно, не показываем. На сегодня запланировано что-то около двух или трех десятков заморозок. Клиенты, которых доставляют из клиник, размещаются сверх плана.

Майлз, которому на очень уж личном опыте, а лучше сказать, в полном сознании, «повезло» пережить весь процесс, отмахнулся от такого сомнительного удовольствия. Роик при этом облегченно вздохнул. На лице Форлинкина ровным счетом ничего не отразилось. Ворон принял предложение и отправился со Сторрзом, за что Майлз его молча поблагодарил. Майлз обрадовался, когда они покинули рабочее здание, – нельзя сказать, чтобы запах был неприятным, просто где-то там, на задворках памяти, закопошились преотвратительнейшие образы.

– Сколько же разморозок вы проводите в день? – спросил Майлз Винга, как только они устроились на гравиплатформе и тронулись.

Они с Вингом сидели впереди, на лучших местах, Аида – сзади, спиной к ним; Форлинкин с Роиком – на самом заднем диванчике, на границе пределов слышимости.

Винг заколебался лишь на мгновение.

– Я не располагаю точными сведениями, надо посмотреть. – Платформа плыла над ухоженной территорией. – А как вы познакомились с доктором Дюрона?

Ворона взяли в поездку по... нет, даже не по просьбе Майлза. Его просто включили в список пассажиров лимузина.

– Они и мой помощник Роик оказались вместе во время похищения. Объединяющий, я бы сказал, опыт.

– А, это многое объясняет. Ваш Роик – как раз такой человек, за спиной которого и я бы спрятался в трудную минуту.

Ясно, что Винг без труда понял слово «помощник» как «телохранитель». Да в общем-то и никто, глядя на Роика и Майлза вместе, ни о чем другом бы и не подумал. Правда, Майлз почти не сомневался, что все тонкости истинного понимания должности оруженосца Роика Винг не раскусил.

Винг продолжил:

– Забавно, я тут узнал, что один ваш родственник – крупнейший акционер Группы Дюрона. Если, конечно, Форкосиган – не обычная фамилия на Барраяре.

– Марк? – Ну вот, в конце концов добрались и до этого. Еще одна зацепка, подсказка, что визит Аудитора на Кибо оказался полной неожиданностью для криокорпорации. Видно было, что они все никак не могут разгадать целей его прилета. Майлз за свою жизнь не раз сталкивался с лихо закрученными планами. Проходили годы, прежде чем появлялись плоды. Заходы Винга походили на наскоро сляпанные решения, от силы несколько дней. – Это мой младший брат.

– Правда? – улыбнулся Винг. – Как вы думаете, наше расширение на Комарру может его заинтересовать?

Конечно, только совсем не так, как ты думаешь.

– Я бы предпочел держать Марка в неведении. Он очень опытный бизнесмен. Мне на государственной службе приходится выкладываться за каждое небольшое поощрение, а его прибыли растут на зависть быстро, он обходит меня на каждом шагу. Поэтому меня в вашем проекте крайне привлекает идея побить его на его же поле.

Майлз хитрой улыбкой продемонстрировал готовность к братскому соперничеству.

Винг заглотил наживку сразу, и это многое сообщило о нем Майлзу.

– Очень хорошо вас понимаю. – И мгновение спустя добавил: – А он столь же влиятелен в государственных делах, как и вы, лорд Форкосиган?

– Да нет, он полностью занят своим бизнесом.

– Ах, как жаль.

– Ну, я бы так не сказал.

– А как остальные члены вашей семьи? С ними у вас отношения... теплее?

– Разумеется. Хотя не каждый день предоставляется шанс показать им всем, кто есть кто. – Майлз постарался, чтобы его голос прозвучал чуточку жалобно. – На Барраяре мне всегда приходится что-то доказывать.

Вот так, а теперь пусть Винг все это переварит. Неплохой получился рычаг воздействия: с одной стороны – ревность и жадность, с другой – возможности влияния, ради которых стоит постараться. Ну и при поверхностной проверке, все это кажется весьма правдоподобным. *Спасибо, брат.*

Бровь Винга изогнулась в сомнении.

– А доктор Дюрона не расскажет ему?..

– Эту заботу оставьте мне. – Майлз понизил голос так, чтобы за жужжанием платформы его не слышали сидящие сзади. – Знаете старую поговорку? Держи друга близко, а врага – еще ближе.

Винг кивнул:

– Хорошо сказано. – Он помялся. – Дальше у нас по программе презентация по проекту «Комарра». Не показать ли пока нашему другу доктору остальную территорию?

– Думаю, в этом нет нужды. Если только вы предпочтете не раскрывать какие-нибудь технические инновации потенциальным конкурентам.

– Нет-нет, предприятие на Комарре будет создано по проверенной технологии. Наши инновации касаются лишь организации бизнеса.

– Ну, тогда не волнуйтесь – полагаю, Ворон из тех технарей, которым нет дела до прибыли. – Винг – деревенщина, вот только до какой степени? Ворон – уроженец Архипелага Джексона. Гиблое место, где сделка – это искусство, наука, стратегия, битва без пощады. – Вы бывали на других планетах, господин Винг?

– Да, летал на Комарру в прошлом году, когда мы начали работу над проектом. Исключительно деловая поездка, не было времени что-либо посмотреть. Я так и не выбрался за пределы Солстиса.

– Ах, как досадно.

В здании центрального офиса их сразу же направили на верхний этаж, в элегантное помещение конференц-зала – еще более закрученные стволы карликовых деревьев, изящные стеклянные изваяния. Аиде удалось наконец убедить их попробовать разнообразие напитков. Майлз и Форлинкин выбрали зеленый чай, Роик – кофе. Затем их усадили перед экраном вида и подвергли гламурной презентации гигантского криохранилища «Белой Хризантемы», строящегося в Солстисе, общепланетной столице Комарры. Как Майлз ни старался, абсолютно ничего противозаконного ему разглядеть не удалось. Ни к чему не смог придаться и министр безопасности Комарры, хотя и обладал несравненно более точными данными. А проверяли они эти данные весьма придирчиво, попутно упрятав за решетку (с помощью и при полном одобрении «Белой Хризантемы») двух зарвавшихся субподрядчиков, проворовавшегося таможенника и целую воровскую сеть на складах, хотя ничего этого в роскошной презентации Винга не было.

Ворон и Сторрз присоединились к ним посреди просмотра. Видео закончилось бодрой и со вкусом подобранной музычкой.

Майлз откинулся назад в невероятно уютном кресле, потягиваясь и сцепив пальцы над головой.

– Так почему все-таки Комарра? Если уж расширять бизнес на другие планеты, не ближе ли начать с Эскобара?

Винг выпрямился, явно обрадованный вопросом.

– Мы рассматривали такую возможность. Но крионика на Эскобаре находится на весьма продвинутом уровне. Кроме того, законодательный уровень защиты тамошнего бизнеса таков, что я не могу охарактеризовать его иначе как протекционистским. Наши аналитики заключили, что Комарра, несмотря на удаленность, предлагает лучшие перспективы, а ведь перспективы и определяют прибыль. Ту самую прибыль, которую получают и баррарцы, и вы, конечно же, в том числе. Купол Солстиса уже получает дивиденды – после завершения стадии проектирования всех подрядчиков нанимали на Комарре.

– Насколько я понимаю, – добавил Майлз с видом знатока, – как только у всех на планете появятся криоконтракты, нет другого пути, кроме внешней экспансии.

Он промолчал – хотя еле удержался! – насчет того, что, вообще-то, каждую минуту в этом мире появляется новая жизнь.

– Боюсь, в этом и состоит риск развитого рынка. Хотя за последний год мы значительно продвинулись на рынке торговли контрактами.

– Простите?..

Голос Винга потеплел, словно тот заговорил о предмете обожания.

– Исторически так сложилось, что составление и заключение криоконтрактов никогда не было стандартизировано. Долгие годы они заключались самыми различными учреждениями в рамках подчас нестыкующихся местных законов. Основания, на которых они заключены, совершенно никак не взаимосвязаны. Некоторые обязательства усилились, некоторые – ослабли. Да и сами компании – кто раскололся, кто объединился, кто обанкротился, кого-то купили. На заре нашего бизнеса контракты переходили из рук в руки только с компаниями, которым они принадлежали. И лишь недавно стал ощущаться интерес к возможностям вторичного рынка персональных криоконтрактов, как с целью получения прибыли, так и с целью сбора оборотного капитала.

У Майлза брови поползли на лоб:

– Вы торгуете мертвецами?

– Меняетесь друг с другом замерзшими трупами?

Роику значительно хуже, чем Майлзу удалось скрыть ужас.

– Нет-нет, что вы! – бросился объяснять Винг. Сторрз поддержал его, энергично мотая головой. – Это было бы неоправданно затратно. Клиенты по большей части находятся на своем месте, если, конечно, не производится ремонт мощностей или предприятие не закрывается. Клиенты находятся на взаимоучитываемом балансе, переходя от компании к компании. Продаются и покупаются только их контракты. – И с невинным видом добавил: – Мы надеемся, что со временем это приведет к стандартизации и однородности заключения процедуры контракта в нашем бизнесе.

Для Майлза это означало: «Мы остановимся, только когда вычерпаем все до дна». Судя по удивительно отсутствующей улыбке Ворона, тот не понял ни слова, но сделал точно такой же вывод.

– А, гм... на Комарре вы будете действовать по такой же схеме? – поинтересовался Майлз.

– К несчастью, нет. Там просто не с кем торговать.

Винг вздохнул, однако трудно было заподозрить хоть какую-то печаль в этом вздохе. Для Майлза его ответ прозвучал так: «Мы собираемся монополизировать бизнес на Комарре».

– Все это просто поразительно, – честно признался Майлз. – А вы как полагаете, Форлинкин? – Он игриво подмигнул послу. – Готовы приняться за такое дельце? Хотя, думаю, вас-то этим не удивить.

– Не могу согласиться, – ответил тот, – моя работа в основном касается забот живых, а не мертвых. Мне довелось проследить за отправкой останков одного несчастного барраярского туриста, погибшего во время катания на леднике – чрезвычайно опасный вид спорта. Я также расписался как-то в передаче пары бизнесменов с Кибо – те умерли естественной смертью на территории Империи, а трупы были доставлены домой. Один замороженный, а другой – в кучке пепла. По поводу последнего были, помнится, жалобы от родственников, пришлось перенаправить по инстанции. – Затем посол дипломатично (ну а как же еще?) добавил: – Благодарю вас за возможность взглянуть на ситуацию изнутри, Винг-сан. Для меня такое положение дел – откровение.

Правда, смотрел он при этих словах на Майлза.

Затем их проводили на обед, в невысокое здание с видом на бесконечные сады и пруд с декоративными карпами. В интерьере доминировали ширмы из рисовой бумаги, татами, высокохудожественное стекло и икебана – горстки гальки, три тростинки, пара бутонов да цветов. Их усадили на шелковые подушки у двух низеньких сверкающих лаком столиков. По одну руку от Майлза сидел Винг, по другую – Аида, в его полном распоряжении. Сторрз ухаживал за Форлинкином, Роиком и Вороном за соседним столиком. Двое официантов заставляли столы изысканнейшими блюдами, похожими на небольшие скульптуры. Майлз в конце концов позволил Аиде налить ему прозрачного, странно пахнущего вина в плоскую керамическую чашечку.

Интересно, чашка специально сделана так, для самоограничения? Пьяный обязательно разольет ее содержимое, не донеся до рта. Майлзу и самому едва удалось не облиться.

Аида помогала поддерживать беседу, переводя ее на приятные, нейтральные темы, мало-помалу придвигаясь ближе. Шнуровка на накидке была не без умысла ослаблена, и сорочка демонстрировала округлости груди под глубоким декольте. Майлз подозревал, что в ее духах не обошлось без феромонов, но вряд ли такое откровенное послание нуждалось в подкреплении: ясно, что юная красотка – часть его подкупа, стоит только пожелать.

К сожалению, Аида не очень хорошо понимала, с кем имеет дело. К тому же Майлзу вовсе не нужно было демонстрировать свою продажность во *всей* красе. В некоторых вопросах можно изобразить скромность. Майлз вытащил кубик с видео, похвастался своей красавицей-женой, восхитительными детками. Аида отступила, и Майлз тут же переключился на жалобы по поводу нынешней дороговизны содержания семьи. Теперь уже мало-помалу придвинулся Винг, поддерживая тему. Майлз добавил странного вина и принялся глуповато ухмыляться.

Было ясно, что «Белая Хризантема» продолжит наполнять его чашку, пока Майлз не свалится под стол. Ему удалось завершить визит лишь неоднократными намеками на то, что Форлинкину пора возвращаться к своим обязанностям. Аида пересела за соседний столик поразвлекать компанию, а Винг повел Майлза на прогулку вокруг пруда, «проветрить мозги». Майлзовы мозги, по крайней мере, проветрились мгновенно, как только Винг наконец добрался до обсуждения деталей того, как без лишнего шума перевести долю его нового бар-рарского друга.

Только не надо думать, что это «перепихон по-быстрому», милорд Аудитор, что мы переходим от ласк к соитию на первом же свидании. Вот только кто кого поймет? И зачем, зачем, зачем, черт возьми, меня пытаются подкупить?

– Я возлагаю большие надежды на проект «Комарра». – В голосе Винга звучали искренние нотки. А еще эйфория, хотя трудно было понять, от вина или от удачного завершения переговоров. Майлзу показалось, что для Винга обе причины слились. В этом делегате скрывалась поистине джексоновская страсть к победе и прибыли. – Скажу больше, я уже перевел все свои облигации и опционы из «Белой Хризантемы» в «Белую Хризантему Солстиса». Даже свой собственный криоконтракт я разместил на будущем предприятии, поэтому буду сражаться за него. Так что, как видите, за свои слова я поручусь не только деньгами, но и жизнью.

От такого откровения темные глаза Винга засверкали искрами.

А Майлз, в голове у которого все части головоломки выстраивались в ясную картину, подумал: «О боги! Ты сам только что вручил мне свою голову!»

Глава восьмая

В одеянии из черного хитина в белую полоску с ровненькими точками тарантул здорово смахивал на аристократа из исторического стерео – такой же наглый и агрессивный, готовый к вечернему променаду по городу. Джин четко видел все восемь глаз на маленькой злобной мордочке: две яркие черные точки смотрели прямо на него, еще четыре – над первыми двумя, и по одной – по обе стороны головы. У него под брюшком... – нет, у *нее* под брюшком! – висел моточек тончайшего белого пуха, словно пушинка хлопка. Может, это яйцевой кокон? Может, она готовится стать *мамой*? Распластавшись на полу пыльного садового сарайчика, Джин замер от восторга, тихонько отполз назад, чтобы не спугнуть ее, чтобы паучиха не метнулась в щели в полу или стенах, прежде чем он найдет, куда ее пристроить. Для своего вида она была достаточно крупной, больше трех сантиметров, размером с фалангу Джинова большого пальца. Уж точно взрослая паучиха. Она словно терпеливо ждала Джина.

Джин потерянно огляделся. Дорога из дома дядюшки и тетушки, из северо-западного пригорода, превратилась в невообразимо долгий путь к ближайшей южной окраине. С одной стороны, Мина все время отставала и принималась жаловаться, как только уставала. Джин ничего другого и не ожидал. Боялся же он того, что ночью во время долгого перехода они заблудились и потерялись. Городские улицы поворачивали совершенно неожиданно, сбивая его с толку, а башни городского центра, поблескивающие время от времени в отдалении, когда дети взбирались на холм или выходили на открытое место, выглядели одинаково, откуда ни посмотри.

Нынешнее их пристанище – и притом великолепное! – дети нашли утром. Они остановились купить литр молока в угловом магазинчике неподалеку отсюда, а потом миновали несколько кварталов в поисках убежища, чтобы пересидеть время школьных занятий. На одном из домов висело объявление о продаже: заглянув в окна, Джин и Мина не обнаружили ни мебели, ни обитателей – в общем, полная безопасность. Правда, дом оказался заперт, однако дверь в сарайчик на заднем дворе оставили не на замке. Сад, обнесенный высокой стеной, зарос деревьями и кустарником, что было детям на руку – если какая сердобольная душа и сунет сюда нос, так просто их здесь не найдешь. И совсем уж здорово, что во дворе обнаружился водопроводный кран, подключенный к системе. Обеденные батончики Мины еще не закончились, хотя изрядно надоели. Главной же проблемой маленьких путников обернулось отсутствие воды. Правда, вчера им дважды повезло: забрели в горпарк и натолкнулись не только на фонтанчики с питьевой водой, но и на туалеты. Мину было трудно заставить «сходить в кусты», даже когда темнело.

К несчастью, на полках в сарайчике не стояло ничего и отдаленно напоминающего коробку. Не было там и садовых инструментов, за исключением гнutoго и ржавого совка. Взгляд Джина упал на спящую сестренку. Та свернулась калачиком, сунув под голову свернутую куртку. Желтый рюкзачок на молнии лежал рядом, с него Джину улыбались анатомически грамотно нарисованные пчелы. Присев на корточки, мальчик погрузился в изучение содержимого рюкзака. Ага, вот то, что надо!

– Ты чего? – Мина приподнялась и зевнула. На заспанной бледной мордашке отпечатались все складки импровизированной подушки, волосы торчали во все стороны. Отчего это люди, когда спят днем, встают такими помятыми и разгоряченными? – Ты мои деньги крадешь, что ли?

Джин откупорил прозрачный пластиковый контейнер, в котором хранилась вся ее мелочь, и вытряхнул содержимое в рюкзак.

– Нет, мне нужна только коробка.

– Зачем?

Мина нахмурилась, однако стерпела обыск ее собственности, который, к счастью, не оказался ограблением.

– Для паучьего домика.

– Бе-е... Пауки гадкие. Паутина противно липнет к губам.

– Это тарантул. Они не плетут паутину.

– А!

Мина задумалась и поморгала. Не то чтобы ему удалось убедить сестру, зато она не подняла никакого глупого девчачьего визга. Правда, держалась поодаль, пока Джин не подкрался и не поймал свою жертву. Как только паучиха оказалась за прозрачным барьером, Мине захотелось разглядеть ее поближе. Джин посвятил сестру в многообразие крошечных паучьих прелестей: волоски, глазки, жвала, набухший яйцевой кокон.

– У нее и вправду восемь глаз! – восхитилась девочка, и ее собственные глазенки сошлись на переносице, – так Мина попыталась представить, какой ее видит паучиха.

Осмелев, она, по примеру брата, постучала по пластиковой крышке.

– Перестань! Ты ее напугаешь.

– А она сможет там дышать? – поинтересовалась Мина.

Джин обеспокоенно осмотрел коробку. Удрать паучиха не сможет, зато вот крышка действительно сидит очень плотно. Паучьи лапки беспомощно скребли по стенкам тюрьмы крошечными коготками.

– Некоторое время сможет.

– А как ее зовут?

– Еще не придумал.

– Надо ее назвать.

Джин кивнул, целиком соглашаясь. Что ж, иногда и от Мины есть толк. Говорят, там, на Земле, обитают тысячи видов пауков. Терраформеры Кибо оказались скупердями и завезли сюда лишь с полдюжины или вроде того для новой экосистемы. Без комм невозможно определить ее настоящее научное имя. Вот бы оно оказалось таким же удивительным, как сама паучиха!

– Можно назвать ее Пряха. Только ты ведь сказал, что она не прядет паутину. Восьмиглаз?

– Это имя для самца, – не согласился Джин. – Нужно придумать дамское имя, что-нибудь подходящее, с Древней Земли.

Мина нахмурилась лишь на мгновение, и тут девчачье личико просветлело.

– Леди Мурасаки! Это самое древнее женское имя, какое я знаю.

Джин по братскому долгу хотел уже было засмеять такое предложение, да призадумался. Внимательно рассмотрев паучиху, он понял, что имя действительно подходит.

– Хорошо.

Победная улыбка расплылась по мордашке.

– А что она ест?

– Мелких жучков. Надо наловить для нее в саду, когда будем уходить. Я ведь не знаю, сколько времени надо, чтобы добраться до гм... дома.

Мина явно оживилась после общения с паучихой.

– Можно я помогу ее кормить?

– Конечно.

Мина потянулась, разговоры о еде напомнили про обед. Из раскуроченного рюкзака девочка извлекла еще один батончик.

– Может, нам его разделить? Чтобы на дольше хватило?

– Правильно, – согласился Джин.

Он отставил в сторону коробочку с паучихой и отправился к крану, промыть и наполнить водой бутылочки.

Вернувшись, Джин скрипнул дверью, и Мина спросила:

– А сколько сейчас времени... там?

– Не знаю. Наверное, полдень.

– Думаешь, уроки кончились? Может, уже можно выйти?

– Скоро можно будет.

Дети пообедали, разделив батончик и воду.

– Может, пересадим Леди Мурасаки в одну из бутылочек? – Мина опустошила свою и подняла ее к свету, проникавшему в сарайчик через замызганное оконце. – Можно проколоть дырочки, чтоб она дышала.

– Я собирался их прополоскать и набрать воду в дорогу. А то ты вчера разнылась: «жарко» да «пить хочу»!

– У меня так противно ножки вспотели. – Она посмотрела на брата снизу вверх, все еще сонными после неуютного сна глазенками. – Сколько еще идти до места, где ты живешь?

– Трудно сказать, – видно было, что он волнуется, – я уже так давно ушел оттуда... Вся надежда на то, что Майлз-сан позаботится о моих зверушках.

– Это твой друг, да? С другой планеты?

За полтора дня нелегкого пути Джин потихоньку выложил слишком, как он теперь подумал, много своих тайн Мине. Отчасти чтоб остановить безудержный поток вопросов. В основном, правда, потому, что он так долго не общался ни с какими другими детьми.

– Ага.

А тут еще и провал, полный провал его курьерского задания. Поверит ли Майлз-сан, что Джин не крал денег? Справляется ли он с Вихрем? С этой птицей надо обходиться мягко, но решительно. С цыплятами все обстояло проще, за исключением того, что надо спускаться по лестнице и поднимать их обратно, когда они перепархивают через парапет. Сможет ли Майлз-сан поднять вырывающегося цыпленка по лестнице, с этой своей тростью?

– А у Майлз-сана есть детки? – спросила Мина.

Джин нахмурился.

– Он не говорил. Он взрослый, вроде сказал, тридцать с чем-то. Просто он выглядит... не как все. Не знаю, бывают ли у таких парней девчонки.

Как только все эти наркоманские симптомы прошли, Майлз-сан превратился в милого парня, и улыбка была ему очень к лицу. К тому же он, похоже, понимал Джиново зверье, а значит, для взрослого был весьма неглуп. Джин призадумался, пожелать ему невысокую, заботливую невесту или не стоит.

После длинной, полной раздумий паузы Мина спросила:

– Как думаешь, ему бы захотелось?

– Чего?

– Детей. Ну, вроде... раз он одинок.

В ответ на недоумевающий взгляд Джина, девочка продолжила:

– Мы вот книжку такую в школе читали в этом году, там дядя с Земли усыновил двух сироток. Забрал их с собой, и они увидели все места, откуда пришли наши предки... – И для пущей привлекательности добавила: – И еще у них новые животные появились.

Джин смутно припомнил книжицу. Если бы не она, второй класс в школе мог превратиться в невыносимую тоску из-за начавшегося изучения кандзи. В книжке было полно и всякого вздора, вроде того, как девочке-сироте досталось жутко красивое кимоно. Зато была там глава о поездке на море и как дети повстречали морских животных Земли. Глава оказалась слишком уж короткой, правда, с картинками. А еще там в конце рассказывалось про кошку, у которой появились котята.

- Майлз-сан не с Земли. Он сказал, с Барраяра.
- А это где?
- Кажется, где-то за Эскобаром.

Эскобар, насколько знал Джин, был ближайшим торговым партнером Кибо в ПВ-сети, по кратчайшему многоскачковому маршруту. Первые планеты изучают только в старших классах, на истории галактики. Ну, кроме Земли. Джин много прочитал о Земле, интересуясь зоологией. Вот бы объявился какой-нибудь добрый человек и забрал Джина на Землю... Хотя если подумать, то Барраяр с его двойной биотой выглядел совсем не плохо в описании Майлз-сана.

Внезапно в голове у Джина расцвела такая картинка: чудной коротышка живет себе в полном одиночестве в сельском коттеджике... нет, лучше – в здоровенном, неухоженном старом доме с заросшим садом. Как в книжке про того старичка-профессора, который забрал из города двоих детишек во время войны – только Джин не знал, какой войны. Все, что он знал, это что она произошла еще до того, как людей стали замораживать. Там еще было про лошадь с повозкой и удивительные приключения: и про пещеру, и про белесую, слепую рыбу в ней. Джин как-то раз видел лошадь в нортбриджском зоопарке, когда они всем классом ходили на экскурсию. Детям похрабрее разрешили похлопать гладкую шею, пока сотрудник зоопарка держал поводья. Джину вспомнилось, как здоровенное животное с шумом выпускало воздух из ноздрей, огромных, как трубы, и ему обдавало щеки теплым воздухом. Джин узнал, что есть такие же животные, только поменьше, их разводят специально для детей, и называются они пони. Небольшого Мина бы не забоялась. Огромное животное в зоопарке напугало даже Джина. Правда, тогда он был маленьким... Большой, неухоженный дом, и животные, и...

А, чушь все это. Майлз-сан – не профессор, и не дядя он им никакой, и даже не двоюродный дедушка. Джин просто был уверен, что живет он в городе, в какой-нибудь тесной квартирке, и вовсе он не одинок. А ну их, все эти мечтания о ферме. Только грустно стало. Нахмурившись, он посмотрел на Мину:

- Никто нас усыновлять не будет. Никто нас отсюда не заберет. Все это глупости.

Мина надула губы. Отвернувшись от брата, она принялась натягивать носочки. Заляпаные розовато-коричневыми пятнышками в тех местах, где лопнули ее мозоли, носочки вызвали у Джина чувство вины. Дети обулись. Леди Мурасаки бережно поселили в Милином рюкзаке – Джин убедил ее, что там паучиху будет меньше кидать по коробочке, чем у него в кармане. И они опять отправились в путь.

Первый километр пути по петляющим улочкам Джин силился, но никак не мог отыскать глазами небоскребы в центре города, чтобы сориентироваться. Наконец они добрались до шумной улицы, прямо к входу в метро.

Мина хромала коротенькими шажками. На станционный вход девочка посмотрела долгим тоскливым взглядом.

- Если хочешь поехать на поезде, – она сглотнула, – я заплачу за наши билеты.
- Нет, у полиции есть видеокамеры на всех станциях. Позавчера я попался из-за них. Нам туда нельзя.

Зато Джин вдруг увидел яркий цветной экран снаружи на входном пилоне. Карта! Он осмотрелся в поисках наружных камер наблюдения, не обнаружил ничего угрожающего и двинулся к экрану. Мина плелась следом.

Подсвеченный значок «Вы находитесь здесь» привел Джина в ужас. Они ничуть не приблизились к южной оконечности города, как мальчик надеялся, судя по пройденному расстоянию. Вместо этого они каким-то образом забрели в жилые кварталы на востоке, и до первого кольца промзоны юга оставалось пройти еще километров тридцать – примерно столько же, сколько они уже прошли. Что ж, это объясняет, почему здесь такие милые домики. Джин подошел ближе и прищурился.

Всего в паре станций по этой же ветке находилась станция, от которой он дошел пешком до консульства Барраяра. По поверхности это было что-то около трех километров пути. Джин задумался, разглядывая карту. Он смутно подумывал о том, что отдаст Майлз-сану деньги Мины, когда они доберутся до места. Однако сестренка оказалась весьма прижимистой, по меркам Джина. Она точно разорется по этому поводу, хотя Джин и был уверен, что Майлз-сан вернет деньги, как только сможет. А что, если сначала зайти в консульство и рассказать о пропаже? Ну, может, немного подправив ситуацию в повествовании? Выдадут ли ему еще денег для барраярца? Джину показалось, что Майлз-сан у них – какая-то шишка. А Джина они не сдадут, им ведь надо охранять свои тайны, верно?

От этих размышлений мальчику стало тошно, но не так тошно, как от мысли вернуться к Майлз-сану с пустыми руками, да еще и опоздав на три дня. Он впился глазами в карту, стараясь запомнить улицы и повороты.

– Теперь я знаю, куда идти, – сказал он Мине, стараясь, чтобы это прозвучало уверенно, как и положено говорить старшему брату. – Пошли!

* * *

После того как лимузин «Белой Хризантемы» высадил их у консульства, Роик отправился наверх за милордом. Майлз проглотил две таблетки от головной боли и выпил несколько стаканов воды. Вернувшись в холл на входе, милорд заглянул в комнату, которая показалась Роику чем-то вроде приемной. Там, вытянув утомленные ноги, сидел Ворон Дюрона.

Майлз бросил:

– Общий сбор внизу.

Ворон кивнул и выпрямился, чтобы последовать за ними. По дороге домой почти не разговаривали. Аида сопровождала их на обратном пути. Милорд прикинулся усталым и задремал. Форлинкин, сдвинув челюсти, смотрел в окно. Роик внимательно разглядывал все вокруг, а Ворону просто не хотелось идти против общего настроения. Они спустились к двери комнаты связи и обнаружили ее закрытой и запертой.

Милорд нажал кнопку переговорного устройства:

– Форлинкин, вы там? Открывайте!

– Секундочку, милорд, – донесся из динамика голос Форлинкина.

Секундочка растянулась на несколько минут. Милорд притопывал от нетерпения, Ворон, зевая, присел на ступеньку.

– Напоминает дом с одним туалетом, когда родственники приезжают погостить, – заметил Роик, когда ожидание затянулось.

Милорд сухо посмотрел на него:

– Не знаю. Никогда не жил в доме с одним туалетом.

Роик насмешливо поклонился в ответ.

Наконец клацнул замок, сводчатая дверь распахнулась и консул впустил их. Его голубые глаза лихорадочно искрились, дышал консул прерывисто, словно только что пробежал дистанцию.

– Вы опоздали! – объявил он.

Милорд повел бровью:

– Не в первой. На что на сей раз?

У Форлинкина нервно подергивались губы.

– Я только что отослал кодированным лучом полный доклад обо всем, что видел, генералу Аллегре в генштаб Имперской безопасности на Барраяр! Никогда не думал, что доживу до такого: *Форкосиган* продан за *деньги*! Пусть моя карьера пойдет прахом, но и вам теперь конец, милорд Аудитор!

– Что ж, прекрасно. С *этой* частью разобрались.

Милорд толкнул дверь. Та захлопнулась со вздохом, неспособным передать весь драматизм настроения Форлинкина.

– *Что?*

Форлинкин сжал кулаки.

– Трудно не согласиться, что у каждого есть своя цена, – дружелюбно продолжил милорд. – Уж Винг-сан с этим согласен на все сто. Я-то больше опасался, что, если он не примет наступления сегодня, мне опять придется пережить весь этот парад предложений, как на конференции.

Если консул сейчас же не прекратит вдох, у него легкие лопнут! – подумал Роик и миролюбиво предложил:

– Престаньте дразнить беднягу, милорд!

«Вы ведь уже добились, чего хотели», – не стал добавлять он. Уж очень не хотелось Роику сражаться с консулом на полу, если тот вцепится милорду в глотку. А похоже, на грани такого нападения Форлинкин и находился. Вот интересно, «бесить» – это значит приводить в бешенство или изображать беса? У милорда и то, и другое получается великолепно.

Теряя терпение, милорд выдал:

– Люди вроде Винга не швыряются деньгами понапрасну, Форлинкин. Сначала им надо выяснить, можно ли подкупить объект. Я старался изо всех сил, помогая ему принять положительное решение. Садитесь, консул. Доктор, прошу вас. Настала пора поговорить.

Форлинкин приготовился отпустить какую-то колкость, как вдруг уголки его рта поникли.

– Лорд Форкосиган, так это что, спецоперация?

– Теперь – да. – Милорд вытянул консольное кресло и плюхнулся в него. – Сначала мы не были уверены, поэтому, собственно, меня сюда и прислали. Я мог стать и наживкой, и капканом одновременно. Во всяком случае, если б мы ничего не выгадали, то хотя бы сэкономили Империи деньги на скачковых перелетах.

Форлинкин медленно оседал в кресло напротив. Роик перевел дух и расслабился. Консул в смятении уставился на шифрокомм.

– Милорд... Я уже отправил доклад.

– Не извиняйтесь. Ваш следующий официальный посетитель вполне может оказаться нечистым на руку. Я перед вами также не стану извиняться, если вам от этого полегчает. Я уже имел дело с подкупленным дипперсоналом. Мне нужно было убедиться.

– Так вы меня проверяли?

Неприятный огонек, погасший было в глазах консула, вспыхнул снова.

– Ну а зачем, как вы думаете, я потащил вас сегодня за собой и позволил все это наблюдать?

Форлинкин сжал руки, лежавшие на коленях, в кулаки, однако сразу же разжал их – медленно, успокаиваясь.

– Ясно. Весьма действенный способ.

– Постарайтесь, пожалуйста, успевать за ситуацией. – Милорд подобрел и добавил: – Вам будет непросто, этот случай поставил в тупик многих аналитиков Имперской Службы безопасности. – Он повернулся к Ворону: – Ну а вы что интересного обнаружили во время экскурсии со Сторрзом?

Ворон скривил губы, всем видом выказывая сомнение.

– Не думаю, что увидел что-нибудь новенькое. Вся их криопрограмма вполне стандартна, с технической точки зрения – никаких нареканий. Я попросил показать мне процедуру вывода из криостазы, Сторрз ответил: «Таковых не запланировано», что к тому моменту меня уже ничуть не удивило. Правда, лаборатории для разморозки он мне показал. Выглядят вполне

сносно. Он попытался выяснить, не привлекает ли меня перспектива работы в «Белой Хризантеме», пытался выяснить, сколько я зарабатываю. Я ответил, что в работе для меня привлекательнее разморозка, как более сложная, с медицинской точки зрения, процедура. Он сказал, что поговорит об этом, правда, не уточнил с кем. Потом мы вернулись и присоединились к вашему веселью, когда акробаты сменились клоунами. Как-то так...

Ворон пожал плечами.

Форлинкин только и мог делать, что моргать:

– Лорд Форкосиган, так доктор Дюрона ваш агент?

– Просто нанятый гражданский консультант, – разъяснил ситуацию милорд, – оплачиваемый из моих личных подорожных расходов. Получаете ли вы одновременно заработную плату от Группы Дюрона, Ворон?

Тот ухмыльнулся:

– Это конфиденциальная информация.

– Значит, да. Поэтому если вам понадобится помощь доктора, не стесняйтесь, пусть работает в две смены.

Ворон осклабился, поднялся и ткнул кнопку автомата напитков, удобно расположенного возле шифрокомма и пульта спутниковой связи. Судя по запаху, автомат выплюнул что-то кофеподобное. Ворон взял чашечку и вежливо предложил Роику свое кресло, тот столь же вежливо отказался и занял позицию, подперев стену и скрестив руки на груди, явно подражая бывшему шефу Имперской Службы безопасности.

– Поясню, Форлинкин, чтобы вы нас поскорее догнали, – продолжил милорд. – Служба безопасности проверила «Белую Хризантему» и убедилась в полной чистоте их бизнеса, как только авангард криокорпорации появился на Комарре полтора года назад. Правда, СБ интересовалась их связями на предмет военного шпионажа и тому подобного. Бизнес-план «Хризантемы» прошел все проверки на Комарре, и работа закипела. Никто бы на них еще сто лет внимания не обратил, если б не старые добрые родственные связи.

За последние несколько месяцев, когда заканчивалось строительство головного предприятия, которое Винг показывал нам вчера в своей презентации, передовая группа продаж «Белой Хризантемы» начала заключать контракты с будущими клиентами. Совершенно естественно, что целевой аудиторией оказались столичные старушки, представительницы среднего класса Солстиса, завсегдатайки женских клубов. В то же время другая группа занималась продажей ограниченного пакета акций богатейшим и наиболее влиятельным комаррцам, чтобы заинтересовать власть имущих в успехе своего предприятия. Боюсь, что обе эти группы продаж не стали утруждаться сверкой списков клиентов, либо просто не подумали, что некоторые старушки – бывшие торговки, у которых в бухгалтерском отчете и комар носа не подточит.

И вот глядит одна из таких старушек на оба контракта перед собой и говорит: «Чем-то тут пахнет, правда, не пойму чем». Тогда она несет контракт к любимой внучатой племяннице, а та ей и говорит: «Ты права, тетушка. Чем-то тут пахнет, правда, не пойму чем». И, в свою очередь, несет этот контракт своему любящему мужу, больше известному под титулом императора Грегора Форбарры. А тот уже передает бумажку своему преданному Имперскому Аудитору со словами, цитирую: «Держи, Майлз. Никто другой не умеет нырнуть в дерьмо и вынырнуть оттуда с драгоценностями, как ты. Дерзай». А я отвечаю: «Благодарю, сир!» – и лечу на Кибо-Даини.

Форлинкин закрыл глаза. Надолго. А Роик отметил про себя, что императрица, прозорливая комаррианка, судя по всему, может оказать Барраяру больше услуг, нежели только произвести на свет, в сотрудничестве с императором, несколько пугающе мудрых детишек.

– Ну и еще один момент, – продолжил Майлз небрежно. – Богатые комаррские старики – прекрасный источник излишков голосов избирателей всей планеты. Ворон, вам нужно объяснять, что это значит?

– Да, пожалуй, – ответил Ворон, усаживаясь с крайне изумленным видом.

– Их избирательная система, как и все остальное, пережиток истории колонизации Комарры. Планета до сих пор не обжита, хотя долгосрочное терраформирование на ней ведется, все поселения находятся в герметичных аркологиях – Куполах.

– Это мне известно...

– Естественно. Так вот, с целью развития Куполов ранние комаррские колонисты ввели систему поощрений. В дополнение к неотторжимому личному праву голоса, с которым рождается и умирает каждый комарец, колония присуждает добавочные голоса тем, кто трудится и рискует ради расширения жизненного пространства. Такие голоса можно унаследовать, обменять, продать, накопить, в конце концов. Основа комаррской олигархии в том виде, в котором она сейчас существует, это кланы, обладающие «акционерными» пакетами таких общепланетных голосов. Так что формально на Комарре демократия, а в реальности же голоса некоторых ощутимо «равнее» голосов других. Излагаю ясно?

Ворон кивнул.

– Значит, – сообразил наконец Форлинкин, который как-никак провел два года на Кибо-Даини и наблюдал это все своими глазами, – вы полагаете, что «Белая Хризантема» планирует скупить голоса оптом?

– Да. Теперь – да. Не забывайте, что у Комарры – богатая история мухлевания с избирательной системой. За долгие годы они создали множество законов, чтобы обходить законы. Помимо прочего, закон гласит, что корпорации напрямую не могут владеть голосами избирателей, голос принадлежит гражданину индивидуально. Существует проверенный институт выборщиков и тому подобное. Контракты «Белой Хризантемы» прошли освидетельствование всевозможных комаррских инспекций, однако, если бы у кого-нибудь возникли хоть какие-то сомнения по поводу чистоты сделки, проверки бы продолжились.

Две мои рабочие гипотезы состоят в следующем. Первая. «Белая Хризантема» подкупила кого-то из инспекторов на Комарре. Теперь я вижу, что это весьма возможный вариант. Вторая. Они просчитали какой-то обходной вариант в законодательстве, чтобы скрыть свои истинные намерения, пока не станет слишком поздно. Впрочем, осуществляться могут оба плана одновременно.

Роик подумал, что не стоит, пожалуй, милорду рассказывать об этом с таким восхищением в голосе, учитывая, что Форлинкин еще не совсем отошел после удара. Но это же милорд! Кто ему указ?

– Есть, правда, нечто, что заставило меня призадуматься. Такая схема не способствует мгновенному обогащению. Даже если комаррская система долевого голосования ускорит процесс многократно по сравнению с тем, как идут дела на Кибо. Маржа прибыли в сфере услуг – если это можно назвать сферой услуг – тонюсенькая. А «Хризантема» сорит деньгами, как надрвавшийся Фор. К чему такие сложности, если ты не доживешь до прибылей? Я не понимал этого до последнего момента, когда Винг признался сегодня вечером, что и сам решил: когда настанет время, его заморозят на Комарре.

Милорд обвел всех победным взглядом, словно ожидал аплодисментов от аудитории. Похоже, он весьма расстроился, когда вместо аплодисментов получил недоуменное внимание трех пар глаз.

Он вздохнул. Видно было, что лектор понял свою ошибку.

– Так, Майлз, поехали сначала. Как мне кажется, сейчас они проворачивают жульническую схему с двойным дном. Полагаю, что в «Белой Хризантеме» имеется внутренний, закрытый круг управляющих кадров, которые собираются пролежать долгие годы в криостазе, а потом, когда настанут жирные времена, их разморозят. Думаю даже, если они не дураки, то в криостаз будут ложиться по очереди, чтобы кто-то из «группировки» всегда был на страже общих интересов. Пока они спокойно, планомерно и бескровно будут скупать Комарру. А

может, и не бескровно – в зависимости от того, считать ранний криостаз убийством, самоубийством или вообще не считать преступлением. Перед нами план самого медленного, самого скрытного и, не могу не заметить, самого жуткого из когда-либо осуществленных завоеваний планеты.

Даже Форлинкин, услышав это слово, подпрыгнул, в ужасе раскрыв рот.

– Завоевание!

– Не знаю, как еще это назвать. Но мне нужно соединить между собой еще целую чертову прорву точек, прежде чем поставить последнюю в этом расследовании. Необходимо сейчас же запустить все имеющиеся в консульстве поисковики, главная цель – составить список персонала «Белой Хризантемы», людей, которые недавно перевели все свои активы в «Белую Хризантему Солстиса» и собираются вскоре сами туда отчалить. Судя по всему, есть основания предполагать, что это может оказаться заговором внутри «Белой Хризантемы» – этакая группировка, которая раздирает компанию, чтобы самим свить уютные гнездышки.

– Ух ты! – восхищенно присвистнул Ворон.

Милорд наградил его радостной улыбкой.

Форлинкин запустил пальцы в волосы на голове.

– Как же нам прижать негодяев? Подкуп Имперского Аудитора – страшнейшее преступление на Барраяре, но мы-то на Кибо-Даини! Даже если это доказуемо, хотя, боюсь, мои показания сочтут необъективными, сомневаюсь, что Винга сильно накажут. Ну, максимум шлепнут по рукам.

– Вообще-то, я бы предпочел, чтобы ни одна душа на Кибо не заподозрила, что мы их раскрыли. Идеальный план мщения таков: пусть «Белая Хризантема» запустит руку в корзину печенья на Комарре так, чтобы не смогла ее оттуда выдернуть. А потом мы отрубим ее по локоть, изменив действие контрактов как раз настолько, чтобы они отказались от накопления чужих голосов. После чего они останутся тем, чем они и прикидывались: низкоприбыльной компанией по оказанию услуг. Вот это будет по-настоящему больно. А какой урок остальным! Силовая национализация – как крайний вариант. Зато взбесит все бизнес-сообщество на Комарре, вне зависимости от того, как закон посмотрит на этот конкретный случай. Потребуется провести целое научное исследование. Боюсь, без него мы по уши погрязнем в юристах, но, если повезет, моя часть работы к этому моменту уже будет сделана.

Милорд посмотрел на Форлинкина:

– Так-с. Какого вы мнения о лейтенанте Йоханнесе? Он молод, а значит, беден и легковерен. Надежный ли он человек?

– Я... – Форлинкин замялся. – У меня никогда не было причин сомневаться в нем.

– А ваш клерк? Этот местный... Юуити... как его там... Мэтсон?

– В нем у меня также не было причин сомневаться. Впрочем, мы раньше никогда не сталкивались с подобными проблемами.

– Просто вы о них не знали, – вздохнул милорд. – Тем не менее обычные визы персоналу «Белой Хризантемы» выдавались консульством все это время.

– Да, но мы ведь только и спрашиваем: «Рабочую или туристическую?» Ну, проверяем поверхностно на предмет уголовного прошлого.

Милорд задумчиво прищурился:

– Думаю, может, стоит добавить клеточку для галочки: «Цель путешествия – изощренный захват планеты». Нет, пожалуй, не стоит.

Форлинкин, едва двигая челюстями, спросил:

– Что, если бы я не попытался вас только что заложить?

– Тогда мы бы сейчас обсуждали вас наравне с остальными преступниками. Я бы искал способы, как вас наказать. Попутно.

Милорд потянулся и расправил плечи. Роик почувствовал, что Форлинкин наконец-то задумался.

– Так, а теперь ко второму вопросу, – начал было милорд. Его тут же прервал перезвон колокольчика у наглухо запечатанной двери.

Из интеркома раздался голос лейтенанта Йоханнеса:

– Консул? Лорд Форкосиган?

– Слушаю, – отозвался милорд.

– М-м... Ваш детсадовский курьер только что объявился у черного хода. И не один.

Брови милорда взлетели вверх, у Форлинкина – сдвинулись. Ворон с любопытством наклонил голову.

– Не упустите его, Йоханнес, – приказал милорд. – Мы идем.

Дав Роику знак открыть дверь, милорд схватил трость и, орудуя ей как рычагом, поднялся на ноги.

Глава девятая

На кухне консульства было совсем по-домашнему, ну разве что многовато свободного пространства, по Джиновым меркам. Может, уютно было оттого, что за окном, выходящим в сад, висел прохладный сумрак, а по кухне разливались тепло и свет. А может, кухня выглядела кухней потому, что в раковине высилась груда посуды. Будто сюда можно зайти вот так, запросто, перекусить, и никто не будет на тебя орать. Однако Джин беспокойно заерзал, услышав на лестнице, ведущей в подвал, топот многих пар ног. Когда Мина сунула ручонку ему в ладонь и вцепилась в брата что есть сил, Джин не стал противиться.

Джин несмело постучал. Дверь открыл лейтенант Йоханнес и, едва глянув на посетителя, воскликнул «Ты!», втолкнул обоих детей внутрь, хоть и покосился на Мину непонимающе, бросил: «Ждать здесь! Не двигаться!» – и затопал вниз по лестнице, не успев Джин и трех слов выдать из хорошо отрепетированной речи о том, как в полиции у него отобрали все деньги Майлз-сана.

Поэтому появление консула Форлинкина со взглядом крайне суровым не было неожиданным для ребенка. Зато позади консула высился наигромаднейший барраярец, когда-либо виденный Джином. Тот приходился на полголовы выше высоченного консула. В одежде, напомнившей Джину военную форму, с коротко стриженными волнистыми каштановыми волосами, уверенным квадратным подбородком, он казался старше Йоханнеса, но моложе консула. У Мины при взгляде на него отвалилась челюсть.

Барраярец настолько заполнил то, что мгновение назад казалось просторным дверным проемом, что Джин лишь через какое-то время разглядел стройного человека с аккуратной темной косой и тут же, позади всех, Майлз-сана.

Коротышка растолкал их плечом и подошел к Джину. Опрятно одетый, он выглядел совсем по-другому. Взрослее, что ли. Джин даже перепугался, да так, что на пару мгновений даже онемел. А потом набрал полные легкие, да как завопит:

– Мои зверушки! Вы же обещали позаботиться о них!

Майлз-сан успокаивающе поднял руку:

– Они в добром здравии, Джин. Я прождал тебя до полуночи, а потом передал все твои инструкции относительно них Аكو. Она с радостью взялась за дело, когда узнала, что я отправляюсь искать тебя.

– Как же вы добрались сюда?

– Пешком. Всю ночь шел.

Из-за спины Джина раздался любопытный голосок:

– Вы тоже потерялись?

– И вовсе мы не потерялись, – не согласился оскорбленный Джин, – просто немного не там повернули.

– А кто эта юная дама? Боюсь, нас не представили.

– А, это сестра, – буркнул Джин. – Я ее сюда не звал.

– У меня имя есть, – заметила девочка. – Мина. Хотите посмотреть на мои мозоли?

Майлз-сан и глазом не моргнул.

– Конечно. Большие? Уже лопнули?

– Ага! У меня от них все носки в крови.

– Мисс Мина, присядьте, пожалуйста, сюда, – Майлз церемонным движением вытянул табуретку и полупоклоном пригласил Мину сесть, словно настоящую взрослую даму, – и покажите ваши мозоли. – И сразу бросил через плечо: – Йоханнес, найдите чего-нибудь поесть для детей. Печенье. Молоко. Пряники. Что угодно.

– А вы тот самый приятель Джина с другой планеты? – спросила Мина, стряхивая кеды и потянув заляпанные носочки. – Он мне все о вас рассказал.

– Правда? – Майлз-сан опустился на колени и помог стянуть носочки. Мина ойкала, когда вместе с ними отваливались засохшие струпья. – Вот это да! Ну и мозолищи, верно?

Он поднял глаза на Форлинкин-сана и, едва кивнув головой, отправил консула искать что-то на другом конце кухни.

– Тетушка Лорна покупает всю обувь на вырост, – объясняла Мина Майлз-сану, – поэтому они так на ногах и болтаются.

Лейтенант Йоханнес, без энтузиазма разглядывая содержимое холодильника, предложил:

– Пиво?

– Ты любишь пиво, Мина? – поинтересовался у девочки Майлз-сан. Та энергично замотала головой, так что прямые черные волосы зашлепали по подбородку. – Я почему-то так и думал. Придется что-то изобрести, Йоханнес. Разве посольские атташе не проходят подготовку в школе СБ? Импровизируйте!

Йоханнес пробормотал что-то сквозь зубы, совсем неразборчиво. Во всяком случае, Джин не понял. Затем лейтенант провел мини-опрос среди присутствующих, выяснил, что пицца с осьминогом без лука устроит всех, и кинулся выполнять заказ. Форлинкин вернулся с аптечкой в руках, передал ее стройному с косой, который совсем не был похож на барраряца, однако и говорил не так, как говорят на Кибо.

Мина нагнулась к Майлзу и обеспокоенно шепнула на ухо:

– А во-он тот здоровяк, он ведь не полицейский, правда?

– Когда-то был полицейским, – серьезно шепнул Майлз в ответ, – теперь работает на меня. Увы, оруженосцу Роику пришлось поступиться многими принципами полицейского, когда он поступил на службу ко мне.

Здоровяк скромно улыбнулся Мине.

Девочка успокоилась, села на стульчик и позволила стройному, которого Майлз назвал Вороном и представил врачом с Эскобара, заняться ее ножками. Форлинкин внимательно наблюдал за процедурой, хмурился, но наконец вроде бы остался доволен продемонстрированными врачебными навыками и выпрямился, прищурившись на Джина. Здоровяк, названный оруженосцем Роиком, наполнил два стакана водой и поставил на стол. Мина схватила свой и жадно выпила, Джин осторожно последовал ее примеру.

Когда наконец сухой комок, имеющий, кстати, мало общего с жаждой, растворился в горле, Джин вновь принялся объяснять, что случилась с консульскими деньгами. Форлинкин поморщился, услышав о версии насчет наркоторговцев, но Майлз-сан жестом остановил его, и консул дал Джину довести свой сбивчивый рассказ до конца, а уж потом проговорил:

– Мы знаем. Мы проследили за конвертом до самого хранилища вещественных доказательств в полиции. Видели и сообщение о твоём аресте.

Значит, они ему все-таки верят! Ну, это уже кое-что.

– Ага, – вмешался Майлз-сан, – и я просто уверен, что консул очень благодарен тебе за то, что ты держал язык за зубами и его репутация не пострадала. Не правда ли, Форлинкин?

Форлинкин поджал губы. На лице его было трудно прочесть благодарность, однако консул выдавил:

– Конечно.

Затем прозвучала серия мастерски заданных вопросов. Некоторые – Джину, хотя многие достались Мине. В результате опроса Джин нехотя признал, что Майлзу удалось вытянуть всю и полную историю Джинова побега от тетушки с дядюшкой. Когда вернулся Йоханнес с целой грудой коробок пиццы, двумя литрами молока и пивом, Джин понял, что Майлз-сан выведал абсолютно все о тетушке Лорне, дядюшке Хикару, кузенах Тецу и Кене. Джин чувствовал себя просто голым.

Майлз-сан подставил табуреточку к раковине и заставил Джина с Миной вымыть руки, затем и сам вымыл, словно следуя хорошему примеру. Йоханнес только рот раскрыл, когда Майлз влез на ту же самую табуретку. Однако лейтенант глянул на каменное лицо Роика и прикусил губу. Затем Майлз-сан, консул, Джин и Мина уселись вчетвером за стол, а значит, заняли все стулья. Роик и остальные прислонились к стойке. Поставив пиццу и рулон одноразовых салфеток на стол, лейтенант сообщил:

– Я посмотрел новости по комму. Оба ребенка в розыске со вчерашнего дня. Значит, их сейчас разыскивает каждый полицейский в городе.

Консул Форлинкин тяжело опустил лицо в ладони.

Джин подскочил в волнении:

– Не сдавайте нас!

Майлз жестом вернул его на стул.

– Никто ничего не предпримет, пока мы не поедим. – Взглянув на ароматные яства, спросил: – Как? Без овощей? Разве вам обоим не нужно есть овощи?

– Нет, не нужно! – ответила Мина.

Джин выступил в поддержку, энергично помотав головой.

Майлз попробовал кусочек.

– А и впрямь не надо. И так полезно. И вкусно.

Мину уговаривать не пришлось, она с готовностью запустила зубки в первое за два дня горячее блюдо. Джин, изнемогая от запаха, последовал ее примеру. Ох, и вкусная была консульская пицца! Не чета замороженным продуктам от тетушки Лорны... Консул едва прикоснулся к пиву, Майлз-сан выбрал воду, а здоровяк Роик сильно удивил Джина тем, что, налив молока Джину и Мине, наполнил стаканчик и себе.

Все это вполне могло бы отвлечь внимание и успокоить мальчика, если бы не Форлинкин. Проглотив первый же кусочек, он заявил:

– Консульство не может скрывать беглецов, лорд Форкосиган. Опекуны, должно быть, сходят с ума.

– А мы и не хотим здесь оставаться, – сказал Джин. – Мне нужно спешить к своим животным.

Майлз-сан сделал в воздухе жест надкусанной пиццей:

– А если мы даем убежище?

– Если это шутка, то не смешная, – ответил Форлинкин. – Вы хоть чуть-чуть представляете, насколько сложны юридические препоны, когда речь идет о политическом убежище для несовершеннолетних?

– Смею заверить, я не шучу, – мягко сказал Майлз, – однако давайте подождем, пусть дети поедят.

Форлинкин выпятил челюсть, кивнул. После того как Джин и Мина наелись, а Йоханнес раздал еще салфеток и по-домашнему убрал остатки еды в холодильник, Майлз-сан откинулся в кресле и предложил:

– Давайте-ка все переберемся вниз. Там кресла поудобнее.

Остальные баррарцы как-то странно на него посмотрели. Джин же, припомнив любимый послеобеденный лозунг дядюшки Хикару («*Ну, с трибуны – в ложу!*»), полностью согласился с предложением. Однако спустившись вниз, неспешно следуя за Майлзом, Джин обнаружил в комнате лишь четыре кресла. К тому же все какие-то офисные, вращающиеся. Майлз-сан жестом указал на два кресла, усадив в них Джина и Мину, сам занял третье, предоставив оставшимся троим мужчинам разобраться самим. Йоханнес присел на краешек длинного стола у стены, Ворон-сенсей устроился так же, Форлинкин, поджав губы, занял четвертое кресло.

– Вот забавная комнатка... И комм-пульт здесь есть, – заметила Мина, разглядывая все вокруг и болтая ножками. На ножках теперь красовалась пара носочков – подарок от Майлза,

чтобы не испачкать бинты. Когда Роик закрыл дверь и вежливо сел у входа, скрестив ноги, в комнате стало вдруг так тихо, что Джин в первый раз подумал: а не подверг ли он сестру опасности, приведя сюда? И совсем не выдачи полиции он теперь опасался. Майлз-сану вроде бы можно доверять. Иначе Джин схватил бы сестру и бросился к выходу. Только вот если взглянуть на дверь и на Роика... Не поздно ли он задумался о побеге?

Майлз-сан сложил ладони между коленями и начал:

– Дети, секретарь Сьюз рассказала мне кое-что о вашей маме. Поэтому, вернувшись сюда, я поискал информацию о ней в планетарной сети. И обнаружил много любопытного. Никак не могу разобраться, почему ее заморозили. Ее, не больную и не умирающую, даже не осужденную за преступление.

Вкусный обед в желудке Джина вдруг превратился в свинцовый груз.

– Что вы – вы оба – помните о маме? – продолжил Майлз-сан. – Только не как о маме, а скорее о ее работе, интересах. Особенно о том времени, когда ее арестовали.

Джин и Мина грустно переглянулись. Джин ответил:

– Маме редко говорила с нами о работе. Когда у нее были дела, просто оставляла нас у тетушки Лорны, если я не был в школе. Тогда оставляла только Мину.

– Тетушка Лорна не очень-то любила с нами сидеть, – добавила Мина.

– Угу. Говорила, я, мол, не нанималась и нечего на меня такую работу навешивать.

– А еще говорила, что папу ей, конечно, жалко, но если б мама действительно нас любила, то сама бы с нами дома сидела.

Мина отвернулась, насупив бровки.

Джин торопливо добавил:

– Она так говорила, только когда уж очень поворчать хотела.

Не то чтобы он вдруг возлюбил тетушку Лорну – просто эти барраярцы все же были чужеземцами. Как-то странно говорить с ними так о своей семье. А еще мама всегда учила поступать по справедливости.

– Разве мама никогда не брала вас с собой на свои собрания?

Мина покачала головой:

– Она сказала, это не для детей. И еще, что нам будет скучно и мы начнем шуметь.

– М-да... – Майлз-сан потер подбородок. – Мне в возрасте Джина частенько позволялось принимать участие в отцовских совещаниях с его э-э... коллегами. А дед, в свою очередь, брал на такие совещания отца. Я очень многому научился, просто общаясь, варясь в общем котле. Тогда я этого еще не понимал. Конечно, от меня требовалось либо помогать, либо помалкивать. Иначе меня, естественно, выдворяли.

Джин нахмурился.

– Нельзя просто выйти, и все. Мы же были не дома. Маме бы пришлось отрываться от дел и отвозить нас домой.

– Разве она не могла приказать... А, ладно. А дома у вас таких собраний не проводилось? По вечерам, например?

– Да у нас и места столько в квартире не было.

– Что же, никто не приходил в гости? Вообще никогда?

Джин отрицательно покачал головой. Заговорила, к его удивлению, Мина:

– Приходили один раз ее знакомые дяденьки. Очень поздно приходили.

– Когда же это было?

Мина облизала нижнюю губу.

– Ну, еще до ареста.

– Незадолго до?

– Вроде бы незадолго.

– Я такого не помню, – вставил Джин.

Мина вскинула голову:

– Потому что ты спал!

– А что разбудило тебя? – поинтересовался Майлз-сан.

– Они спорили на кухне. Так громко, что я испугалась. И еще мне надо было в туалет.

– А ты помнишь, о чем они спорили? Хотя что-нибудь, о чем они говорили?

Мина наморщила лобик.

– О корпорациях там... о деньгах. Да они всегда разговаривали о корпорациях и о деньгах, только в тот раз сильно расшумелись. Джордж-сан так говорил, что аж прямо громыхало, а мама быстро говорила, громко очень. Только вот совсем не как сумасшедшая. А новый дяденька вопил что-то вроде: «Это не временное пере... препятствие! Это поставит все корпорации на колени!» А потом он вышел в коридор, тоже в туалет, и натолкнулся на меня. И тогда мама дала мне мороженого, а потом положила спать и сказала оставаться в постельке.

– А ты знаешь этих людей? Ты их раньше видела?

Мина кивнула:

– Знаю Джордж-сана, хороший дядя. Он часто за мамой заезжал. И старенькую миссис Теннодзи знаю, она всегда надушенная. А новенького они называли Либер-сенсей.

– А остальных ты по именам помнишь? А ты, Джин?

Оба покачали головами. Майлз-сан попробовал подсказать:

– Может быть, Джордж Суваби?

– Может, и был такой, – неуверенно ответила Мина.

– Период времени, о котором ты рассказываешь, очень интересен. И персонажи тоже. Чую, есть здесь подвох, ой какой подвох! – Майлз-сан встал и принялся вышагивать по комнате взад и вперед. Шикарную трость (не ту, вырытую из горы отбросов у Сьюз) он оставил у кресла. – Имена Суваби и Теннодзи всплывали в просмотренных мной отчетах. А вот доктора Либер там, признаюсь, не было. Интересное отсутствие, не правда ли? И главное, не вызывает отсутствия интереса! Интересно, кто же этот доктор?

Голос Форлинкина прозвучал, словно консула втягивали во все это помимо его воли:

– Можно ведь разыскать их и узнать больше.

– Только не Суваби и Теннодзи – эти мертвы. По-настоящему гниют в земле. Насчет доктора даже не знаю. Наверно, его и след простыл. Вряд ли мы его найдем, если Либер улетел на другую планету или ушел в глубокое подполье, чтобы спрятаться от корпораций. Куда как результативнее разбудить Лизу Сато и спросить у нее.

Мина ахнула и вскочила на ножки, уставившись на Майлз-сана безумными глазенками:

– Вы и вправду можете вернуть мамочку? Вправду?

Майлз сообщил, что сказал.

– Э-э...

Сердце Джина замерло в груди. Его чуть не стошнило от умоляющего взгляда Мины.

– Нет, конечно, он не может этого сделать. Это просто глупая шутка, – сердито ответил он.

Рука Майлза потянулась к груди и схватила что-то под сорочкой. Словно кулон, показалось Джину.

– Проклятье! На Барраяре я бы просто *приказал*!

– Мы не на Барраяре, – почти беззвучно заметил сержант Роик.

До этого Джин и не слышал, чтобы здоровяк говорил.

Майлз-сан отмахнулся: «Да, да...» Джин, правда, не понял – то ли соглашаясь, то ли нет.

На Мину было жалко смотреть, губы ребенка дрожали.

– Так очень... очень нехорошо шутить. Если не можете этого сделать, то зачем вообще говорить...

– Так шутить, конечно, нельзя, – ответил Майлз, глядя по какой-то причине в глаза Ворону. – Можно ли мне было вообще говорить об этом? С технической точки зрения?

Ворон-сенсей почесал подбородок.

– С технической – можно. Однако прошу покорнейше простить, если я не прав, но медицинский аспект данного вопроса – наименьшая из наших забот.

Майлз-сан простил Ворона мановением руки.

– Если конечно предположить, что, во-первых, криоподготовка была проведена корректно... Если она вообще имела место.

Майлз-сан снова заходил из стороны в сторону, прищурившись и размышляя вслух:

– Гм... Не вижу причин, почему бы криоподготовка не была проведена. Прошу заметить, мы не только не на Барраюре, но и не на Архипелаге Джексона. Что нам понадобится для операции? С технической точки зрения?

– Прилично оборудованная лаборатория для вывода из криостаза. Для этой процедуры мне бы не хотелось пользоваться тазом для стирки здесь, в подвале консульства. Конечно, если мы хотим избежать осложнений.

– Нет, никаких осложнений мы допустить не можем. Подчеркиваю, никаких.

Он украдкой глянул на Джина и Мину.

Ворон-сенсей кивнул.

– Потребуется стандартное медицинское оборудование и материалы, искусственная кровь, ну и так далее.

– Если бы я нашел вам лабораторию, смогли бы вы раздобыть необходимые материалы?

Ворон-сенсей унесся взглядом в дальние дали.

– Законным образом или как?

Молчание.

– Не имея, в сущности, ничего против законных способов как таковых, я, тем не менее, не могу позволить себе роскошь оставлять следы, по которым нас можно будет легко вычислить. Так что альтернативные поставщики вполне сгодятся. При условии, конечно, что их товар – надлежащего качества.

– Это само собой разумеется. А каким образом мы можем заполучить нашего клиента под свою опеку?

Теперь в дальние дали унесся взгляд Майлз-сана.

– Вот тут есть над чем поразмыслить...

– Лорд Форкосиган, – прервал его Форлинкин, – о чем вы, черт подери, тут рассуждаете!

Джин опять не понял: то ли Форлинкин действительно не знает, то ли знает, но хочет поспорить. Очень хочет.

Майлз вновь сделал жест рукой:

– За сколько ниточек в этом клубке загадок Кибо-Даини не потянешь, все они, похоже, ведут к Лизе Сато. И дальше не распутываются. Полагаю, я смог бы разрубить весь этот узел одним махом, будь у меня возможность ее допросить. В смысле, поговорить с ней. Что-либо обещать мне кажется преждевременным, но чем больше я об этом размышляю...

– Преждевременно! Да это просто безумие!

Майлз-сан взглянул на консула ободряюще.

– Подумайте, Форлинкин. Ведь это разом решит все ваши проблемы с эмиграцией детей. Их мать – ближайший взрослый родственник.

– С каких это пор проблемы стали... Ладно, молчу.

На лице Майлза блеснула какая-то странная улыбка, которую Джин не понял.

– Вот и замечательно, Форлинкин.

– Да о чем вы все талдычите?

Мина была готова разреваться.

Улыбка вмиг сбежала с лица Майлза, он упал на колено перед креслом девочки.

– Сейчас все объясню. Видишь ли, Мина. Меня сюда прислало мое правительство. Прислало распутать хитроумные, гадкие махинации, которые одна из криокорпораций Кибо пытается провернуть на планете моей империи. Думаю, твоя мама может ответить на мои вопросы или, по меньшей мере, рассказать мне много нового. А еще так уж случилось, что доктор Дюрона, – Ворон-сенсей мило помахал Мине длинными пальцами, – один из лучших специалистов по разморозке. Он работает на меня, вот мне и пришла в голову такая мысль. Пони-маешь, прежде чем я возьмусь за то, чтобы вернуть твою маму, необходимо обеспечить три вещи. Во-первых, нужно исключить любую опасность с медицинской точки зрения. Думаю, это – задача для Ворона. Во-вторых, необходимо найти маму и увезти оттуда, где она сейчас находится, так, чтобы и травинка не шелохнулась. Это – моя задача. А после необходимо защитить ее от возможного ареста и повторного заключения, иначе все наши труды пойдут насмарку. И эту задачу мы возложим на консула Форлинкина.

От такой новости Форлинкин приобрел вид слегка обалдевший. Однако стоило ему поймать напуганный взгляд Мины, и консул ответил девочке беззаботной улыбкой. Первой, осветившей его лицо, заметил Джин. Ох уж эти девчонки! Джина-то никто не одаривал такими улыбками, когда мальчик пугался. Обычно лишь брезгливо и сурово советовали не распускать нюни.

– Кстати, Форлинкин, – бросил Майлз через плечо уже сухим тоном, – каковы ограничения политической и юридической протекции, которую консульство может оказать госпоже Сато, когда... э-э... та освободится от опеки? Вы ведь не полноправное посольство, не так ли?

Форлинкин неохотно пояснил:

– Если говорить о бюджете, то мы скорее отделение посольства на Эскобаре. Но, с юридической точки зрения, мы – более чем консульство, так как являемся единственным постоянно действующим представительством Барраяра на Кибо. Так что вопрос может оказаться весьма спорным.

– Весьма спорные вопросы требуют много времени на разрешение. Что ж, может, это именно то, что надо.

Майлз-сан вновь поднялся и зашагал по комнате.

Мина утихомирилась в своем вращающемся кресле. На лице застыла надежда пополам с непониманием. Джин вдруг почувствовал, что вцепился в подлокотники кресла с такой силой, аж ногти побелели, и медленно ослабил хватку. Крик Мины вихрем вертелся в голове: «Вы можете вернуть мамочку? Вправду? Вправду, можете? Вправду?» Да что этот чужак-коротышка о себе возомнил? Джин решил, что работа Майлза как-то связана со страховкой: тот сказал, что прилетел сюда делегатом на конференцию. Вроде бы не доктор, при этом все зовут его Аудитором. Наверно, страховой агент. Нет, это как-то скучно. Скорее агент по мошенничеству со страховкой. Во всяком случае, о мошенничестве он, похоже, знает много.

– Сначала – о главном. Йоханнес, какими транспортными средствами располагает консульство?

Йоханнес вздрогнул, словно сидел себе спокойненько, смотрел пьесу, и вдруг один из актеров со сцены его окликнул.

– Э-э... У нас есть штатный лимузин, большой флаер и мой личный гравибайк.

– Большой флаер вполне подойдет. Тогда завтра берем Джина и Ворона и отправляемся за Джинovým зверьем, чтобы мальчик перестал о них постоянно волноваться. Да и моя совесть будет чиста.

Потрясенный и смущенный, Джин поднял глаза. Разве барраярцы не собирались его отпустить? С другой стороны, если животные будут с ним и при этом не надо будет идти ни в школу, ни к тетушке Лорне, какая разница, где оставаться?

– Вообще-то, консульство не предназначено для содержания зверинца, – подал голос Форлинкин.

– Да им здесь будет как раз очень здорово, – уверил его Джин, в страхе снова потерять зверье. – Здесь так много места, а двор обнесен оградой. И вовсе они вам не помешают.

– А какие... Ладно, молчу. Продолжайте, лорд Форкосиган.

– А я в то же время вместе с Вороном навещу Сьюз сотоварищи, проинспектирую лабораторию. Может быть, нам удастся избежать переоборудования прачечной консульства в лабораторию по выводу из криостаза? – Правда, прозвучало это так, словно подобное переоборудование не остановило бы его надолго. – Будем надеяться, у Сьюз есть лаборатория, подобная той, что мы видели сегодня. Если, конечно, там не все разрушено.

Джин с сомнением заметил:

– Если хочешь получить что-нибудь от Сьюз-сан, лучше разговаривать с ней с утра пораньше, пока трезвая.

– С этим мы справимся, – ответил Майлз, – и тогда, если оборудование окажется пригодным к работе, можно сделать следующий шаг.

– В чем состоит следующий шаг?

Голос Форлинкина звучал зачарованно. Словно он наблюдал автомобильную аварию. В замедленном изображении. Изнутри салона.

– Доставка госпожи Сато.

– Как?

– Мне придется еще кое-что разузнать, чтобы выработать оптимальную стратегию. Согласно данным, находящимся в общем доступе, она содержится на территории «Нового Египта» здесь, в «Криополе», в Нортбридже, что очень даже удобно. – Губы Майлз-сана растянулись в хищной улыбке. – Вспомним старые добрые времена.

Роик встревоженно выпрямился:

– А что там Рон Винг говорил насчет торговли контрактами? Может, у нас получится... ну, не знаю... выкупить ее, что ли? Тихо, мирно и, так сказать, через кассу. – Потом подумал и добавил: – Или пусть из-под полы, но тоже тихо и мирно.

Майлз-сан даже приостановился, захваченный такой идеей.

– Весьма изобретательно, Роик. Однако следует помнить: она не просто клиент с криоконтрактом. Боюсь, стоит кому-то проявить интерес к Лизе Сато, и его не оставят без внимания. – Он продолжил вышагивать по комнате. – Хотя эту идею стоит припасти. Можно будет ей воспользоваться, заметая следы задним числом.

Роик вздохнул.

– В идеале, – продолжил Майлз-сан, – все нужно организовать так, чтобы ее вообще не хватились.

– Криохранилища коммерческие, поэтому хорошо охраняются и постоянно проверяются, – сообщил Ворон-сенсей. – Придется как-то обмануть датчики состояния пациента. Либо примитивно подсунуть им другого криопациента. Тогда датчики будут показывать то, что надо, а правду они узнают, только когда вытащат и развернут замороженного.

Майлз-сан наклонил голову набок, словно Вихрь над лакомым кусочком мяса.

– Сыграем в старый добрый наперсток, а? Что ж, может оказаться весьма действенным. Можно занять кого-нибудь у Сьюз. Видит Бог, на этой планете нет недостатка в замороженных трупах...

Форлинкин поперхнулся.

– Вы хоть понимаете, сколько преступлений только что теоретически совершили?

– Не знаю, однако вы очень даже кстати можете подготовить их список, на случай если это понадобится адвокату. В экстренной ситуации поможет ускорить процесс.

– А я-то думал, что задача Имперского Аудитора – обеспечивать законность!

У Майлз-сана приподнялись брови:

– Вот еще! Откуда у вас такая нелепая идея? Задача Имперского Аудитора в том, чтобы решать проблемы Грегора. Грязные ублюдочные криокорпорации на ваших глазах попытались оттяпать треть его империи. А это и есть проблема. – Губы Майлза улыбались, глаза же сверкали, и Джин внезапно понял, что где-то в глубине этих глаз затаилась ярость. – Я пока не принял решения.

«И кто еще такой этот Грегор? – подумал Джин. – Начальник страховой фирмы Майлза?»

Мина, потихоньку крутясь на кресле, придвигалась к Джину. А потом все услышали громкое хлюпанье. И Майлз-сан, и Форлинкин закрутили головами. Майлз поднял руку и качнулся в ее сторону, остановился, подал знак Джину. Тому пришлось весьма неуклюже потрепать сестру по плечу, отчего ее глаза наполнились слезами.

– Лорд Форкосиган, во имя всего святого, хватит на сегодня, – потребовал Форлинкин. – Оба ребенка совершенно измотаны.

«Оба» – совершенно не понравилось Джину. Глаза тут же зачесались, словно плач Мины оказался заразным. Столь долгожданное сочувствие оказалось совершенно ненужным – из-за него от былой решимости не осталось и следа. От брезгливых и суровых советов такого не было.

– Ну конечно, – мгновенноотреагировал Майлз. – Немедленно в ванную. Роик уступит им обе свои комнаты. Он вполне может переночевать в моей. Чистые футболки отлично заменят пижамы. Найдутся ли зубные щетки?

Джин обнаружил, что Майлз и Форлинкин порознь и в споре не так страшны, как они же, оба скованные общей целью. Обыденная возня с подготовкой ко сну остановила слезы. Джин полагал, что Мине консульство покажется значительно более странным заведением, чем ему. Он-то все-таки и в парках спал, и где только не вил себе гнезда у Сьюз-сан.

Форлинкин выдал им нечто причудливое: ультразвуковую зубную щетку. Правда, Джину и Мине пришлось ей делиться. Между обоими пользователями щетка совершила путешествие в футляр-стерилизатор.

В конце концов дети улеглись на чистые простынки в уютной, теплой комнате. Джин подождал, пока дверь закроется и шаги взрослых затихнут внизу. Затем выбрался из-под одеяла и включил свет у кровати. Мина тоже отбросила одеяло в сторону и помогла брату извлечь коробку с Леди Мурасаки из своего рюкзака. Девочка внимательно смотрела, как Джин открыл крышку, чтобы дать паучихе свежего воздуха. Потом помогла покормить ее маленькой бежевой рассыпающейся бабочкой, которую они подобрали заранее. Джин в это время пальцами блокировал пленнице пути отхода. Затем пластиковая коробка перекочевала на столик между их кроватями.

– Она ее съест?

Мина пристально вглядывалась в содержимое коробки.

– Не знаю. Может, она только живой пищей питается.

Мина задумчиво нахмурилась.

– У них тут такой здоровенный сад. Наловим завтра еще жуков!

Блестящая мысль! Джин нырнул обратно под одеяло. Мина дотянулась до выключателя, чтобы полоска света из-под двери не выдала их.

Через некоторое время из темноты раздался шепот Миной:

– Ты правда думаешь, что этот твой инопланетный дядя может вернуть мамочку? Ведь больше это ни у кого не получилось.

А что, кто-нибудь пытался? Об этом Джин ничего не знал. Майлз-сан, весь такой щеголеватый, всегда начеку, собранный и беспокойный, оказался непростым знакомцем. Джину безотчетно нравился тот, другой, неряшливый и незащищенный наркоман. И еще мальчика не покидало смутное ощущение, что он привел в действие какую-то силу, которую теперь уже

не мог остановить. И оттого, что он не знал, нужна ли ему помощь этой силы, лучше не становилось.

– Я не знаю, Мина, – сказал он в конце концов. – Тихо. Давай спать.

Он повернулся на другой бок и скрылся под одеялом от всех проблем.

* * *

Роик нырнул вслед за консулом Форлинкином в комнату связи, где уже расположился милорд, с головой ушедший в комм-пульт. Рядом сидел Йоханнес, Ворон, нависая над ними, выдавал советы столь же мудрые, сколь и бесполезные. Изучали они неизвестно откуда добытые планы сооружений «Нового Египта». Милорд решил-таки посвятить Йоханнеса в предстоящую работу, пусть даже под давлением обстоятельств. Ох и обрадовался же Роик: наконец хоть какой-то напарник! Неопытный, но не без знаний. А как у него глаза загорелись, когда начался «курс молодого бойца» по подготовке диверсионной операции! Инструкторы имперской школы СБ могли бы гордиться Йоханнесом.

Майлз повернулся в кресле на колесиках к вновь прибывшим.

– А, Форлинкин, отлично. Этот ваш клерк, Мэтсон, он ведь придет сегодня на работу, как обычно?

– А что?

– Не думаю, что детям удастся не шуметь и обойтись без его внимания в столь маленьком доме. Придется ему объяснить, что они свидетели по одному делу. Поскольку дети в опасности, мы взяли их под защиту. Думаю, для него этого хватит.

– А это правда? – спросил Форлинкин.

– Как мог стать дипломатом человек, который так упорно отказывается врать? Кстати, поверить не могу, что вы, при всех своих дипломатических знаниях, не сочли возможным восхититься мозолями мисс Сато. Откуда эта вселенская женская убежденность, что, стоит им прихворнуть, как они должны стать центром всеобщего внимания? Судя по моей дочери, Елене, убежденность эта возникает в невероятно юном возрасте.

– Вы говорили что-то по поводу опасности. – Роик восхитился консулом – тот отказался следовать за полетом фантазии милорда. Судя по тому, как горели глаза Майлза, милорд находился в значительно более возбужденном состоянии, чем его собственные дети после сказки на ночь, рассказанной отцом. – Эта опасность реальна? Потому что в противном случае совершенно бессовестно скрывать этих детей от их настоящих опекунов.

Майлз заговорил более трезво:

– Возможно. Идет расследование, а это значит, что не все ниточки приведут к цели. Иначе не было бы нужды в расследовании. Но не думаю, что Лизу Сато могли лишить свободы столь безжалостным и жестоким образом без серьезной на то причины. А это значит, что, когда мы ее разбудим, опасность только возрастет. – Он сжал губы, подумал. – Полагаю, Джин неверно судит о роли своих дяди и тети. Возможно, что не только лишь отсутствие средств не позволяет им сражаться за свободу своей родственницы. Не исключено, что они находятся под серьезным давлением.

– Гм, – только и сказал Форлинкин.

Роик был абсолютно убежден, что, как только судьба этой несчастной замороженной женщины пересекла путь милорда, иной ход событий стал совершенно невозможен. Это хуже, чем крутить веревочкой перед носом у кота. Только вот Форлинкину он этого объяснять не станет – личный оруженосец должен быть предан мыслью, словом, делом. Правда, не обязан быть слепцом.

– А будь Джин и Мина вашими детьми, захотели бы вы, чтобы какой-то чужестранец, можно сказать, похитил их и использовал в своих целях? – настойчиво гнул Форлинкин. – И не важно, что намерения у него добрые.

– В свою защиту смею заметить, что сюда они пришли сами. Однако если бы я погиб, мою вдову заморозили, а дети попали в руки людей то ли не способных, то ли не желающих им помочь, чего бы я хотел? Не думаю, что был бы столь щепетилен в вопросе, откуда явился человек, который вернет их Екатерине. Я бы осыпал его благословлениями с того света. – Милорд развернулся и побарабанил пальцами по комм-пульту. – Бедняга Джин, глядя на него, не могу не вспоминать свою утраченную бабушку!

– Утраченную бабушку? – заинтересовался Ворон, опершись о консоль. – Не знал, что у вас вообще есть бабушка.

– У большинства людей их целых две! У вас, разумеется, нет. Моя бетанская бабка жива, здорова и по сей день несгибаемо уперта. Если вы с ней познакомитесь, гораздо лучше поймете мою мать. То, о чем я говорю, – уже барраярская история, история судьбы принцессы-графини Оливии Форбарры Форкосиган.

– Кровавая, должно быть, история, осмелюсь заметить, – вставил Ворон и жестом попросил милорда продолжать.

А того и не требовалось долго уговаривать. Сидевший рядом Йоханнес замер, восхищенно усваивая информацию.

– Жуть какая кровавая! Если бы вы изучали историю Барраяра, – Впрочем, кто ж от вас этого потребует? – вы бы знали, что в давние-предавние времена (как вы знаете, лучшие истории начинаются именно так) эскадроны смерти императора Юрия Безумного пытались вырезать мою семью, вследствие чего началась гражданская война. Закончилась она, естественно, расчленением Юрия. И так много людей желали получить на память кусочек его тела, что им пришлось даже делиться, знаете ли. Расстрельная команда казнила бабушку прямо на глазах отца – кошмарное зрелище. Ему тогда было одиннадцать, отчасти поэтому Джин так напоминает мне всю эту историю. Видите ли, в чем дело... Несмотря на все ужасы того дня, несмотря на последовавшую войну, никто не посмел *отрицать и отказывать* отцу в том, что он все это пережил. А у Джина просто внезапно и несправедливо отняли мать и отказали в праве на горе. Ни похорон, ни траура, ни даже протеста. Ни мести – то есть отказали в каком-никаком удовлетворении от мысли о том, что в царство смерти ее сопровождала процессия врагов. Для Джина с Миной лишь... тишина. Мерзлая, мертвая тишина.

Мертвая тишина повисла в комнате связи консульства Барраяра.

Форлинкин откашлялся и, опершись рукой, уставился в комм-консоль.

– Итак, Лорд-Аудитор. И... гм... как же нам вернуть этой женщине голос?

Глава десятая

– Не сядьте на цыплят! – командовал Джин, обеспокоенно свесившись через спинку кресла между Йоханнесом, пилотировавшим флаер, и Майлзом, сидевшим с пассажирской стороны.

Йоханнес поморщился и потихоньку двинул флаер под навес Джинова убежища на крыше. Машина зависла, и Джин спрыгнул, убрал с дороги кофейный столик, заглянул под флаер, успокоился и жестом показал Йоханнесу, куда поставить флаер. Пилот осторожно посадил аппарат на крышу. Из-под навеса с противоположного конца «комнаты» на них смотрела женщина: руки в боки, подозрительный взгляд. Правда, она улыбнулась Джину, который, при-танцовывая, бросился к ней. Вой двигателей флаера затих.

– А вот и Ако. Молодец, не подвела. – Майлз-сан открыл сдвижной люк. – Оставайтесь в машине, ждите моего сигнала, – бросил он через плечо, – а не то затопчем несчастную дамочку.

Он еще хотел добавить, что если выпрыгнут все, то будет похоже скорее на цирковой тарантас с клоунами, но промолчал. Йоханнес и Ворон молча кивнули. Правда, в молчании Роика отчетливо слышалось неодобрение Майлзова решения двинуться в авангарде.

Ако явно пыталась покормить Вихря. На ней были толстенные кулинарные рукавицы. А еще она размахивала, словно мечом, длиннющей вилкой, на конце которой болтался кусок сырого мяса. Ако приветственно махнула Джину, а птица в это время рванулась вперед и схватила скользкий кусок. Резкий поворот головы, и мясо исчезло в глотке. Ако подпрыгнула.

– Знаешь, он кусается, – словно извиняясь, сообщила она Джину.

– Ну, не *очень* сильно, – возразил тот.

– Да? А мне в первый раз понадобилась мазь с антибиотиком и бинты, так что не надо мне такого *«не очень»*. Только и радости, что птичка мне палец не оттяпала! – Она снова уперла руки в боки и воззрилась на Майлза: – Значит, вернулись. Ну и перепугали же вы меня, про-крававшись сюда на флаере.

Майлзу только и оставалось, что надеяться: действительно прокрались. Конечно, от серьезных сканеров им укрыться не удалось. Что ж, навес на крыше скроет их дела при утреннем свете от сторонних любопытных глаз. Если уж не тайно, то хотя бы не явно.

– Я уже решила, что вы не вернетесь, думала, что делать со всем этим зверьем. Но вы в конце концов нашли Джина.

Майлз прочитал по глазам, что она и не верила, будто он отправится на поиски Джина.

– У нас обоих на пути возникли непредвиденные обстоятельства, – пояснил Майлз. – Вообще-то, это Джин меня нашел. Во всяком случае, теперь мы вместе. Огромное спасибо за заботу о его животных. В них – вся его жизнь.

Она фыркнула, не без удовольствия приняв похвалу за свои труды.

– Уж это точно.

Джин быстренько проинспектировал свой зверинец, пересчитал цыплят.

– Майлз-сан обещал взять меня и моих животных с собой. На время, – сообщил он Ако. Ее брови сошлись на переносице:

– Правда?

– Да, и мне нужно поговорить об этом с госпожой Сьюз, – подтвердил Майлз.

Ако вроде бы немного успокоилась при таком проявлении честных намерений.

– Тенбери сказал, вы, кажется, вроде обучаетесь у него на лаборанта-медтехника?

Майлз надеялся, что, если все пойдет как задумано, они еще пообщаются. Так что лучше успокоить ее.

Ако, напротив, внутренне напряглась.

– Я помогаю с уборкой и вообще. В нашем медпункте.

– Я так и хотел сказать.

Майлз махнул рукой пассажирам. Кордебалет вывалил наружу. Джин упростил задачу Майлза и взял на себя труд представить всех. Оно и к лучшему: вряд ли у Майлза это получилось так естественно.

– Это Ворон-сенсей, наш друг с Эскобара. Это Роик-сан, он работает на Майлз-сана. Это лейтенант Йоханнес. Он хороший.

Ако наклонилась к мальчику и шепнула:

– Джин, они ведь не полицейские, правда? Ты же понимаешь...

– Не-а... Они с Барраяра, это другая планета.

Ако прикусила губу, но ей не оставалось ничего другого, кроме как удовлетвориться этим временным объяснением. Она наблюдала, как мужчины распределяют роли: Йоханнес и Роик остались у флаера, пока Джин не вернется, чтобы последить за разгрузкой. Ворон и Джин отправились сопровождать Майлза.

– Мне бы лучше пойти с вами, – шепнул Роик на ухо Майлзу.

– У этих людей есть свои, вполне понятные причины опасаться незнакомцев. Если мы навалимся на них всей толпой, я не добьюсь желаемого, а ты один – как целая толпа. – Майлз постучал пальцами по комму на запястье. – Понадобисься, вызову.

Роик ответил своим классическим вздохом, краткой формой любого возможного спора с Майлзом. Милорд позволил Джину отвести себя и Ворона вниз по лестнице башни обменника. Ако отправилась за ними, правда, только до кухни. Там Майлз предусмотрительно захватил с собой полный кофейник и несколько кружек. Ако проводила их взглядом до лестницы в покои Сьюз.

Майлз постучал и, пока они ждали ответа, повернулся к Джину:

– Давай-ка я расскажу ей обо всем сам, по-своему. Я тебе дам знать, когда можно вступать.

Джин, переминаясь с ноги на ногу, сглотнул и кивнул.

Из-за двери послышалось неспешное шарканье, затем приоткрылась щелка. Выглянул изможденный глаз.

– Опять ты! Я-то надеялась, что мы от тебя насовсем избавились. – Она прищурилась на Джина: – И от тебя тоже! – Глаз переместился на Ворона: – А это еще что за черт?

– Ворон Дюрона, с Эскобара, – с готовностью ответил Ворон. – Рад с вами познакомиться.

– Это друг, – пояснил Майлз. – А друзьям обычно говорят: «Заходи, друг!» – Он помахал кофейником. – Можно нам войти?

– А-а...

Неохотно, не спуская глаза с кофейника, Сьюз отступила. На ней была та же черная болтающаяся хламида, что и раньше. Наверное, то была одновременно и пижама. В кабинете висел все тот же старческий запах. Сьюз подошла к окну и установила поляризацию так, чтобы впустить на каплю больше утреннего света. Жестом пригласила Майлза, кофейник, кружки и всю свиту к своим раздолбанным стульям.

– Вижу, бумажник свой ты нашел, – заметила она, усаживаясь напротив.

Майлз кивнул, и Джин бросился наливать всем кофе.

– Да. И багаж, и друзей. В общем, я снова при деле.

– Это при каком же? Спасибо, Джин.

– Я, некоторым образом, следовательно.

Кружка Сьюз задержалась на пути к губам. Морщинистое лицо застыло в ужасе.

– Моя работа никак не связана с официальными властями Кибо, – добавил Майлз.

– Он специалист по мошенничеству со страховкой, – услужливо вставил Джин. – Он не полицейский. И не врач, и не юрист, хотя действительно приезжал на конференцию. А вот Ворон-сенсей – врач.

У Майлза брови поползли на лоб от такого описания собственно персоны. Ясно, что надо как-нибудь отвести мальчика в сторонку да разъяснить ему, в чем состоят обязанности Имперского Аудитора более детально. Хотя не некоторое время такое объяснение сойдет.

– Не то чтобы совсем так, однако недалеко от истины. Власть имущие Кибо для меня объект исследований, а не работодатели. Заккрытие вашего предприятия вовсе не входит в мои задачи. На самом деле, мне хотелось бы воспользоваться вашей лабораторией. Думаю, смогу вас заинтересовать своим предложением.

Сьюз прищурилась над чашкой кофе, повременив, отхлебнула.

– Мы тут работаем спокойно, потому как не привлекаем лишнего внимания.

– А мне и самому лишнее внимание ни к чему.

Сьюз уселась в кресле поудобнее, сухо поджав губы.

– Хотите кого-то нелегально заморозить? Думаете подкупить меня, чтобы я для вас тут подержала тело? – сказала она странным безэмоциональным голосом.

Как-то уж очень быстро она высказала свое предположение. О боги, ужели Сьюз оказывала подобные услуги? Может быть, какой-нибудь местной мафии? Тайному подполью? Если, конечно, таковое есть на Кибо – кроме того подполья-подземелья, где Майлз уже поблуждал. Может, там у нее есть покровители, заступники? Ведь шишки преступного мира также желают обмануть смерть. Они-то, конечно, могут позволить себе индивидуальное обслуживание. Правда, и для менее значимых фигур, для своих приспешников, они тоже должны организовать распределение благ... А какую замечательную службу могут сослужить бессчетные ряды морозильных камер в подземелье для расправы над врагами! Ледяной ящик вполне способен заменить свинцовый груз, привязанный к ногам, или прогулку на дно ближайшей речки. Можно ведь впоследствии передумать и «отменить» казнь – а вдруг главарь поймет, что совершает ошибку? Кибо – рай, если надо спрятать человека... Майлз с трудом одернул себя и перестал фантазировать о таких чудесных возможностях.

– А вы уже оказывали подобные услуги? – осторожно спросил он.

Сьюз пожала плечами, тревога на ее лице сменилась усмешкой – секретарь заметила обеспокоенность на лице Майлза.

– А хоть бы и так, зачем мне вам рассказывать?

– Вы правы, мне до этого совершенно нет дела, – заверил ее Майлз. *Знать* об этом не помешало бы. С другой стороны, *знать* ему хочется обо всем. – Мое дело прямо противоположного характера. Нам необходимо провести операцию по выводу из криостаза. А для этого требуется лаборатория. И отсутствие посторонних глаз. А вы могли бы обеспечить нас и тем, и другим.

Такая новость прозвучала для нее как гром среди ясного неба. Подвигав челюстью, Сьюз попыталась скрыть замешательство глотком кофе, поморщилась.

– Джин, принеси-ка мое лекарство из буфета, – потребовала она.

Мальчик кинулся со всех ног, выудил из буфета квадратную бутыл, принес к столу. По ее жесту открыл бутыл и налил – пожадничал, как заметил Майлз и наверняка отметила Сьюз. Правда, она никак не выразила неудовольствия, и мальчик уселся.

– Вывод из криостаза... Но как?

– Позвольте представить: доктор Дюрона, видный специалист по данному вопросу. Если ваша лаборатория соответствует его требованиям, мы бы хотели, как уже сказано, арендовать ее.

Повисла затянувшаяся пауза.

– Сколько? – спросила наконец Сьюз.

– Я намереваюсь предложить вам кое-что, чего не купишь за деньги. В обмен на оказание услуги нашему... гм... клиенту – ну и, конечно, за молчание, – Ворон проведет для вас первоклассную операцию по выводу из криостаза. Кому – выбирайте сами.

У Сьюз отвалилась челюсть. Она обмякла в кресле и лишь через какое-то время выдохнула:

– Искуситель...

Хватило бы и денег, подумалось Майлзу. И все же есть кое-что подейственнее.

Сьюз кивнула в сторону Ворона:

– И что он может?

Вместо ответа Майлз расстегнул серый китель и белую рубашку.

– Вот это, – его рука скользнула по паутинке бледных шрамов, – работа иглогранаты. Целились очень хорошо, с близкого расстояния. Десять лет назад. Ворон выводил меня из криостаза. – Строго говоря, Ворон в то время лишь ассистировал на операции. Но ведь за десять лет он набрался опыта, значительно повысил квалификацию. – Могу гарантировать, по медицинской сложности у вас там, внизу, ни один случай не сравнится с моим.

Сьюз отвернулась, пока он застегивался.

– Старость, – проскрипела она, – не так быстра, как граната, но делает свою работу во сто крат тщательнее.

– К несчастью, все так, – согласился Ворон, – однако у меня могут найтись лекарства и от этого. Я бы предложил госпоже Сьюз составить список из полудюжины или около того кандидатов. Затем я попробую рассортировать их в порядке вероятности успеха операции. Это улучшит общий результат.

– Гм... – Скрючив пальцы руки, Сьюз потерла грудь прямо над сердцем. – Гм...

Джин, не в силах более сдерживаться, взорвался:

– Пожалуйста, Сьюз-сан! Позвольте им...

Брови-гусеницы поползли вверх:

– А тебе-то что с того, малыш?

Джин стиснул зубы и умоляюще посмотрел на Майлза.

– Вы правда желаете знать? – осведомился тот.

Сьюз была достаточно опытна, чтобы взять время и обдумать ответ, однако любопытство одержало верх над трезвыми рассуждениями.

– Да.

Майлз-сан протянул раскрытую ладонь в сторону Джина, и тот выпалил:

– Майлз-сан обещал вернуть нам маму!

У Сьюз лицо вытянулось от ужаса.

– Думаете, вам удастся не привлечь к себе внимания, господин чужеземный следователь? Да в Лизе Сато не было ничего, *не* привлекающего внимания!

– Возможно, что со временем нам внимания не избежать, однако вас оно не коснется, – вкрадчиво сказал Майлз. – Как только состояние здоровья позволит, мы тут же перевезем госпожу Сато в консульство Барраяра, где она воссоединится со своими детьми. И никаких ниточек к вам.

– Это вы сами придумали? Те, кто ее упрятал в криокамеру, захотят выяснить: кто же это ее разморозил? Как пить дать, захотят! И в поисках ответа сядут мне на шею, а та может и не выдержать.

– Сначала они выйдут на меня. А я ...

Майлз внезапно замолчал. Собственно, никакого плана-то и не было. Пока. Больше это походило на ножевую драку вслепую. И во что воткнется лезвие при следующем выпаде, было неясно.

– Что? – требовала Сьюз.

– Я взвалю на них другие заботы. – Он взглянул на Ворона. – По большей части все будет зависеть от госпожи Сато, от того, что она нам расскажет и как скоро сможет заговорить. Я сам пережил криоамнезию. Весьма неприятные последствия разморозки...

– Прекрасно помню, – вставил Ворон. – Может, последствия неприятны, однако длились не очень-то и долго. Просто в вашем случае у нас было крайне мало времени. В случае с госпожой Сато... Не могу пока ничего гарантировать.

Майлз понимающе кивнул – как по поводу того, что было сказано, так и по поводу несказанного, и снова повернулся к Сьюз:

– Нам потребуется еще одна услуга. Мне нужен ваш замороженный клиент.

– *Какого!..* – начала было Сьюз грозным тоном, однако продолжила слабым голосом: – ...Именно типа?

– Женщина, весом килограммов пятьдесят. Желательно помоложе. Еще что-нибудь, Ворон?

Тот покачал головой:

– Пожалуй, подойдет.

– Мы берем на себя ответственность за обстоятельства, могущие впоследствии подорвать успех ее разморозки, – договорил Майлз, надеясь, что слова прозвучат не слишком напыщенно.

– Ты мне это гарантируешь, чужестранец?

– Я не смогу осуществлять постоянный контроль за ее состоянием, но, если дела пойдут, как я планирую, с ней все будет в порядке... *надеюсь*. – В любой тайной операции приходится... рисковать.

Майлз заметил, как Ворон вздрогнул: пожалуй, не самое удачное сравнение после демонстрации шрамов на груди.

– Когда?

– Скоро. Возможно, сегодня. Не позже, чем завтра вечером.

Госпожа секретарь замерла в долгом, задумчивом вдохе.

Майлз поднял два пальца:

– Две разморозки на ваш выбор.

Сьюз отмахнулась:

– Отправляйтесь искать медтехника, Вристи Танаку. Джин покажет где. Может, у вас получится уговорить и втянуть ее во всю эту чушь. Хотя, боюсь, у вас-то прекрасно получится. Болтовня, одна сплошная болтовня. Сил нет от болтовни.

Майлз быстро поднялся, словно боялся злоупотребить ее гостеприимством, боялся, что она передумает.

– Спасибо, госпожа Сьюз. Обещаю... – сказать «*вы об этом не пожалеете*» Майлз не решился, прозвучало бы излишне официозно, – ...будет интересно, – завершил он.

Сьюз только фыркнула им вслед.

* * *

Изолятор оказался на втором этаже старого приемного покоя. Джин вывел Майлза с Вороном через двойные двери в коридор, из которого можно было попасть в два или три помещения, явно переоборудованных и готовых к работе, судя по свежему запаху медицинских препаратов. В одном из них обнаружился Тенбери. Прислонившись к стене и скрестив руки на груди, он стоял над гравиплатформой.

– Джин! – обрадовался Тенбери. – А говорят, ты потерялся. – Взгляд в сторону Майлза оказался куда менее радушен. – Снова вы!..

Тенбери покосился на Ворона.

– Мы пришли к госпоже Танака. По очень важному делу, – объяснил Джин.

– Она сейчас занята, – Тенбери ткнул пальцем в сторону двери за спиной, – но скоро освободится.

Ворон вытянул шею – очень хотелось заглянуть в узкое стеклянное окошко двери.

– А, там идет криоподготовка? Я бы взглянул...

– Ворон-сенсей – доктор с Эскобара, – начал было Джин.

Обеспокоенный Тенбери пустился в споры, но Майлз тут же прервал их, просто постучав в дверь.

На стук открыла хмурая женщина, с кожей темной, словно обивка старого чемодана. Хиленькое тело, прямые седые волосы, внешне – полная противоположность Сьюз, хотя примерно того же возраста, как решил Майлз. И никаких паров алкоголя. Лицо ее просветлело, когда женщина увидела Джина.

– Джин! Так ты нашелся? Кого на сей раз загрызли твои звери? И нельзя ли с этим подождать?

– Никого, Танака-сан. А дело очень важное. Нас прислала Сьюз-сан.

И Джин, уже здорово научившийся говорить о своих гостях, представил, с молчаливого согласия Майлза, всю компанию.

Потом слово взял Майлз:

– Мы договорились с госпожой Сьюз об использовании вашей лаборатории для частного вывода из криостазы, если доктор Дюрона сочтет, что лаборатория отвечает нашим требованиям. Не позволите ли войти?

– А?... – только и сказала она, отходя в сторону и уставившись на Ворона. Майлз подумал, что, одень он Ворона во все мятое, разлохмать всегда аккуратную прическу, макни головой в джин, и тогда Ворон не выглядел бы более не к месту здесь, и тогда бы он не так сильно пугал окружающих. Да что там говорить, теперь уже поздно...

На столе, выступавшем из дальней стены, лежало хрупкое нагое стариковское тело. Словно схваченное и арестованное на границе жизни и смерти. Клочок ткани опоясывал бедра, сохраняя видимость достоинства. А много ли достоинства сохраняет человек, отданный пластиковым трубкам, воле и прихоти чужих людей? Термокапюшон на голове ускорял процесс заморозки мозга. Над телом висела емкость, из нее, разделяясь на полпути к телу, шла трубка, по которой в обе сонные артерии поступала прозрачная жидкость. Трубка пошире выходила из вены на бедре. По ней, в ванночку по колено высотой, сбегала темно-розовая жидкость. По дополнительному рукаву в ванночку поступала проточная вода. Из ванночки все уходило в дренажное отверстие. Судя по бледности кожи и ногтей, по темной, густой жидкости в выпускной трубке, тело старика почти полностью пропиталось криораствором.

Ако кружила поблизости, внимательно наблюдая за процессом. Она успела подслушать часть разговора в дверях, потому как заметно приободрилась и обрадованно поинтересовалась:

– Доктор? У нас будет настоящий врач?

Майлз разрушил надежду, не дожидаясь, пока та вырастет и превратится в страдания.

– Только на некоторое время. Мы все объясним, когда вы закончите здесь работу.

Джин смотрел во все глаза. «Не пугает ли *такое* ребенка, – подумал Майлз, – видел ли он раньше?» Майлза-то точно пугало, а ведь он это проходил. Вернее, его через это проводили. Может, оттого и пугало так сильно? Впервые воспоминания о собственном «общении» с иглогранатой заставили призадуматься: а что почувствовал отец, когда узнал о ранении? Как история повторяется? Может, у него пробудились старые, жуткие воспоминания о чудовищной гибели принцессы-графини Оливии? Надо будет извиниться перед ним при встрече.

– Выглядит как-то уж очень примитивно, – потихоньку заметил он, обращаясь к Ворону.

Тот ответил:

– Самое сложное здесь – криоконсервирующий раствор. Процесс его создания – сложная технологическая цепочка на фармацевтическом предприятии. Во всяком случае, хочется надеяться. Откуда вы получаете криораствор, госпожа Танака?

Едва заметная улыбка в ответ.

– Концентрат перепадает нам со складов некоторых городских больниц. По мере выхода срока хранения они избавляются от лишних запасов пару раз в год. Мы сами дистиллируем воду для восстановления раствора.

Майлз удивился:

– Допустимо ли это... гм... с медицинской точки зрения?

Ворон пожал плечами:

– Если дата предельного срока хранения в норме, то да.

На самом деле Майлз, конечно же, понимал, что выбор стоит не между старым раствором и свежим раствором, а между старым и ничем. Пришлось вспомнить, что он находится на территории предприятия-паразита, присосавшегося к подбрюшью куда более мощной экономики, без которой ему долго не протянуть. Если, конечно, закрыть глаза на то, что, будь эта экономика достаточно развитой, нужды в таком паразите вовсе бы не возникло.

Индикаторы медицинских приборов замигали. Ако вынула трубки, запечатала входные и выходное отверстия пластырем, тщательно обработала кожу мазью. Затем они с Танакой сунули тело в некий плотно облегающий пластиковый комбинезон. Объединив усилия с Тенбери, перенесли всю конструкцию на гравиплатформу. Затем Тенбери накрыл тело простыней, и оно стало похоже на настоящий труп. Тенбери повел платформу из операционной.

– Не поможешь мне, Джин? – бросил Тенбери через плечо с надеждой в голосе. Джин, не трогаясь с места, упрямо покачал головой. Тенбери тяжело вздохнул и покатил свою ношу.

Ако вернулась к уборке, Ворон привалился к столику, Майлз взгромоздился на стул.

Танака сложила руки на груди, всем видом выражая недоверие. Майлз решил использовать тот же тон, что и в беседе с госпожой Сьюз, особенно напирая на то, что именно Сьюз прислала их сюда со своим благословением. Танака, похоже, была весьма привязана к мальчику, и Майлз натравил на нее Джина с целью разжалобить и уговорить.

Как результат, в конце беседы она хмурила брови скорее для порядка, а не потому, что сердилась.

– То крыло здания уже долгие годы закрыто, большая часть оборудования, не снятого при закрытии, развалилась впоследствии.

То есть растащили и распродали, подумал Майлз.

– Все же, надеюсь... гм... Все равно надо сходить и посмотреть.

Во всяком случае, хоть что-то есть. Иначе бы совсем никак. А пока все идет нормально.

– Ворон у нас здесь как раз для этого, – заверил ее Майлз. – Сьюз сказала... Кстати, это ее имя или фамилия?

– И то, и другое, – ответила медтехник, – ее зовут Сюзан Сузуки.

– Давно ли вы с ней работаете?

– С самого начала. Все это мы придумали втроем – Сьюз, ее сестра, работавшая помощником контролера, и я. Вскоре нам удалось втянуть и Тенбери.

– Значит, он здесь с юных лет? Я смотрю, криоподготовка у вас налажена четко. Как насчет обратной процедуры? Вывода из криостаза?

Из ее губ вырвался короткий смешок.

– В то время мы и не рассчитывали, что удастся протянуть хотя бы год. Думали, дело кончится тюрьмой. Замысел возник как... отчаянный протест, что ли? А потом люди повалили, и люди в еще более безнадежном положении, чем мы. Вот и не получилось остановиться. Не смогли мы их бросить, как бросили остальные.

– Кто везет, на том и едут, – согласно кивнул Майлз.

Танака взглянула на Ако. Та закончила уборку и подошла к ним послушать.

– Что правда, то правда. Вот у Ако и ее двоюродной бабушки было кафе. А потом – обычная история: старушка заболела, медицинские счета росли, кафе закрылось, а потом выселе-

ние, и вот они здесь. Ако никогда не училась, но она умеет убирать и не боится работы. Так что теперь она тут своя.

Майлзу подумалось: серьезная, но застенчивая Ако никогда бы не поступила и уж тем более не окончила бы никакое медицинское заведение. А здесь... Понятие «недипломированный специалист» приобретает совсем иной смысл.

– Ну что, пора показать Ворону-сенсею, что у нас наверху? – не унимался Джин.

Они поднялись этажом выше, в коридор прямо над операционной. Похоже, здесь некогда находилась полностью укомплектованное отделение вывода из криостаза – полдюжины операционных, послеоперационная палата, палаты интенсивной терапии. Повсюду царили пыль, мрак и разорение. Однако медтехнику Танаке, похоже, удавалось содержать одну операционную в состоянии, позволяющем гораздо больше, чем просто наносить мази, хирургический клей и раздавать добрые советы. Они с Вороном уже углубились в энергичную, но далеко не одностороннюю беседу, полную технической и медицинской терминологии. В результате пришлось отправлять Джина вниз за Тенбери, поскольку потребовалась дополнительная информация.

– Так кому все-таки этот комплекс принадлежит? – поинтересовался Майлз у медтехника, пока они ждали. – Если бы здесь все было просто брошено, муниципалитет давно прибрал бы недвижимость к рукам за недоимки.

– За эти годы сменилась парочка хозяев. А муниципалитет нам не страшен по той же причине, что и нынешний владелец. Жалкий придурок, ничего не может с нами поделаться. На нем лежит юридическая ответственность за две или три тысячи ничейных криопациентов. Один из подрядчиков выкупил комплекс, как он подумал, задарма. И только потом обнаружил, что на нем висит. Теперь он у Сьюз в руках. Больше всего мы опасаемся, что он попытается решить проблему при помощи поджога, однако и мы не дремлем.

– Не похоже на уверенность в завтрашнем дне, верно?

– А у нас ее никогда и не было. Мы просто живем, изо дня в день. И кто знает, куда все это приведет.

Майлз заметил, что Ворон внимательно слушает. Доктор вовсе не был в ужасе от услышанного. Что ж, джексоновская выдержка – это вам не просто так. Там клятва Гиппократова, если о ней и слышали, не более чем рекомендация.

Пришел Тенбери, технический разговор продолжился, начался обход палат, сопровождавшийся топотом и грохотом. Майлз отправил непоседливо мечущегося Джина на крышу, пронаблюдать за погрузкой своего зверинца. Когда шум, сопровождавший работу «инвентаризационной комиссии», утих, вернулся Ворон.

– Так что? – осведомился Майлз. – Добро или как?

– Добро, – ответил Ворон. – Работы предстоит немало, но они здорово научились импровизировать. А технические трудности прекрасно компенсируются полным отсутствием бюрократической возни с бумагами.

– Сколько времени понадобится для подготовки к... приему нового пациента? Кстати, мне, вероятно, будет нужна ваша помощь в похищении, на случай, если возникнут проблемы медицинского, нежели стратегического характера. И еще, кстати. Нас ведь могут арестовать. Как вам такой поворот событий?

Ворон лишь пожал плечами:

– Уверен, что если вы не сумеете меня вытащить, то ваш брат-то уж точно сумеет. В любом случае, пациента можете везти хоть сейчас. Госпожа Сато может и здесь подождать, пока мы подготовим операционную.

– Бесконечно долго мы здесь оставаться не сможем.

Жутко хотелось домой, а еще не терпелось посмотреть, что за муравейник он разворошит, разбудив мать Джина.

– Ребенка можете увозить в консульство. Я здесь задержусь допоздна, – продолжил Ворон. – В отель смогу добраться и на общественном транспорте.

Майлз указал на консульский комм у Ворона на запястье:

– Сначала свяжитесь с нами. По безопасному каналу. Мне нужен отчет. И может, лучше будет послать за вами Йоханнеса.

– По правде говоря... – Ворон призадумался, – я бы все же заехал в консульство на обратном пути. Могу ли я воспользоваться вашим шифроканалом для отчета своему боссу на Эскобаре?

– Лили или Марку?

– Обоим. Хотя я не уверен, что знаю, где сейчас лорд Марк. Вы, случайно, не в курсе?

Майлз покачал головой:

– Поле его деятельности последнее время настолько расширилось, просто не успеваю следить. Собираетесь заранее условиться о выкупе?

– Неплохая мысль. Хотя, по правде говоря, я здесь нашел кое-что небезынтересное для группы Дюрона.

– Если это может нанести удар по моему расследованию, я требую полной открытости. Вернее, требую открытости в любом случае.

– Ясно.

Майлз жестом отправил его работать, а сам спустился в лабиринт подземелий, откуда поднялся на крышу к Джину.

* * *

Пока разгружали флаер, консул Форлинкин пришел посмотреть, что они там вытряхивают в его садике. Мина приплясывала впереди и, увидев Лаки, тут же сцапала ее с радостным воплем, зарывшись личиком в пушистый мех.

– Лаки! А я-то думала, тебя больше нет... – Серая кошка выдержала объятья, затем незамедлительно высвободилась, извиваясь в руках девочки. – А где твои крыски, Джин?

Джин поднял клетку и показал.

– Здесь и Джинни, и почти все детки.

– Прелесть, – объявил Форлинкин, с приличного расстояния разглядывая Вихря. Лапка ястреба цепочкой крепилась к перекладине. – Как ты умудряешься не скормить ему цыплят?

Лейтенант Йоханнес выпустил Галли и Твиг из коробки-контейнера, и те запрыгали у его колен, шлепая крылышками и попискивая, а затем притихли в изумлении, уставившись на газон перед ними, такой теплый и пахнувший зеленью в полуденном солнце.

– Ну, те, что постарше, могут за себя постоять. Приходилось держать Вихря на цепочке, когда цыплята были совсем маленькими. Да и сейчас придется держать его на цепочке, пока он не привыкнет и не поймет, что дом теперь – здесь.

Джин следил за тем, как Роик разгружает целый штабель террариумов, расставляя их по полкам, привезенным из Джинова убежища. Уютненько приткнувшись к стене за домом, скрытые свесом крыши, каменными стенами сада, всеми деревьями и кустами, полки и их содержимое попали в место столь же безопасное, как и навес на крыше у Сюз.

– Кошки и мыши тоже вместе? – не унимался Форлинкин. – Что дальше? Львы и ягнята?

– Крысы, – строго одернул его Джин. – Хотя от льва я бы не отказался. Да и вообще, Лаки слишком стара и ленива, чтобы навредить большим, а маленьких я держу в закрытых клетках.

Он удовлетворенно огляделся.

– Теперь, когда они снова со мной, можешь оставить себе Леди Мурасаки, – щедро объявил он Мине.

Та скривилась:

– Вот еще! Лаки – наполовину моя! Потому что она вообще была сначала не твоей, знаешь ли, хотя ты ее потом и украл!

– Я спас ее от тетюшки Лорны, – напомнил Джин.

Лаки крутилась у ног Форлинкина, потерлась о него мордочкой – пометила свою новую собственность, оставив несколько шерстинок на самурайских штанах. Он рассеянно нагнулся, почесал кошку по спине, а та бесстыдно выгнулась под его ладонью.

Мина обеспокоенно спросила:

– А можно мы будем держать ее в доме, сэр? Пока она не привыкнет? Кошки ведь, бывает, теряются.

Глядя на задранное личико девочки, консул спросил:

– А она к дому приучена?

Мина энергично закивала головой:

– Могу поставить ее лоточек у себя в комнате!

– Туалет при кухне вполне подойдет для этой цели, – решил Форлинкин. – Тебе и Джину... да, думаю, тебе с братом будет полезно за ней приглядывать.

Мимо проходил Майлз.

– Как дела, Джин? Все как надо? Тогда мне нужен Йоханнес. – И добавил, обращаясь к Форлинкину: – Мы пока сядем в комнате связи. Надо обговорить множество деталей.

По его жесту Роик поднялся и занял привычное место за плечом Майлза.

– Думаете, ваш план сработает? – спросил Форлинкин.

Майлз-сан кивнул. Консул поморщился, на что Майлз-сан ответил кривоватой усмешкой.

– Надо быть гибче, Форлинкин. В этом – ключ к успеху. – И зашагал в дом, помахивая тростью.

Джин с Форлинкином посмотрели вслед.

Форлинкин озвучил то, что вертелось на уме у Джина:

– Это что, он нас приободрить хотел?

Глава одиннадцатая

Роик считал, что для похищения тела как нельзя лучше подходит полночь, предпочтительно чтобы при этом еще и бушевала гроза. Буря с грозowymi разрядами может много чем помочь, в основном тем, что на нее удастся списать любые проблемы с электрикой, если возникнет необходимость повозиться с проводами. Но прогноза на ближайшее будущее о наступающем холодном фронте не было. Поэтому Роик и очутился с Вороном, милордом и Йоханнесом во флаере среди бела дня у помпезных врат «Нового Египта». В воображении Роика – и только в воображении! – собакообразные статуи, обрамляющие вход, провожали непрошенных гостей нарисованными глазами.

Вооружение Йоханнеса состояло из пары вазочек с икебаной и пергамента, однако применять их не пришлось – всей охраны у ворот был один человек, и тот лишь махнул рукой, открывая проезд.

– Что за черт... – только и подивился Роик.

– Сейчас время посещения, – мягко пояснил милорд. – Им совсем ни к чему отпугивать ни родственников клиентов, ни потенциальных клиентов на экскурсии, выбравших это время дня. Здесь же не военная база. Охране «Нового Египта» стоит волноваться лишь о краже да вандализме. Кражи, впрочем, можно опасаться от собственных сотрудников, а вандалы в это время маловероятны. Ну, какая-нибудь «Организация Освобождения» прорвется, да и те скорее будут дожидаться бури с молниями, о которых ты мечтал.

Роик что-то сердито хмыкнул. Ему было тесно в одежде медика самого большого размера, которой Ворон и Танака разжились, вероятно, из того же источника, что и запасами, ожидающими теперь госпожу Сато. На милорде болталась такая же форма – самого маленького размера, что удалось раздобыть. Пришлось, правда, закатать рукава и штанины. Форма Ворона сидела идеально. Роику объяснили, что Йоханнес одет в безупречно подобранную, неброскую, опрятную повседневную одежду представителя среднего класса Кибо.

Флаер скользнул мимо центрального входа, увенчанного пирамидой, перед которым расположился приятный сад в псевдоегипетском стиле с каменными сфинксами, мимо знака, указывающего на более утилитарного вида разгрузочную платформу для новоприбывших и уже замороженных клиентов, затем к совсем малоприметному входу для персонала.

– Значит, так, – сказал милорд. – Выходим здесь. Все делаем спокойно, время не тратим.

Стараясь выглядеть спокойным и уж тем более не нервничать, Роик помог Ворону открыть заднюю дверь флаера и выкатить гравиплатформу. Под грудой пустых коробок, в которых некогда находилось медоборудование, скрывалось нечто удлиненных очертаний, в чем Роик опознал термомешок. Предназначенный для краткосрочной транспортировки, он мог, будучи должным образом герметизирован, сохранять содержимое при криотемпературе в течение двух дней, как объяснил ему Ворон. Роику пришлось признать – эта штука оказалась намного менее громоздкой, нежели транспортная криокамера. Йоханнес отогнал флаер на парковку для посетителей и остался ждать в нем. Милорд возглавил процессию с гравиплатформой. Автоматические двери раскрылись перед ними, никак не выказав протеста.

Милорд сверился с голографической картой своего наручного коммандера и повел их по бесконечным коридорам. Они повстречали троичку беседующих сотрудников «Нового Египта», престарелую парочку посетителей, направляющихся в кафетерий, местонахождение которого Роик определил по запаху. Однако никто и глазом не повел в сторону платформы. Роик изо всех сил старался не оглядываться. Еще два поворота, короткая поездка вниз по грузовой гравитационной шахте, и они зашагали по подземному коридору, который привел компанию к двойным дверям, первому серьезному препятствию на пути.

Милорд открыл один из ящиков, вынул *спецнабор* – стандартный доработанный комплект СБ – и встал на колени перед электронным замком.

– Боже, сколько времени прошло... Остается только надеяться, что я не разучился... – промямлил он как-то неуверенно. Милорд поковырялся минуту-другую – Роик все время трясся и поглядывал через плечо. Ворон сохранял спокойствие. Двери раскрылись на удивление беззвучно. Милорд самодовольно прищурился. – Ну вот и хорошо. Рад, что не пришлось ломать замок и оставлять следы.

Он жестом пригласил их войти, словно безумный метрдотель, ведущий клиентов к лучшему столику. Двери мягко закрылись за гравиплатформой.

В этом коридоре было намного темнее. И, как с удивлением заметил Роик, здесь шел ремонт. Ему с беспокойством подумалось о возможной встрече со строителями, хотя, скорее всего, у бригады должны быть фонари, по которым можно заметить их заранее. Под зданием-пирамидой располагалось три уровня. Вокруг технической шахты каждого уровня четыре концентрических коридора расходились квадратами наружу. Посередине стены каждого из коридоров шел радиальный связующий коридор. Лабиринтом не назовешь, все располагается слишком планомерно, но Роику показалось, что и здесь сбиться с пути можно очень даже легко. Как же непросто было милорду в настоящем лабиринте – потеряться и блуждать часами *без света*.

Они свернули в следующий радиальный коридор. Губы милорда шевелились, отсчитывая боковые ответвления, затем улыбка заиграла на лице, когда впереди замаячила техническая шахта. Пришлось подождать, пока милорд взламывает закрытый пульт доступа, что-то там подсчитывает и кивнет. Затем они вышли по другому радиальному коридору и повернули направо, в следующий проход. Этот оказался достроенным – тусклое освещение демонстрировало ряды загруженных криокамер.

– Не сказал бы, что выглядит достойно... – заметил Роик.

– Здесь дешевые места. Если хочешь, чтоб тебя складировали за панелями «под красное дерево» и медную фурнитуру (или, я даже слышал, золотую), «Новый Египет» может оказать такие услуги – на верхних уровнях.

Даже здесь, внизу, около многих камер располагались полочки-подставки для поминальных принадлежностей, всяких странных штукенций типа крошечных бутылочек вина, еды в пакетах, огарков ароматических свечей. Больше всего было цветов – в основном искусственных, но иногда и настоящих. Одни стояли свежие, другие пожухли и печально свешивались через края высохших вазочек.

– Здесь, – сказал милорд резко остановившись. Выгнув шею, он разглядывал верхнюю камеру. – Прочитайте-ка номер, Ворон.

Ворон дважды прочел длинную цифробуквенную цепочку.

Милорд тщательно сверил ее с данными комм на запястье.

– Это она.

Маскирующим коробкам на платформе тут же нашлось новое применение: милорд стащил одну, чтобы, взобравшись на нее, обследовать замок камеры и приладить к нему свой «эсбэшный» спецключ.

– Значит, так. – Он спустился с ящика. – Как только свет погаснет, меняйте тела.

Достав карманный фонарик, он припустил в глубь коридора.

Ворон выдал Роику пару медицинских перчаток, натянул пару сам и нагнулся, открывая длинный термомешок. Показалась фигура – тоненькая старушонка, чье тело полностью скрывала пластиковая псевдоплевра. Полупрозрачная мазь, густо нанесенная на кожу, да иней, мгновенно проступивший на открытой поверхности пластика, придавали хоть какую-то видимость приличия безжалостно обнаженному телу. Роик включил карманный фонарик за мгновение до того, как освещение коридора и маленькие зеленые лампочки криокамер погасли.

Убедившись, что нет никакой возможности открыть отдельную камеру без того, чтобы на центральном диспетчерском пульте не включился соответствующий индикатор, «похитители» решили мигнуть сразу пятью тысячами лампочек.

– Готов, – сообщил Ворон.

Роик нажал кнопку спецключа. К его облегчению, замок криокамеры открылся без проблем. Длинный ящик камеры выскользнул по направляющим, словно ящик некоего жуткого канцелярского бюро.

Внутри лежало тело женщины, также покрытое псевдоплеврой. Пленка быстро покрывалась инеем. Роик нахмурился: тела женщин были обернуты не в одинаковый пластик – второе тело лежало в коричневатом пластике, да еще и армированном какой-то сеткой. Глазеть было некогда: Роик сунул руки под тело и поднял ее с полки. Даже несмотря на перчатки, он почувствовал, как мороз быстро высасывает тепло его тела – словно отхлынула волна. Он осторожно положил женщину на пол. Ворон сверился с именем на табличке, прикрепленной к псевдоплевре. Оба стали между женщинами, подняли второе тело и положили в ящик камеры. Ящик скользнул обратно, аккуратно щелкнув замком.

В конце коридора на углу замигал фонарик милорда, а потом выглянул и он сам. Роик махнул рукой: мол, все в порядке. Милорд кивнул и снова исчез. Когда Ворон с Роиком упаковали свою добычу в термомешок, в коридоре вновь вспыхнул свет. Роик дотянулся до люка криокамеры, отсоединил спецключ и спрятал его в ящике с инструментом милорда. И сразу же принялся накладывать маскирующие ящики обратно на гравиплатформу, в волнении ожидая появления рембригады – те наверняка скоро появятся, чтобы выяснить, в чем причина неполадок в сети.

Милорд вернулся, шепотом подгоняя компанию:

– Быстрее, быстрее.

Глаза его сверкали ярче индикаторов криокамер, и тут Роик понял, какое удовольствие милорду доставил сам процесс кражи. *Хорошо, что хоть кому-то из нас хорошо.* По дружескому выражению лица Ворона, как всегда, невозможно было судить об отношении. Вид у доктора был такой, будто он занимался подобным хулиганством ежедневно, хотя Роик прекрасно знал, что это не так. Роик испуганно сглотнул и приготовился рвануть, что было сил, услышав шум подъемника и эхо голосов, раздающееся по коридору, ведущему к технической шахте. Беглецам удалось добраться до наружного кольца, так, к счастью, и не услышав окриков: «Эй, вы, там!»

Короткий бросок, и вот они снова у двойных дверей в подземелье. Милорд задержался на мгновение, чтобы запереть их и вызвать Йоханнеса по комму. Когда они покинули здание, лейтенант ждал их, открыв заднюю дверь флаера. Гравиплатформа с «медикаментами» беззвучно исчезла внутри. Роик перевел дух, только когда флаер покинул ворота и присоединился к полуденному потоку транспорта.

Милорд посмотрел на экран комм и с удовлетворением подвел итог:

– Шестнадцать минут.

Ворон снова сел впереди с Йоханнесом, что было в высшей степени правильно – лишь они вдвоем выглядели нормально по всем местным стандартам. Йоханнес вел флаер медленно, стараясь не привлекать внимания, как его и проинструктировали. Задний ряд сидений сложили, чтобы освободить место для платформы. Милорд сидел по одну сторону от госпожи Сато, Роик скрючился по другую, готовый в любой момент ухватиться за термомешок, чтобы тот не съехал с платформы во время неожиданных поворотов Йоханнеса. Роику объяснили, что от криораствора и мазей тело и ткани стали пластичными, а не хрупкими, и что, несмотря на температуру, тело не расколется, словно кубик льда, упав на тротуар при случайном ударе. Только зачем испытывать судьбу?

Несколько минут они ехали в полной тишине, которую в конце концов прервал Роик:

– Не могу в таких обстоятельствах не вспомнить сержанта Тауру. Все *эти* люди умерли с некой надеждой на будущее. Почему же она не могла умереть с надеждой? Мы ведь были там, в клинике Дюрона, все было готово, да и стоило бы это не так уж и много.

В былые дни, во время службы милорда в СБ, когда тот работал под прикрытием, Таура служила у него наемником – еще до того, как иглограната и последствия криостаза не вынудили его оставить карьеру навсегда. Подобно Ворону и остальным клонированным братьям и сестрам Дюрона, она была продуктом джексоновской генной инженерии. В отличие от Дюрона, Таура была единственно выжившим образцом из неудачной экспериментальной партии «сверхсолдат». Она сбежала с Архипелага, присоединившись к наемному подразделению Майлза, и, по словам милорда, действительно была сверхсолдатом. Однако ее творцы заложили механизм самоуничтожения в свои экспериментальные генетические прототипы: к двадцати стандартным годам Таура умерла бы от старости, если бы не вмешательство дендарийских врачей, а впоследствии Дюрона. Роик встречался с ней дважды, и оба раза весьма достопамятно. Первый раз, когда она прилетела на свадьбу к милорду. И второй, когда милорд и Роик полетели на Эскобар провести с ней последние дни в приюте Дюрона.

Милорд вздохнул.

– Я, ты, Рябина и Ворон – все мы пытались уговорить ее. Если бы дендарийская страховка не покрыла расходы, я бы раскошелился. Да в том и нужды не было – Дюрона не позволили бы мне. Они до сих пор считают ее и остальных дендарийских наемников своими спасителями. Но Таура не хотела ни за какие деньги...

«Что, проснуться таким же уродом, только в совершенно незнакомом месте и в чужое время? Когда всех моих друзей уже не будет?» – отвечала Таура несогласному с ней Роику странным писклявым голосом. «У тебя появятся новые друзья!» – спорил он, но и такой аргумент не помог убедить ее, измученную проблемами с метаболизмом.

Роик беспомощно махнул рукой:

– Вы могли бы приказать. Когда она уже почти переступила черту, могли бы приказать начать криоподготовку.

Видит Бог, во власти милорда приказывать и отменять распоряжения, оставленные в чужих завещаниях. Милорд пожал плечами, лицо его посерьезнело, растворяясь в общих с Роиком воспоминаниях.

– Тогда это было бы уже выполнение нашего желания, а не ее. Льду Таура предпочла огонь. И этот выбор вполне можно понять. Огонь не оставит образца ДНК.

Ей было все равно, где развеют прах, лишь бы не на Архипелаге Джексона. Поэтому милорд выделил участок для урны на семейном кладбище в Форкосиган-Сюрло, с видом на длинное озеро. Похороны милорд и Роик провели самолично.

– Никто, – бормотал Роик, – не должен умирать от старости, прожив лишь тридцать лет. Во всяком случае, такие яркие люди, как Таура, точно не должны.

Взгляд милорда застыл в глубокой задумчивости.

– Если исследования Дюрона, или чьи-либо еще, в области поисков лекарства от старения дадут результаты, то, думаю, смерть в триста или пятьсот лет тоже будет казаться дикой.

– Или в две тысячи.

Роик попытался представить. Некоторые бетанцы и цетагандийцы, как слышал Роик, дотягивают почти до двухсот. Однако качество их здоровья гарантируется генетическим путем еще до зачатия. Обычным живым людям так не поможешь.

– Ну, может, не две тысячи, – возразил милорд. – Тут один шутник, большой любитель цифр, подсчитал как-то, что, если исключить все медицинские причины смерти, человек в среднем все равно доживал бы только до восьмисот стандартных. А потом – неминуемый несчастный случай с летальным исходом. Думаю, смысл такого вывода в том, что кому-то суж-

дено прожить восемнадцать лет, кому-то – в сто раз больше, а конец все равно один. Просто планка немного поднимается.

– Поневоле вспомнишь «отказников».

– И то правда. Если Бог, по их мнению, ждал появления человека на свет миллиарды лет, несколько столетий дополнительной жизни вряд ли имеют для Него какое-то значение. – Милорд погрузился в свои, далекие милордовские мысли. – Люди так много волнуются и переживают по поводу того, что перестанут существовать после смерти. И мало кто хоть на секунду задумывается о том, что не существовал до зачатия. Или вовсе не существовал бы. В конце концов, поторопись соседний сперматозоид, и мы могли бы стать собственными сестрами. И никто бы по нам не всплакнул.

Ну что на такое ответишь? Голова от мыслей расколется, а ответа не будет. Поэтому Роик промолчал. Наконец они проехали мимо провисших цепей ограждения владений секретаря Сьюз.

* * *

Долгие часы ушли на то, чтобы привести внутреннюю температуру тела Лизы Сато из соответствующей глубокому криостазу к просто околонулевой. Майлз отослал Йоханнеса обратно в консульство и, по мере приближения утра, по очереди караулил с Роиком. Милорд подремывал на временно сооруженном топчане в комнате напротив наскоро сооруженной лаборатории Ворона. Дело происходило на третьем этаже приемного покоя для престарелых клиентов. Ворон и Танака также дежурили всю ночь посменно. На рассвете начали проводить решающие процедуры: слив старого криораствора и замена его бесконечным, как показалось Майлзу, потоком искусственной крови. При переливании кожа лежащей ничком на операционном столе меняла цвет от землисто-серого до более жизнерадостного теплого оттенка слоновой кости. Криораствор, булькая, сливался в сточное отверстие.

Будь у них время и надлежащее оборудование, не говоря уже о базовом образце крови пациента, можно было бы вырастить цельную кровь, идентичную «оригинальной». В синтетической, искусственной крови недоставало уникальных лейкоцитов, которые вырабатывает тело пациента. Поэтому после разморозки пациента держат в изоляции, пока костный мозг не начнет заполнять пробелы иммунитета. Майлз, по словам Ворона, проспал всю эту фазу. Но, с другой стороны, его травмы, как хирургические, так и прочие, были несравненно тяжелее. Ако провела всю ночь, убирая и подготавливая помещение-изолятор.

Ворон доводил до безумия своими полувнятными намеками насчет того, когда с пациентом можно будет говорить, зато ясно дал понять, что дети будут первыми посетителями. С этим Майлз спорить не стал, он и сам не придумал бы лучшей мотивации для матери поскорее восстановить здоровье.

Майлзу не терпелось помочь, но, когда они добрались до критической точки в процедуре разморозки, Ворон усадил его на стул подальше и нацепил хирургическую маску-гермоповязку. Край гермоповязки мягко и плотно слился с кожей, а электропоры фильтровали все вплоть до вирусов. Правда, Майлз сразу заподозрил, что Ворон хотел остановить не только возможное распространение микроорганизмов. Поэтому решил прикусить язык и даже не завопил, когда Ворон вдруг пробормотал:

– Что за черт? Не может быть...

– Чего не может быть? – не выдержал Майлз.

Ворон и Танака молча трудились над столом.

– Мозг не обеспечивает латентности электросигнала, – ответил Ворон, как раз когда Майлз начал было повторять свой вопрос громче. – А уже пора бы... Танака. Давайте-ка попробуем старый добрый электрошок.

На голове Лизы Сато красовалось нечто, напоминающее шапочку для плавания. Шапочка была густо утыкана датчиками и электродами и туго натянута на темные волосы, видневшиеся из-под криогеля. Ворон ткнул в экран панели управления, и под шапочкой что-то щелкнуло, да так, что Майлз подпрыгнул и чуть было не свалился со стула. Ворон недовольно смотрел на высветившиеся данные. Рукой в перчатке он потянулся, как показалось Майлзу, совершенно машинально, помассировать безжизненную ладонь пациента.

– Закройте сток, – зачем-то сказал он. Танака поспешила выполнить указание. Ворон шагнул, отступив от стола. – Ничего не получится.

Желудок Майлза словно провалился куда-то на тошнотворном выраже.

– Ворон, останавливаться нельзя, – произнес Майлз, а в голове пронеслось: «Боже, только не сейчас... Бедные детки ждут маму, я должен ее вернуть, я обещал...»

– Майлз, я провел больше семи тысяч таких операций. Мне не нужно еще полчаса плясок вокруг трупа этой несчастной, чтобы убедиться, что это действительно труп. На микроуровне ее мозг – комок гнили. – Ворон вздохнул и пошел прочь от стола, стягивая маску и перчатки. – Уж я-то могу сказать, была криоподготовка проведена правильно или нет. Здесь я не виноват. Здесь я ничего не смогу поделать. Здесь я бы никогда и не смог ничего поделать.

Ворон был слишком сдержанным человеком, чтобы, ругаясь, швырнуть перчатки через всю комнату. Но ему и не надо было так проявлять свои эмоции – Майлз прекрасно видел их на застывшем лице. Тем жутче был контраст с его всегда добродушным, приветливым выражением.

– Полагаете... это убийство?

– Процесс может выйти из-под контроля, даже если нет злого умысла. Я бы даже сказал, что это статистически нормально. Хотя вы-то со среднестатистическим результатом не смиритесь.

– Только не в данном конкретном случае.

Ворон поджал губы:

– Ну да. Я чуть позже проведу вскрытие. – Затем стало ясно, что Ворон взял себя в руки. – Надо точно выяснить, что именно произошло при криоподготовке. Есть ведь разные варианты. Я сразу заметил, что что-то не так с вязкостью отработанной жидкости. – Он замолк на мгновение. – Позвольте выразиться по-другому: я, черт побери, настаиваю на вскрытии. Я хочу знать точно, каким именно образом моя неудача была запрограммирована. Потому как не люблю, чтоб меня так подставляли.

– Аминь, – пробурчал Майлз.

Он соскользнул со стула, сдернул с лица маску и подошел к столу, взглянуть на безмолвный груз. Гемопомпа все еще поддерживала обманчиво-розовый цвет лица. Ворон рассеянно протянул руку и выключил насос. Тишина больно ударила в уши.

Как теперь объяснить все Джину и Мине? Ведь Майлз знал, что следующая задача будет именно такой. Его спешка и самонадеянность убили надежду детей. Вернее, убили ложную надежду. Этот финал изначально был закономерен, кто бы его ни приблизил, как и когда бы ни приблизил, однако от рассуждений легче не становилось.

«Мы добьемся справедливости...» Нет, не в его силах сейчас делать такие заявления перед детьми. А «я постараюсь» прозвучит слишком вяло, словно фраза, предваряющая обычное для взрослого нежелание возиться с детскими проблемами. Но чувство вины здорово подпитывало гнев, который он испытывал к своим – нет, к их общим – неизвестным врагам. Как странно. Как подозрительно. Как безнадежно...

Резкий стук в дверь операционной. Опять проснулся Роик? Вряд ли ему сильно понравится известие о провале их глупой затеи. Майлз потянулся, схватил трость, подошел к двери и выглянул в узенькое окошко. И безумно обрадовался, что у него хватило ума не крикнуть просто: «Входи, Роик!» Потому что за дверью стоял взбодораженный Форлинкин, а за ним, держа его за обе руки, Джин и Мина.

Майлз скользнул за дверь и прижался к ней спиной.

– Вы что здесь делаете? Вам же сказали ждать в консульстве, пока я не позову.

Хотя ответ ему и не требовался, все было ясно уже по тому, как дети вцепились в Форлинкина. Хорошо, хоть бояться его перестали. Было бы еще лучше, не позволяй консул вить из себя веревки. *Угу, кто бы говорил.*

– Они сами настояли, – подтвердил тот догадку. – Я-то им объяснил, что она не проснется до завтра. Да и вы им рассказывали, как неприятно выглядит человек только-только из криокамеры. Но они так пристали... Им бы хоть одним глазком, хоть через стекло посмотреть. Прошлой ночью совсем не спали. Меня трижды будили. Вот я и подумал, что если просто увидят, то успокоятся. А потом поспят тут где-нибудь.

А потом у Форлинкина упал голос, стоило ему уловить мрачное настроение Майлза. Лишь губами, без голоса, он спросил: «Что случилось?»

Майлз не был готов обсуждать это сейчас. Дьявол, он вообще не был готов обсуждать такое. Ему уже перепала незавидная доля – информировать близких родственников или друзей. Разница только в том, что те всегда были взрослыми, а не детьми, такими беззащитными и безоружными.

Возбуждение Мины и Джина угасло, лишь только дети взглянули на Майлза. Будь все как надо, он бы уже давно похвастался, приписав заодно себе все заслуги. Улучшить настоящее положение нельзя. Преодолеть можно только одним способом. Ему хотелось встать на колени, пасть ниц, но Майлз решился посмотреть Джину в глаза. Вдохнул поглубже.

– Простите. Простите меня. Что-то пошло не так при размо... нет, при криоподготовке. Ворон-сенсей не смог бы ничем помочь. Мы сделали все... Думаем, ваша мама погибла во время криоподготовки восемнадцать месяцев назад или вскоре после этого.

Джин и Мина стояли как оглушенные. Однако не зарыдали... пока не зарыдали. Только стояли и смотрели на Майлза. Смотрели, не отрывая глаз.

– А мы хотели на нее посмотреть, – тоненьким голоском сказала Мина. – Вы обещали, что покажете ее нам.

Голос Джина, гортанный и хриплый, вовсе не был похож на голос Джина:

– Вы обещали...

Когда Майлз оглушил их новостью, троица отпустила руки друг друга. Теперь жестом, столь несвойственным ему, Джин нашел руку Мины. Девочка поискала другой рукой и вновь вцепилась в руку Форлинкина. Тот обескураженно посмотрел вниз.

– Сейчас? – спросил он. – А не лучше ли...

Затем поднял твердый взгляд, словно желая пригвоздить Майлза к стене.

– Они имеют на это полное право, – неохотно согласился тот. – Хотя не знаю, лучше ли некрасивые воспоминания, чем никакие вообще. Просто... ну не знаю.

– И я не знаю, – согласился Форлинкин.

У Мины задрожал подбородочек.

– Я хочу посмотреть. Я хочу увидеть ее.

Джин сглотнул и тоже кивнул.

– Тогда подождите немного. – Майлз скользнул, вернее, сбежал за дверь. – Ворон, у нас гости. Близкие родственники. Можно ее немного... привести в порядок?

Ворон, казалось бы, ничем не прошибаемый прожженный джексоанин, выглядел искренне потрясенным.

– О боги! Только не говорите мне, что это те самые несчастные дети. Что они здесь делают? Им непременно нужно войти?

– Они имеют на это полное право, – повторил Майлз, размышляя: чего вдруг эти слова так пристали к языку? Станный вопрос, хотя последнее время трудно сваливать все провалы памяти на его собственный выход из криостаза десять лет назад.

Ворон, Танака и Майлз поспешили привести безмолвную фигуру в приличный вид, прикрыть, убрать бесполезные теперь провода, трубки, электроды, нелепую шапочку. Майлз разгладил короткие черные волосы за ушами. Их блестящая гладкость придавала лицу женщины средних лет выражение мудрое, но безжизненное. Майлз попытался представить, с какими волосами ее помнят дети. Забавные мелочи вроде таких могут играть непропорционально огромную роль. Привели в порядок быстро, но как-то бестолково, подумал он.

Скорее, пусть все это скорее закончится. Майлз подошел к двери и распахнул ее.

Джин, Мина и Форлинкин вошли гуськом. Проходя мимо, Форлинкин метнул в Майлза взгляд, и особой любви в том взгляде не было. Джин вцепился консулу в свободную руку, когда они подошли к столу. А на кого еще мальчик мог опереться в скорбный час?

Дети стояли и смотрели. Губы Мины приоткрылись в изумлении. Джин поднял глаза на Майлза в немом вопросе: «Что это?»

Отступив с видом одновременно гневным и печальным, Мина сообщила:

– Это совсем не наша мамочка!

Глава двенадцатая

Майлз едва сдержался, чтобы не брякнуть по-идиотски: «Ты уверена?» Оба напряженных личика не выражали ни капли сомнения.

– Тогда кого, – он подавился словами, повернулся, уставившись на Ворона, на обернутую фигуру на столе, – ...это мы только что... – сказать «убили» было бы несправедливо, да и не точно. И, как сильно подозревал Майлз, глубоко оскорбительно для и без того расстроенного крупного специалиста по разморозке, – ...только что... – к счастью, кажется, никто не потребовал от него закончить предложения.

– Цифры на бирке совпали. Во всяком случае, те цифры, что вы мне дали, – пояснил Ворон.

Так, значит, либо Майлз ошибся, списывая шифр из банка данных криохранилища (а он точно знал, что это невозможно), или же кто-то подмухлевал с шифром заранее. Кто-то. Зачем-то. Хотели скрыть? Чтобы защитить замороженную Лизу Сато от похищения сподвижниками, кем-то из ООН? Или Майлзом? Глупости, да кто на Кибо-Даини мог бы вообразить, что любопытный Имперский Аудитор проявит интерес к этому вопросу? А может, просто кто-то изначально допустил ошибку? Но ведь тогда... Перед мысленным взором Майлза пронеслись миллионы криокамер Нортбриджа, его подземелий и окрестностей. Сердце Имперского Аудитора рухнуло в пятки. Мысль о том, что никто, совершенно никто не знает, куда запрятали Лизу Сато, была слишком ужасна, чтобы задерживать ее в голове хоть на мгновение.

Или же – а вот в этой мысли было что-то подкупающее, да так, что у Майлза дух перехватило, – кто-то их опередил. Кто-то со схожей целью. В таком случае... нет, прежде чем давать волю воображению и плодить идеи, надо бы подкрепить их фактами. Только настоящими фактами, а не шевелящимися вслепую хиленькими щупальцами домыслов.

Майлз вдохнул поглубже, чтобы унять колотящееся в груди сердце.

– Значит, так. Начнем заново. Что мы можем знать наверняка? Во-первых, нужно установить личность этого... гм... клиента. Ворон, это главный вопрос, на который должно ответить вскрытие. Я отправляюсь в комнату связи и...

Зловещее покашливание Форлинкина резко оборвало речь Майлза.

Форлинкин кивнул на детей, безмолвных, прижавшихся друг к другу, с лицами белыми, как мел. Внешне по Джину и Мине трудно было сказать, то ли они напуганы, то ли гnevаются. Во всяком случае, дети не плакали. В любом случае, Форлинкин прав: не годится прямо сейчас и перед ними обсуждать жуткие детали вскрытия, будь то их мама или нет. Дети, насколько Майлзу было известно, могут быть и безмерно чувствительны, и беспредельно кровожадны. Иногда эти качества удивительным образом уживаются в одном ребенке. Нужно ли вследствие этого относиться к детям как к женщинам? Очевидно, что в данный момент у него не выйдет в достаточной степени развить эту интересную мысль.

Майлз жестом выпроводил Форлинкина и его подопечных за дверь.

– Простите меня, простите, пожалуйста, – повторял и повторял Майлз. – Обещаю... – проклятье, необходимо срочно избавиться от этого слова, вычеркнуть его из своего лексикона, – я продолжу поиски вашей мамы. Дело приняло интересный оборот... Э-э... В смысле, непростой. Дело приняло такой непростой оборот. Мне нужна информация, че...

«Мне нужна информация, черт побери!» – его старая присказка, такая удобная и успокоительная. Иногда прокол – это просто прокол. А иногда – это скрытая возможность, ломящаяся в дверь. Информации пока маловато – *Информации! Информации мне!* – но он чувствовал перед ними как раз второй случай. Вот оно, то, что приходит с опытом: совершаешь ошибки, и все равно уверен, что прав.

Мина спросила:

– А что теперь будет с нами?

Джин испуганно добавил:

– Вы же не сдадите нас обратно дядюшке Хикару и тетушке Лорне?

– Нет. Во всяком случае, пока нет. Консул Форлинкин отвезет вас обратно в консульство, а там мы к чему-нибудь придем, или...

– Или? – эхом отозвался Форлинкин, когда Майлз замолчал.

– Мы к чему-нибудь придем. – *Просто пока не знаю к чему.* – Я пока останусь здесь, помогу прибраться, а потом присоединюсь к вам. Форлинкин, когда будете на месте, дайте указание лейтенанту Йоханнесу заняться предварительным сбором данных. Хочу найти этого доктора Либеры, того, что объявился в группе Лизы Сато в Нортбридже полтора года назад.

Не ахти какая зацепка, но приходится работать с тем, что есть. Интересно, редкая ли это на Кибо фамилия? Скоро узнаем...

Форлинкин кивнул и увел детей. Джин оглядывался по дороге, словно прощаясь с утраченным убежищем. Мина протянула ручку и сунула ее в ладонь Форлинкина. Тот вздрогнул, однако мужественно преодолел чувство вины. Произошедшее явно стало серьезным ударом для детей. *Проклятье, это и для меня серьезный удар.*

Заспанный Роик высунул помятое лицо из дверей импровизированной караулки, искоса взглянул на троицу, исчезающую за углом.

– Меня разбудили голоса. Что здесь случилось?

Майлз рассказал, что случилось. Именно такую реакцию он и предвидел. Еще бы, результатом проведения хитроумной операции стало похищение совсем не того тела! Конечно, нужно хорошо знать Роика, чтобы уметь прочесть все оттенки отсутствующего выражения его лица. Может, есть какая-то секретная школа сержантов, где такому обучают? Или это приходит с опытом? Коммандер Пим довел это умение до совершенства, однако и Роик уже почти не отставал.

– Знаете, – сказал Роик. Пим бы так не сказал, у Пима вместо этих слов нашлось бы соответствующее отсутствующее выражение лица. – Если бы вы остановились, когда мы были на подъеме, побеждали... После разговора с Вингом. Сейчас бы уже домой летели.

– Сейчас? Сейчас останавливаться поздновато, – язвительно заметил Майлз.

– Понятно, милорд.

Роик со вздохом двинулся за ним в лабораторию.

Ворон уже все прибрал и готовился ко второй операции. Танака раскладывала целый ворох жутковатых инструментов на подносе рядом с операционным столом. Взглянув на вошедших, спросила:

– А как насчет наших пациентов? Договор остается в силе?

– Ну конечно, – машинально ответил Майлз. – Аренда есть аренда.

Странно, что она не разочаровалась в их силах после увиденного. Было ясно, что Танака согласна с диагнозом Ворона. Майлз не стал добавлять: «Ведь мы можем вернуться». Он стал осторожнее в обещаниях. Хоть и запоздало.

Ворон побарабанил пальцами по столу и осмотрел инструменты.

– Может, нам послать образцы тканей в лабораторию на платный анализ? Или самим что-нибудь придумать здесь?

– А как будет быстрее и лучше?

– Если ставится задача добиться хороших результатов, не выходя из дома, я бы привез своих ребят с Эскобара. На это наверняка ушло бы больше времени, чем послать образцы в лабораторию. В любом случае, есть риск привлечь постороннее внимание. Зато результаты практически одинаковые.

– Гм-м... Чутье подсказывает мне, что лучше бы придержать все это подальше от чужих глаз, пока не узнаем, с чем конкретно мы имеем дело. Я думаю, надо сделать все самому,

насколько возможно, а там посмотрим по результатам. Рабочая гипотеза такая: кто-то преднамеренно подменил пациентов. Когда? Где-то в промежутки последних полутора лет. Если мы узнаем, кто эта женщина и откуда она, можем узнать и кто сунул ее на место Лизы Сато. – *Или не узнать.* – Пациентов поменяли или эту женщину заморозили здесь вместо Лизы Сато в самом начале, вот в чем вопрос. В таком случае...

Ворон нахмурился:

– Думаете, мать Джина и Мины жива и на свободе? Тогда почему она не дала знать бедным деткам?

– Тут все зависит от того, насколько такие знания могут им навредить.

Ворон нахмурился еще сильнее.

– Ну, одно-то я могу сказать вам точно, – вмешалась Танака, наклоняясь и поднимая обрывок пластиковой обертки из мусорной корзины к свету. – Эту женщину не могли заморозить вместо той, что вы ищете. Во всяком случае, не в последние полтора года. Так оборачивали давным-давно.

Три головы разом повернулись к ней.

– Насколько давно? – выпалил Майлз. – И откуда вы знаете?

Морщинистые веки растянулись, Танака прищурилась.

– Боже, я не видела этой ткани с сеткой-шестигранником со студенческой скамьи. По меньшей мере тридцать лет, а может, и все пятьдесят.

Майлз застонал:

– Так эта женщина, глядишь, все двести пятьдесят лет пролежала в камере?

– Нет, потому что раньше были другие ткани и стили оборачивания. И до того, еще раньше, были другие.

– Спасибо, Танака, – выдохнул Майлз, – с этого уже можно начинать.

Тайна только что разделилась надвое. Просто какое-то деление загадочной клетки. Тайны плодятся на глазах. Продвижение вперед с торможением.

Ворон поднял инструмент и наклонился над пациентом, превратившимся в объект исследования.

* * *

Первую половину дороги к консульству во флаере висела тишина. У Джина от отчаянья просто горло перехватило. Замкнувшаяся в себе Мина, с бледненьким личиком, сидела пристегнутая к креслу в середине второго ряда. Пока они двигались неподалеку от владений Сьюз, Форлинкин вел вручную. Затем перебрал управление на городскую дорожную сеть и, вздохнув, повернулся назад.

Ему пришлось вертеть головой, обращаясь к обоим:

– Мне очень печально, что все так получилось.

– Ну, вы-то не виноваты, – успокаиваясь, сказал Джин.

Форлинкин открыл было рот, передумал и просто ответил:

– Спасибо, – и тут же добавил: – Хотя если бы на вашем месте была моя дочь, я бы, наверное, очень рассердился, если бы ее в такое втянули.

Джин только успел подумать: «По-моему, это мы вас втянули». Сказать, правда, не успел: Мина с готовностью подхватила тему:

– А у вас есть дочка? А сколько ей лет? А можно с ней поиграть?

– Анне шесть лет, так что поиграть с тобой она бы захотела, но боюсь, это невозможно. Она на Эскобаре, со своей мамой.

– А они к вам скоро вернутся? – допрашивала Мина.

– Нет, – Форлинкин замялся, – мы в разводе.

Оба ребенка вздрогнули, услышав страшное слово.

– А почему вы в разводе? – не унималась Мина.

Если бы сестра сидела рядом, Джин пнул бы ее по лодыжке, чтоб заткнулась. К несчастью, до нее было не дотянуться.

Форлинкин пожал плечами:

– Так получилось. В общем-то, никто не виноват. Она родом с Эскобара. Мы познакомились, когда я служил там в посольстве, младшим секретарем. Когда мы только-только поженились, я думал, само собой разумеется, что она поедет за мной всюду, где мне придется служить. Но когда пришло повышение по службе и новый пост в посольство Барраяра на Поле, как раз появилась Анна. И жена просто передумала. С ребенком на руках у нее пропало желание покидать уют безопасного дома и родную планету. А может, она не полностью доверяла мне. Или была какая-то другая причина.

Повисла тишина. Джин перенес ее в смущении, зато Мина зачарованно перерабатывала новую информацию. Потом Форлинкин добавил:

– Недавно она снова вышла замуж. За эскобарца. Написала мне, что он хочет удочерить Анну. А я не знаю, что делать. Может, для нее так будет лучше, чем отец, которого она видит три дня раз в три года. Только трудно решить. Трудно отпустить.

Он произнес это все, обращаясь к собственным коленям. Затем внезапно поднял голову и посмотрел на Джина и Мину пронизательными голубыми глазами.

– А что вы думаете?

Мина моргнула и выпалила:

– Я бы захотела, чтобы со мной остался настоящий папочка.

Форлинкина это как-то не особо обрадовало. Джин высказался осторожнее:

– Вообще, это от многого зависит. Например, хороший ли он человек.

– Думаю, ты прав. Я с ним пока не встречался. Наверное, мне надо выбрать время и слетать к ним, прежде чем отказываться от прав. Может, Анне будет только стыдно за отца, который лишь навещает ее. Вряд ли она хорошо меня помнит.

– А разве вы ей не пишете, ничего не посылаете? – нахмурилась Мина.

– Иногда.

Джин медленно спросил:

– А вы не могли тогда выбрать остаться с женой? Вместо посольства на Поле? – И где это еще такая планета? Похоже, далеко от Эскобара. – Ведь дипломат это не солдат, правда? Разве вам нельзя просто уволиться?

Форлинкин шутливо отдал Джину честь, так, приставив палец ко лбу, от чего мальчику стало совсем неловко. Может, лучше не стоило об этом говорить и вовсе?

– Да, такой выбор был. Тогда. Но прошлого не вернуть, и выбор сделан.

Мина перестала хмуриться и теперь уже откровенно сердито глядела на Форлинкина.

– По-моему, вы уже сделали выбор.

– Выбор сделал тот, молодой я. Я его теперь часто вспоминаю...

Они подъехали к консульству – автопилот запищал, и Джин прямо-таки обрадовался, когда Форлинкин вернулся к управлению.

Уже в консульстве, на кухне, Форлинкин соорудил им пожевать и отправился по делам в свой кабинет – там его ждал клерк с какими-то неотложными вопросами. Мина поймала Лаки и пошла с ним наверх. Джину надо было проведать свой зверинец во дворе. Когда он вернулся в комнату, которую делил с сестрой, та лежала, свернувшись калачиком вокруг кошки, словно приготовилась защищать свою собственность. Мина вцепилась в Лаки, словно в плюшевую игрушку. Кошка не сопротивлялась, если не считать редкого и ленивого подрагивания хвостом.

Джин был уже большой, чтобы спать днем, но кровать выглядела такой желанной. Если отобрать Лаки у Мины прямо сейчас, сестра, наверное, разорется. Подождать, что ли, пока заснет? Лицо у Мины все застывшее, под красными глазами – круги, как будто плакала.

Он сел на кровать и собрался было обдумать, как отвоевать кошку, когда Мина фыркнула и сообщила:

– Они все наврали.

– Взрослые всегда врут, – задумчиво ответил брат. – Мама всегда врала. Говорила, что все будет хорошо, а хорошо не стало.

– Угу.

Мина покрепче прижалась к кошке, сморщилась и фыркнула опять. Через несколько минут напряжение покинуло лицо девочки, хватка ослабла. Джин перегнулся, выудил Лаки, стараясь не разбудить сестру. Мальчик гладил кошку, пока та урчанием не подтвердила согласие на такой обмен, а потом сам свернулся калачиком на своей кровати. Кровать была прекрасная, гораздо лучше, чем все, на чем он спал у Сьюз-сан, но ему хотелось обратно. Может, ворчливый старикашка Йани был прав, когда хотел оставить Майлза на улице...

Он проснулся, услышав, как Роик зовет его по имени и мягко тормозит. Мина уже сидела на кровати и терла примятые подушкой щеки. Лаки не было. Пятно света на ковре переместилось. Взгляд на часы сообщил, что прикорнул он на два часа.

– Извините, что приходится вас будить, – виновато сказал Роик, – милорд хочет кое-что вам показать на комм-пульте в комнате связи.

Роик терпеливо дождался, пока дети сходят в ванную и вымоют руки, прежде чем следовать за ним. Теперь, попривыкнув к этому здоровяку, Джин даже полюбил Роика. Для Майлз-сана Роик был чем-то вроде собственного, личного взрослого, который повсюду за тобой ходит и все для тебя делает. Только вот ты сам говоришь ему, что делать, а не наоборот. Вот бы себе такого Роика, подумал Джин.

В этом чудном подвале, который можно было наглухо запереть, собрались все. Джин уже понял, что здесь консульство хранит все свои важные шпионские тайны. Майлз-сан и Форлинкин сидели у комм-пульта. Ворон-сенсей тоже вернулся. Сейчас он был чем-то занят с Йоханнесом, нагнувшись над длинным столом и каким-то маленьким аппаратом на этом столе.

Джин протопал к ним.

– Что это у вас?

– Сканер ДНК, – ответил Йоханнес.

– Вы этой штукой проверяли отпечаток Майлз-са... лорда Форкосигана в тот день, когда мы познакомились?

– Да.

– Удобная штука, – пояснил Ворон-сенсей. – У госпожи Сьюз тоже должна быть такая. Очевидно, ее либо продали, либо сломали. Я уже опасался, что придется отсылать образец ткани в платную лабораторию даже из-за такой простецкой операции.

Джин наблюдал с интересом.

– А можно мне сканировать ДНК моих животных на этом аппарате?

– Это не игрушка, – ответил Йоханнес, – мы используем его для сверки документов тех, кто собирается в путешествие, ну и тому подобное. – Он взглянул на Джина и смягчил тон: – Спроси-ка советника Форлинкина.

Майлз-сан подозвал Джина к комм-пульту, возле которого, переминаясь с ноги на ногу, уже стояла Мина. Над экраном в ряд висели фотографии четырех разных человек. Двое седоволосых. Один в лабораторном халате.

– Мисс Мина, надеюсь, вы нам поможете, – начал Майлз-сан. – У всех этих людей одно имя – доктор Либер, и живут они неподалеку от центра Нортбриджа. Мы уже исключили всех докторов Либер женского пола. Надеемся, что никто из них не летал недавно на Колонию

Бета. – Рот Майлза скривился словно от шутки, которой Джин не понял, но вот Роик, судя по ответной усмешке, понял. – Не похож ли кто-нибудь из них на человека, который говорил с твоей мамой тем вечером? Или, может, кто-то из них совершенно точно не похож на этого человека?

Мина внимательно взгляделась в сканы.

– Это было так давно, я уже и не помню.

– А что ты вообще о нем помнишь? Этот доктор Либер, он был молодой или старый?

– Старый!

– Седой?

– Нет, темноволосый, это я точно помню. Вот только возраст я у взрослых не очень-то понимаю. Этот правда был здорово старый. Лет тридцать.

Майлз-сан и Форлинкин переглянулись. У консула шевельнулись губы, однако он ничего не сказал.

– Так, значит, старый, но не седой.

Майлз-сан постучал пальцем по экрану, и изображения двоих седовласых мужчин исчезли. Двое оставшихся выглядели похоже, и стрижки одинаковые, только у одного лицо слегка осунувшееся, а у другого покруглее.

– Когда я был маленьким, – заметил Роик, заглядывая им через плечо, – я думал, что любой тощий взрослый – мой дедушка. Очень трудно было порой...

– И все-таки, – настойчиво продолжал Майлз-сан, – Джин, не помнишь ли ты кого-нибудь из этих двоих в маминой компании? Даже если тебя с ними не знакомили?

Джин покачал головой.

Мина долго разглядывала изображения, а потом указала на тощего:

– Вон тот. Кажется. Другой уж очень толстенький.

– Может, это и он, только веса набрал, – подсказал Джин, тоже стараясь помочь.

– Вы ей покажите сканы с сотней лиц или хотя бы с десятком и увидите, как мало будет толку, милорд. Вы подсказываете свидетелю.

– Если бы стояла задача опознавать всех тридцатилетних старикашек на Кибо, то, несомненно, ты бы оказался прав, – возразил Майлз-сан. – К счастью, у нас уже очерчен круг подозреваемых. – Майлз указал на толстяка: – Этот доктор Либер – акушер клиники-репликатора в северном пригороде, – затем его указующий перст переместился на лицо тощего, – а *этот* доктор Либер – биохимик из компании «Крионикс», принадлежащей «Новому Египту». Поскольку показания Мины не исключают его полностью из списка подозреваемых, сочетание должности и положительный результат опознания просто обязывает меня поставить его номер первым на проверку.

– Помнится, была рабочая версия о том, что парень, скорее всего, смылся, – напомнил Роик. – Этот Либер что-то мало похож на борца с режимом – хорошая зарплата, акции в компании, криостраховка. Я бы сказал, соль корпоративной земли...

Майлз-сан откинулся на стуле и потер подбородок.

– Да, тут нестыковка. Полагаю, я изначально ошибался.

При этих словах Роик отвесил Майлзу поклон, и Имперский Аудитор слегка улыбнулся. Чему? Джин опять не понял.

Йоханнес и Ворон-сенсей закончили работу за столом и перебрались к спутниковому комм-пульту.

– Так-так! А скан для опознания там есть? У меня на всякий случай есть отпечатки пальцев рук и ног, правда, надеюсь, они нам не понадобятся.

Майлз-сан оттолкнулся ногами и повернулся к ним, не вставая с кресла.

– Что вы тут обнаружили?

Роик наклонился, заглядываясь.

– Похоже на нашу дамочку, верно? Посмотрите на скулы и уши... а родинка над левой бровью? Такая же! Этот скан сделали, скорее всего, незадолго до криостаз.

– Не могу сказать, что разглядел ее уши.

Майлз-сан схватил трость и приблизился, чтобы получше разглядеть картинку.

Джин тоже протиснулся между ними. Изображение живой, улыбающейся женщины сменилось перед глазами той застывшей, чужой фигурой на операционном столе. Мальчика замутило. А мама? Она тоже стала бы такой же чужой, если б взаправду умерла?

– Отлично, – проговорил Ворон-сенсей. – Здесь – все, что нам нужно о ней знать. Биографические данные, история болезни, дата ввода в криостаз. Так... криоконтракт и состояние счета... может, тоже где-то пригодятся. Бедолага ты, Алиса Чен. Но я рад, что наконец-то познакомился с тобой.

– Молодцы, – похвалил Майлз, – быстро сработали.

– Базы данных клиентов криокорпораций открыты для всех желающих, – ответил Йоханнес, хотя и видно было, что он обрадовался поощрению. – Будь ты юрист или ученый, занимающийся демографическими исследованиями, медик или просто любитель, раскапывающий корни генеалогического древа семьи, доступ открыт для всех. – Он сел и еще раз взглянул на экран с данными. – Похоже, женщину заморозили сорок пять лет назад. Нам крупно повезло. Стоит забраться в историю лет на сто, и натыкаешься на дыры в базе данных, возникшие то по одной причине, то по другой.

– Да, когда я еще служил в... гм... работал на другой работе, эта планета была пристанищем для любителей поддельных документов, происхождение которых невозможно отследить, – поделился знаниями Майлз-сан. – Я и о планете-то до расследования знал только по этой причине. – Он прищурился и указал на строчку в истории болезни: – А это что за непроизносимая игра слов?

– Название прогрессирующего заболевания крови, – посмотрев, ответил Ворон-сенсей. – Может, из-за него она и предпочла лечь в криостаз в столь раннем возрасте.

– Может, из-за него она и умерла?

Ворон покачал головой:

– Нет, оно не могло оказать никакого влияния на вывод из криостаз. Хотя впоследствии ей бы, конечно, понадобилось лечение.

– А в наши дни она бы его получила? Я имею в виду, лечение.

– Да, конечно, сейчас такое заболевание лечится.

– Так что же делала женщина, замороженная почти полстолетия назад в криокамере Лизы Сато с биркой Лизы Сато на ноге? Ясное дело, она не сама туда забралась. И если номера криокамер можно просто перепутать, заноса в базу данных, то бирка на ноге – верная гарантия, что тела подменили.

– Кстати, а где останки этой вашей госпожи Чен? – спросил консул Форлинкин. – Рано или поздно придется вернуть их ближайшим родственникам. Вполне возможно, что за всем этим возникнут проблемы наследственного характера – да бог знает, что еще. Кроме того, она скончалась недавно, а значит, у нее могут оказаться скорбящие родственники. – И, подумав, добавил: – Хотя, по правде сказать, я не особенно жажду судебных тяжб из-за нее.

– Мы пока припрятали ее в подземном криохранилище госпожи Сюз, – ответил Ворон-сенсей. – Тенбери посоветовал.

– Долго ли она сможет... сохраняться?

– Сколько угодно.

Майлз клятвенно поднял ладонь перед Форлинкином.

– Мы вынуждены скрывать ее, пока не распутаем клубок тайн. Но потом напомните нам об этих важных вопросах. Так-с. Значит, теперь у нас две ниточки – труп потерявшейся жен-

щины и доктор Либер. Остается лишь идти по следу, пока они не пересекутся. Кстати, ее заморозили в «Новом Египте»?

Йоханнес покрутил текст на экране.

– В одной из корпораций, которую позже купил «Новый Египет».

– А где заморозили? В том же корпусе?

– Не думаю, что их корпуса стояли на этом месте сорок пять лет назад. – Йоханнес склонился над ворохом ссылок: – Ага, вот оно! Здание, где ее заморозили, закрылось лет десять назад. Его потом снесли. И ее криокамеру переместили в корпус в «Криополе».

– В этом случае устроить подмену ничего не стоит, – заметил Майлз-сан. – Особенно для, скажем, сотрудника компании. Полагаю, госпожу Чен они выбрали наугад. Главной целью была Лиза Сато.

– Вы хотите сказать, кто-то украл нашу мамочку?

Голосок Мины задрожал.

– Картина вырисовывается именно такая...

Майлз-сан прищурился, вглядываясь в стереоизображение.

Только когда Майлз почувствовал ладонь Форлинкина, крепко сжавшую его плечо, и заметил его сердитый взгляд, он обратил внимание на девочку. Видно было, что та изо всех сил старается не заплакать.

Майлз-сан поспешил поправиться:

– Надо иметь в виду, что кто бы ее ни украл, должен очень о ней заботиться. Ведь не крадут же люди того, что им не нужно. Это значит, что они точно обходятся с ней очень бережно.

Очередное взрослое вранье? В целом Джину нравилось, что Майлз-сан разговаривает с ними как с равными. Но все равно очень уж странно звучат его слова.

Мину такое объяснение, видно, не слишком успокоило, поэтому Майлз-сан продолжил бормотать:

– Вот, например, мою переносную криокамеру вообще на некоторое время теряли. И ничего, в конце концов все обошлось.

– Это с вашей точки зрения ее теряли, – заметил Ворон-сенсей, – а с нашей – нашли!

Майлз-сан победно воззрился на Мину, словно говоря: «Вот видишь?» Правда, улыбка его мгновенно растаяла в ее потухшем взгляде. Форлинкин и Йоханнес смотрели на него с восхищенным ужасом.

Майлз продолжал:

– Я собираюсь поговорить с доктором Либером. Лично. Полагаю, встречу надо организовать не на работе, – добавил он, стараясь не подгонять мысли.

Роик мрачно скривил губы:

– Сначала необходимо обеспечить надежную безопасность этой встречи.

– Ну конечно! Мы даже Йоханнеса с собой прихватим, чтобы тебе не пришлось в одиночку... обеспечивать безопасность.

– Ну, хоть что-то...

Майлз все наблюдал за Миной, та непоседливо переминалась на месте.

– Нет никаких записей о том, что Либер как-то связан с твоей мамой. Только ты их видела вместе. Если из этого что-то получится, то лишь благодаря ценным разведданным, которые мы получили от вас, мисс Мина.

Этому девочка немного обрадовалась. Во всяком случае, губки дрожать перестали.

– Правда?

– Правда. А работа ценных информаторов СБ хорошо оплачивается. Да и курьерская работа тоже, как мне подсказывают, – добавил он, глядя на Джина.

– Э-э... я-то вообще провалил свое задание... – заметил тот.

– Честно говоря, неприятельский плен увеличивает надбавку за риск.

– А сколько? – личико Мины просияло.

– Ого, мне нравятся твои рассуждения, дитя мое. Если серьезно, есть официальная шкала расценок. В марках Барраяра, конечно же. Там имеется прейскурант за различные услуги. Мы попросим Роика проверить и перевести все в валюту Кибо-Даини.

– Вы хотите оплачивать их труд взрослой ставкой? – поинтересовался Форлинкин. Джину показалось, что консул скорее удивился, чем рассердился. Только бы Форлинкин не принялся всерьез отговаривать Майлза от этой расчудесной идеи!

– Так точно! – ответил Майлз и добавил: – Мои бюджетные расходы зиждутся на принципах благоразумия и гибкости.

– Не мешало бы вам приобрести и того, и другого, – выпалил Форлинкин и тут же прикрыл рот, сам удивившись сказанному.

Майлз лишь криво ухмыльнулся в ответ. Вернув себе непроницаемо-консульское выражение лица, Форлинкин увел Джина и Мину на кухню, покормить. Уходя, Джин бросил взгляд через плечо – четверо напряженно склонились, каждый над своим комм-пультом. Тяжелая дверь плотно закрылась.

«Надеюсь, в консульстве стоящая шпионская аппаратура», – подумал мальчик.

Глава тринадцатая

Доктор Сэитиро Либер, как оказалось, снимал жилье в безликом доме ленточной застройки спального района на западной окраине Нортбриджа, неподалеку от места работы. Йоханнес, управлявший флаером, по просьбе Майлза сделал круг по району. Просто так, чтобы осмотреться. Чудесным воскресным утром крошечные лужайки перед домами кипели жизнью – хозяева увлеченно ковырялись на своих участках. Стайка детишек шумно носилась по газонам, потом, получив нагоняй от садовника, хихикая, растворилась за углом. Вполне вероятно, что Джин и Мина выросли в местечке, весьма похожем на это.

Просидев ночь с целью выудить как можно больше информации о Либере, Майлз нашел записи о его студенческих годах, в то время как полицейское досье на доктора загадочным образом пустовало. Он не числился ни в списках сочувствующих, ни в списках спонсоров движения Лизы Сато. Не было его имени и в списках арестованных во время злополучных беспорядков. Впрочем, тогда многих отпустили и без предъявления обвинений. Обвинения выдвинули лишь против тех несчастных двоих, которые погибли, да против троих, включая Сато, кого заморозили. Естественно, обвинения после этого сняли. И воцарилась тишь да гладь.

Доктор Либер получил ученую степень в возрасте двадцати восьми лет и тут же трудоустроился в «Новый Египет» на четыре последующих года. Майлз прочитал, вернее, просмотрел текст его диссертации – что-то об улучшении криорастворов. Учитывая, что стипендию он получал от консорциума криокорпораций, ничего удивительного в этом не было. Крупнейшие криокорпорации содержали свои исследовательские центры, которые, помимо надзора за контролем качества, работали над развитием собственной научной базы, призванной отвлечь внимание клиентов от постоянной борьбы компаний между собой. Что, впрочем, также не удивительно.

Майлз приказал Йоханнесу припарковаться на углу.

– Здесь проблем не оберешься не столько от подслушивающей электроники, сколько от любопытствующих соседей. Ни на секунду не останешься без внимания: кто-нибудь да придет проверить, не замышляешь ли ты чего. Поэтому, Йоханнес, остаемся на открытом канале связи, – Майлз всегда устанавливал свой комм на запись, если отправлялся похулиганить, – а ты пока припаркуйся где-нибудь, выпей кофейку. Роика высади по дороге с той стороны дома. – Майлз внимательно осмотрел своего охранника, одетого достаточно неброско, однако не поместному. – Жаль, что не получится переодеть тебя фонарным столбом.

– Ничего, справлюсь как-нибудь, – ответил тот.

Майлз кивнул, махнул Ворону «следуй за мной» и спустился на тротуар.

На звонок открыл темноволосый мужчина с кружкой чая в руке. Футболка, брюки, босые ноги. Он прищурившись осмотрел гостей. Несмотря на воскресную щетину и отсутствие лабораторного халата, Майлз мгновенно признал в нем намеченную жертву.

– Доктор Либер? – улыбнулся Майлз и, не давая тому времени опомниться, продолжил: – Меня зовут Майлз Форкосиган, а это мой коллега, доктор Ворон Дюрона из Группы Дюрона.

По лицу было заметно, что Либеру знакомо последнее имя, и он озадаченно спросил:

– Дюрона? Из эскобарской клиники?

– О, вы слышали о нас?

Ворон расплылся в счастливой улыбке.

– Я читаю медицинскую периодику.

Майлз не давал железу остыть:

– Мы оба прибыли на межпланетную криоконференцию на прошлой неделе, хотели и с вами увидеться. Можно войти? – Все сказанное подразумевало, что «коллега» также занимался биологическими исследованиями, а не межзвездными расследованиями, о чем Майлз

предпочел умолчать. Ну, хотя бы пока их не пустят на порог. Да и после этого без крайней необходимости ни к чему.

Либер счел объяснения вполне разумными, проглотил остатки чая и отступил. Майлз благодарно ринулся вперед. Он прошел за хозяином в крошечную гостиную и тут же уселся, чтобы закрепить на плацдарме. Остальные последовали примеру.

– А вы были на конференции? Что-то я вас не заметил.

На самом деле, Майлз проверял, Либера там не было.

– Нет, но теперь жалею, что не присутствовал. А вы, случаем, не попали в историю с ООН? Я в новостях видел...

– Я-то нет, а вот наш друг Ворон – да.

Майлз подал знак, и Ворон «прогрел» начало знакомства парочкой забавных историй о своих приключениях в заложниках, обойдя всякое упоминание Барраяра. Затем Ворон увлек Либера в технические вопросы конференции, и вот они уже болтали о биохимии вперемежку с малопристойными сплетнями. Ворон коснулся и диссертации Либера, которую он читал прошлой ночью, не смыкая глаз. К этому времени Либер полностью освоился с гостями.

Майлз решил взять быка за рога:

– Вообще-то, я у вас по поручению ближайших родственников Лизы Сато. Насколько я понимаю, вы общались с ней полтора года назад, как раз перед арестом.

Либеру не удалось скрыть ни испуга, ни смутения, враз появившихся на лице. Что ж, в конце концов, он ведь ученый, а не преступник-лицедей. Да и врун никакой. *Ну, вот и чудненько.*

– А откуда вы знаете – в смысле, с чего вы так решили? – ляпнул он, только подтвердив догадку Майлза.

– Есть свидетельские показания.

– Но никто не видел... Никого не осталось... Но ведь Суваби умер.

– Есть еще один свидетель.

Либер сглотнул. Видно было, что он пытается взять себя в руки.

– Извините. Время такое было... Страшное время.

Майлз собрался было сказать что-нибудь успокаивающее, но тут хозяин дома вдруг вскочил на ноги.

– Простите, вы меня несколько смутили... Может, чайку? Сделаю-ка я еще чайку. Не желаете ли чайку?

Майлз не хотел давать Либеру время на размышления и придумывание вранья – потом ведь придется долго выводить его на чистую воду. Однако тот уже исчез на своей крошечной кухоньке. Так что Майлз лишь кивнул вслед, соглашаясь на «чаек». Либер не оглянулся.

Ворон удивленно поднял бровь:

– Мои поздравления.

– Да уж... «удар, удар вернейший».

Загромыхали тарелки, побежала вода... Легонько скрипнула, а затем тихонько стукнула о косяк дверь.

– Черт...

Майлз оперся на трость и встал.

На пустой кухне царила тишина, если не принимать во внимание кипящего чайника. Единственный выход с кухни вел во внутренний дворик. Калитка, ведущая из него, покачивалась на петлях.

Майлз поднял наручный комм к губам:

– Роик? Подозреваемый только что бежал через задний двор.

– Уже преследую, милорд, – мрачно ответил Роик.

Глухой топот ног, сдавленное учащенное дыхание. Кто-то твякнул, не Роик. Снова топот. «Черт!» А вот это уже Роик.

– Что случилось? – потребовал Майлз.

Роик, слегка запыхавшись, ответил:

– Он только что нырнул во двор к соседям. Теперь не достать. Там женщина и два ребенка. Смотрят на меня из окна. Теперь она спорит о чем-то с беглецом. Вернее, она ему что-то втолковывает, он так бежал, что отдышаться не может. – И через мгновение: – Вы же не хотите, чтобы я туда отправился? Проникновение на частную территорию. Нападение.

Строгий тон Роика не оставил Майлзу никакой возможности пуститься в увещевания по поводу дипломатического иммунитета. Роик продолжил:

– Она ушла. Наверняка пошла звонить в полицию. Чем вы так насолили парню?

«Ничем» было бы не совсем верным ответом.

– Я не уверен, – подобрал слова Майлз. – Ладно, оставь его пока. Сбор у Йоханнеса.

– Ясно.

Майлз повернулся к Ворону:

– Значит, так. У нас есть минут пять на то, чтобы все обыскать. Вы в подвал, я займусь верхним этажом.

– Что мы ищем?

– То, что он прячет.

Наверху располагалась спальня, в еще одной спальне был обустроен рабочий кабинет, рядом – ванная. Миленькое и скромненькое (по галактическим масштабам) собрание порно в спальне валялось на самом виду. Либер явно жил без подружки. В шкафу висела одежда, стояла обувь и россыпью валялись останки спортивного снаряжения. Майлз успел бросить голодный взгляд на комм-пульт в соседней комнате – времени незаметно и до приезда местной полиции скачать нужную информацию явно не хватит. К тому же «эсбэшные» приборчики, с которыми такая операция занимает считанные мгновения, остались в консульстве.

Вдруг раздался сигнал от Ворона:

– Майлз?

– Пора уносить ноги, Ворон. Полагаю, полиция уже едет к нам.

– Честно говоря, сомневаюсь, что он их вызвал.

Интересное заявление, да еще и произнесено, чувствуется, с огромным удивлением.

– Что у вас там?

– Спускайтесь сюда, взгляните.

Майлз спускался по ступеням много осторожнее, чем взлетел по ним. По дороге он захватил трость.

На нижнем уровне дома Либера – это был не совсем подвал – вполне предсказуемо обнаружилось техническое помещение со стиральной машиной, электрикой и прочим. Тут же пустовала и большая комната, что-то вроде мастерской для реализации всевозможных проектов хозяина. Основным проектом, видимо, было накопление хлама. Ворон стоял между покрытым пылью тренажером и продолговатой формой под покрывалом.

– Вуаля! – театрально объявил Ворон и сдернул покрывало.

Под ним стояла переносная криокамера. Подключенная. Работающая. И, очевидно, занятая.

– Мы ведь оба догадываемся, кто в ней, правда? – спросил Ворон.

– Да уж... – выдал Майлз с изрядной долей восхищения в голосе. – Хотя... Это вообще практикуется, держать у себя в подвале замороженного человека? Имею в виду, здесь?

– Понятия не имею, – ответил Ворон, проводя по аппарату ладонями в поисках таблички. – Надо будет поинтересоваться у Йоханнеса или Форлинкина. Или Джина. Меня другое занимает: как он эту штуку сюда засунул?

– Полагаю, во тьме ночной.

– Нет, в смысле, сюда, вниз. Ее не развернуть на лестнице. Должно быть... Ага, вот дверь в гараж. Так-то лучше. – Ворон вскарабкался по куче хлама, открыл дверь и просунул голову. – Ого, классный гравибайк.

Майлз заглянул под криокамеру. Дешевая модель, без встроенной гравиплатформы. Камера стояла на разноразмерных подставках из кирпичей, цементных блоков, груды макулатуры – на вершине последней кучи лежал научный журнал. Сюда и подставляли гравиплатформу. Под грудой хлама ее не было видно.

Майлз поднес наручный комм ко рту:

– Йоханнес?

– Роик со мной, сэр, – сразу же ответил тот. – Нам заскочить за вами?

– Сначала один вопрос. Гравиплатформа, что мы брали вчера, все еще на борту?

– Да, простите, сэр. У меня не было времени вернуть ее в прокат.

– Отлично. Подъезжайте к черному ходу. Увидите ворота подземного гаража. Мы ждем там. Для вас есть тяжелая работенка.

– Уже едем.

Ворон поднял брови:

– Похоже на ограбление. Взлом и проникновение.

– Ничего подобного. Владелец сам впустил нас. Взлом и бегство – это может быть. Что касается ограбления... Похоже, для предмета кражи это уже не впервой. Да и преступник все-таки вряд ли пойдет жаловаться властям. Не думаю, что Либер кому-нибудь расскажет. – Майлз продолжал разглядывать камеру снизу. – Вы не нашли на ней никаких табличек?

– Только марку производителя. Известная фирма. А, вот и серийный номер, это уже зацепка.

– С этим разберемся позже.

Сначала – главное. *Если я до сих пор не смог воспользоваться тактическим преимуществом...* А ведь он может ошибаться, поразительно ошибаться. А может, он прав. И тоже всех поразит. *А, в любом случае, всех поражу.*

Когда Йоханнес и Роик подошли к флаеру, Майлз с Вороном уже открыли гараж. Оставив грубую работу грубой силой, Майлз отправился наверх, на кухню – найти, чем писать и на чем. Под руку подвернулись стилус и список покупок. Поразмыслив, перевернул лист обратной стороной и принялся царапать.

Вошел Роик.

– Изрядно попотели, но в конце концов впили. Пришлось давить на задний люк, чтоб закрыть флаер. Что вы делаете, милорд?

– Оставляю Либеру записку, – Майлз прикрепил ее к дверце холодильника.

– За каким чертом?.. – Роик наклонился и прочел. – Разве взломщики оставляют записки?

Майлз явно гордился удавшейся, по его мнению, формулировкой: «Жду в консульстве в любое удобное вам время». Никакой подписи.

– Нам ведь так и не удалось завершить беседу, – пояснил Майлз. – Теперь у нас есть кое-что, нужное ему. И он придет. По меньшей мере, сэкономим на слежке. Проклятье. Единственный из нас, кого Либер еще не знает в лицо, – Йоханнес. Правда, он нужен мне для другой работы. Тебя, наверное, порадует, что я раскаиваюсь: надо было захватить с собой опергруппу СБ, о которой ты всегда просишь.

– А толку-то в запоздалом раскаянии? – вздохнул Роик. – Может, лучше подождем возвращения Либеры здесь?

– Он не вернется. Во всяком случае, пока мы здесь. Если я правильно понимаю, он рисковал работой, а может, даже жизнью, чтобы заполучить то, что мы нашли в подвале. Он напуган и будет осторожничать, пока не обдумает все хорошенько.

А потом придет в ужас.

Предусмотрительно заперев двери гаража, вся компания забралась во флаер.

– К госпоже Сьюз, – приказал Майлз Йоханнесу. – Потихоньку и окольными путями.

Ворон перегнулся через спинку кресла:

– Знаете, если мы выкрали любимую бабушку этого бедняги, позору нам не обобратиться.

Майлз задиристо ухмыльнулся:

– Ну, в этом случае мы ее просто вернем. Оставим ночью на лужайке перед домом. Или отправим ему как-нибудь анонимно. Нет, мне, чтобы опозориться, требуется гораздо большее.

Майлзу вдруг расхотелось веселиться при воспоминании о вчерашнем постыдном фиаско. Роик то ли хмыкнул, то ли вздохнул, но Майлз решил не обращать на телохранителя внимания.

* * *

Еще в годы службы муниципальным патрульным полицейским в Хассадаре, Роик прошел курс неотложной помощи. Позднее, дав торжественную клятву графского оруженосца, он получил значительно более серьезное образование в области военно-полевой медицины. В это образование входила неотложная криоподготовка – практические занятия с пугающе реалистичной, анатомически совершенной моделью-куклой и учебным криораствором. Кошмаров у Роика после этого курса не было. Но перекладывая тело Лизы Сато на операционный стол, он уже не был уверен, что отделается так же легко и на этот раз.

Ворон и медтехник Танака действовали крайне профессионально: разрезали защитную псевдоплевру, подготовили безжизненное тело. На их лицах не видно было и тени смущения по поводу беспомощной женщины на столе. Та была не куклой и не трупом. Живой она тоже не была. А была она... Нет, не так далеко ушел человек от обезьяны, чтобы постичь, чем она была. И все-таки, если когда и придется (боже упаси!) проводить криоподготовку по-настоящему, подумал Роик, этот опыт поможет ему лучше справиться с поставленной задачей. Теперь-то он понимает, в чем суть всех действий, над которыми и не задумывался раньше. Он чувствовал, что тоже приобщился к избранным.

Что ж, после позавчерашнего безобразия милорд хотя бы уверен, что на операционном столе именно та женщина, которую нужно оживить. К счастью, в этот раз он хорошенько подумал и не стал тащить сюда несчастных детишек для опознания своей новой добычи после того, как компания выгрузила ее у Сьюз и развернула на операционном столе. На сей раз Джину и Мине даже не сказали, что ее нашли. Когда он спросил у милорда, как лучше: говорить или не говорить, тот попросту ответил: «По-всякому нехорошо». Что было сущей правдой.

Роик постарался скрыть отвращение, когда Ворон принялся втыкать разные трубочки в оттаявшую кожу, другим концом опуская их в ему одному ведомые сосуды. Когда в дверь внезапно постучали, Роик встрепенулся и обеспокоенно развернулся на каблуках.

В проеме появилась голова консула Форлинкина.

– Лорд Форкосиган, поступило сообщение... э-э...

– На сей раз, надеюсь, вы не привели детей? – встревоженно спросил милорд.

– Нет-нет, с ними сидит Йоханнес. Дети пока ничего не знают.

– Фу-фф... Хотя скоро вы сможете их сюда привести. Если все пойдет как надо.

– А если не как надо? – мрачно поинтересовался Форлинкин.

Милорд вздохнул:

– Тогда их приведу я.

– Входите, – бросил Ворон через плечо. – Наденьте фильтр-маску. Нечего в дверях маячить.

Ако поспешила к Форлинкину с маской. Консул поморщился, когда края гермоповязки слились с кожей. Он осторожно подошел к операционному столу.

– Всегда было интересно посмотреть: как же это все-таки происходит?

– Надеюсь, пока все идет без осложнений? – поинтересовался милорд.

Он взгромоздился на высоченный стул. Отчасти чтобы наблюдать за процедурой. Но в основном, как заподозрил Роик, чтобы не было соблазна все время вышагивать.

– Пока – да, – ответил Ворон и, протянув руку вверх, начал первую промывку подогретой, перебогащенной кислородом внутривенной жидкостью. Кожа пациентки принялась терять землисто-серый цвет и понемногу приобретать неуловимый бледно-ледяной оттенок. Кто-то и зачем-то сохранил ее длинные волосы, обработал гелем, завернул. Теперь они лежали спиралью, словно раковина улитки, на ее плече. А вот волосы госпожи Чен обрезали коротким хвостиком – все для удобства медиков...

Госпожа Сато оказалась выше, чем Роик представлял, – наверное, метр семьдесят. Это да еще и темные волосы придавали ей неуловимое, волнующее сходство с леди Екатериной. Правда, Роик решил не озвучивать своих наблюдений. Лицо госпожи Сато было несколько более округлой формы, только вот челюстные кости и скулы немного выступали, обрамляя его. Тело стройнее, правда, не как у более спортивной, а как у изможденной женщины. Словно хорошая девочка, попавшая в плохую компанию и подсевшая на наркоту.

– Она совсем не... – Форлинкин зачарованно выкатил глаза. – Вы же говорили, что зрелище будет жуткое, кровоточащая кожа кусками, вылезшие волосы и все такое прочее.

– В криостаз ее ввели в добром здравии, – пояснил Ворон, – криоподготовка проведена мастером, да и положили ее недавно. Вот лорд Форкосиган попал на операционный стол в состоянии значительно хуже среднего, если выражаться мягко. Думаю, кто-то же должен выглядеть лучше. Хотя бы чтоб сбалансировать это самое среднее состояние.

– Она выглядит феей из сказки.

– Что? – подал голос милорд, раскачивая ногой и отбивая такт по ножке стула. – Бело-снежка для всего одного гнома?

Форлинкин покраснел, всем видом давая понять, что такого он не говорил. Милорд ухмыльнулся в ответ.

– Теперь все, что нам нужно, – это принц!

– А лягушка-то кто? – спросил Роик, радуясь, что воображение разыгралось не только у него.

– Это совсем другая сказка, – мягко ответил милорд. – Во всяком случае, я надеюсь.

Ворон сменил трубки, и вместо прозрачной жидкости потекла темно-красная. Ледяная женщина снова принялась менять внешность – оттенок кожи сначала стал бледно-розовым, словно наступила ранняя весна, а затем и более теплым, цвета золотистой слоновой кости – как будто теперь в ее венах заструилось лето. Время шло, и вот уже Ворон перекрыл выход жидкости из ноги, забинтовав вену пластиковым бинтом. Ворон и Танака возились с трубками, проводами и странной шапочкой.

– Всем отойти, – потребовал Ворон, подняв глаза, чтобы убедиться, что аудитория – все эти ничего не соображающие неспециалисты – отступит на шаг.

Щелчок электростимулятора раздался тише, чем Роик мог того ожидать, однако сержант все равно отступил.

Вдруг грудь безмолвной женщины поднялась, кожа стала приобретать вид не просто эластичный, но и по-настоящему живой. Несколько последующих мгновений тело неритмично сотрясалось. Танака наблюдала за работой мониторов, Ворон, прищурившись, смотрел на пациента. Лицо его оставалось спокойным, но Роик заметил, как сжались в кулак пальцы в

перчатках. Наконец губы женщины раскрылись в долгом вдохе, затем еще один вдох, и Ворон разжал пальцы. Роик уже в последнее мгновение вспомнил, что надо бы выдохнуть, пока не опозорился, рухнув при всех без сознания.

– Вот и молодец, умница, – сказал Ворон и отключил искусственное дыхание.

Глаза милорда закрылись в глубочайшей признательности. Сраженный напрочь Форлинкин лишь выдохнул:

– Изумительно!

– Это моя любимая часть работы, – признался Ворон, ни к кому в частности не обращаясь, насколько понял Роик. – Чувствую себя творцом. Ну или, по меньшей мере, магом.

Губы милорда дрогнули в усмешке:

– Хотите сказать, для вас это – способ самоутвердиться?

– Не просто способ, а лучший способ! Я живу ради таких моментов.

– Всегда рад отметить, что человеку нравится его работа.

Ворон обошел пациентку со всех сторон, простучал мышцы молоточком в определенной, как показалось Роику, последовательности. Так делали врачи в древности.

– Рефлексы работают, периферийная система включается очень хорошо, – доложил он. Вернувшись к изголовью, отбросил прядь волос с ее лба каким-то ласковым жестом. – Госпожа Сато? – позвал он. – Лиза?

Веки затрепетали, распахнулись, захлопнулись. Восточный разрез глаз – наследие предков с Земли – оказался классическим миндалевидным. Радужка – насыщенного, темно-карего цвета, отчего сходства с леди Форкосиган стало еще меньше. У миледи были изумительные серо-голубые глаза.

– Слух возвращается, – продолжил наблюдения Ворон, – по меньшей мере, в целом. Лиза? Вы меня слышите?

Наверное, мало радости – открыв глаза, увидеть вокруг лица в масках. Словно бандиты. Особенно если последнее, что она помнила, – лица тех, кто ее разве что не убил. Может быть, они издевались? Или вели себя строго профессионально? Безразлично? Все равно они – бандиты, укравшие ее волю, ее мир, ее жизнь.

Роик наклонился:

– Мэм, вы в безопасности. Вы живы и среди друзей. Вы спасены. Ваши дети также в безопасности и под защитой. Вы скоро с ними увидите.

Веки снова задрожали, она простонала.

– Голос тоже возвращается, – радостно заметил Ворон, – что должно вас порадовать, милорд Аудитор.

– Так и есть, – ответил милорд.

Женщина вздохнула. Видно было, что напряжение покидает ее тело.

– Она проспит несколько часов, – предупредил Роик. – Чем дольше, тем лучше.

– Мы ее вымоем и перенесем в изолятор, – предложила Танака. – Ако, помоги обработать кожу.

Трубки и иглы вытащили, провода смотали, аппараты отключили. Роик помог переложить теперь живую женщину со стола на каталку. Милорд соскользнул со стула, потянулся и оперся на трость.

– Когда мы сможем перевезти ее в консульство?

– Все зависит от того, как скоро восстановится плазма крови, ну и некоторые другие вещи. Вполне вероятно, что уже послезавтра. Ей нужно будет обеспечить покой. Подойдет одна из спален наверху.

– Будет сделано, – сказал Форлинкин.

Милорд повернулся к консулу:

– Постойте-ка, а вы что здесь делаете? Либер еще не объявился?

– Пока нет. В комнате связи вас ждет секретная депеша с Барраяра. Мы не можем ее прочесть, поэтому и сказать, насколько срочно это послание, я не могу. – А потом неохотно и честно добавил: – А еще уж очень хотелось знать, как у вас тут все продвигается. Мне ведь приходится что-то говорить Мине и Джину.

Роик понял это так, что Форлинкину не хочется, чтобы его опять подставили. Что ж, вполне понятное желание.

– Ясно, – ответил милорд. – Ворон, если вам не требуется моя помощь, то я, пожалуй, вернусь.

Ворон махнул, соглашаясь, и, вместе с Ако и медтехником, покатил пациента в изолятор. Без них комната совершенно опустела. Печальная и захлавленная, она стояла словно наутро после празднования зимнего солнцестояния.

Форлинкин поморгал и встряхнулся, будто приходя в себя после долгого отсутствия.

– Все это крайне необычно. Я никогда прежде не видел смерти. А здесь... время пошло вспять. Или как-то так...

– Я видел смерть. В остальном – согласен с вами, – подал реплику милорд.

– Мы играли в Бога, да? – грустно спросил Форлинкин.

– Не более чем те, кто уложил ее в криокамеру. Только наша цель благороднее, – ответил милорд и тихонько добавил: – Я полагаю. – Нахмурившись, он выудил Аудиторскую печать на цепочке и посмотрел на нее сверху вниз, слегка скосив глаза. – Секретная депеша, говорите? Знаете, в возрасте Джина я был бы вне себя от счастья, доведись мне стать обладателем кольца-декодера. Теперь оно у меня есть, и что? Обуза! Как грустно, что счастье настигает человека так не вовремя!

Когда милорд укывлял, чтобы дать последние указания Ворону, на короткое время Роик остался один на один с консулом. Тот стоял и обалдело смотрел в коридор, вслед маленькой удаляющейся фигурке.

– Когда мне сказали, что консульству следует приготовиться к приему Имперского Аудитора, я ожидал чего-то другого, никак не похожего на лорда Форкосигана.

Роик решил сдержаться и не хохотнуть.

– Девять Имперских Аудиторов – очень разные люди, когда познакомишься с ними поближе. Лорд-Аудитор Фортис, который также приходится дядей миледи, похож на взъерошенного профессора-технаря, потому как им и является. А есть ведь еще нестигаемый адмирал, дипломат-пенсионер, промышленник... Милорд стал у Грегора чем-то вроде эксперта по галактическим вопросам. Император фантастически прозорлив в подборе дел своим Аудиторами. Есть у меня предчувствие, что сейчас мы занимаемся ерундой, но послали нас на другую планету не просто так.

Роик на самом деле просто жаждал позаниматься ерундой – хоть какой-то отдых.

– Что ж, это много объясняет, – с сомнением сказал Форлинкин, – как мне кажется...

Роик криво усмехнулся последним трем словам.

– Угу.

* * *

Майлз облегченно вздохнул, когда увидел индекс на «депеше» в комнате связи. Похоже, пришел еженедельный доклад от Екатерины, что объясняло отсутствие грифа «срочно». Ну, хоть что-то хорошее во всей этой суматохе. Поразмышляв над разницей между «срочно» и «важно», он наклонился вперед, аудиторская печать качнулась на цепочке, и послание открылось.

Над пластиной стереовизора появилось улыбающееся лицо, и он нажал на паузу, просто чтобы хорошенько посмотреть на собственную жену. В последнее время вся ее жизнь пре-

вратилась в череду непредсказуемых событий. Только во сне Екатерину можно было увидеть в состоянии покоя. Ясные серо-голубые глаза, искренний взгляд, гладкие темные волосы без признаков седины, хотя Екатерина была на два месяца старше него. Принимая во внимание, что жена принесла ему четырех наследников за неполные шесть лет, отсутствие седых волос было скорее чудом. Появились наследники, конечно, из репликатора, но все-таки... Он сам был единственным ребенком в семье. Длинный шлейф болезней тащился за Майлзом с детства, и они не столько лечились, сколько сменялись новыми. Пожалуй – да нет, не «пожалуй», а совершенно точно, – он недооценил, сколько внимания потребуется нормальному здоровому ребенку, даже несмотря на его собственное положение и деньги. Потому что есть такое, что никому не доверишь, что родители должны делать сами, – иначе ты многое теряешь.

Конечно, во время записи она смотрела не на него, а в камеру, напомнил себе Майлз, но под мягко-ироничным взглядом жены он включил воспроизведение, чувствуя необъяснимую вину за то, что остановил изображение.

– Здравствуй, моя любовь, – сказала она. – Мы получили крайнюю весточку от тебя с радостью и облегчением. К счастью, я не сказала детям о первом, тревожном послании – второе появилось как раз вовремя. С содроганием представляю, через что прошли твои родители, пока ты был занят на... предыдущей работе. Хотя, полагаю, по отцу, с его характером фора, это было вовсе незаметно, а вот мать... вовсе не представляю. Наверное, говорила всякие бетанские колкости.

Вообще-то, на службе в СБ он обходил подобные проблемы. Просто не посылал домой сообщений, и все. Не то чтобы отец не мог потребовать доклада от главы СБ, когда ему вздувается. «Или не мог достаточно собраться с духом, чтобы потребовать такой доклад», – раздался у него в ушах колкий материнский голос.

Затем Екатерина перешла к лаконичному описанию дел в округе Форкосиганов – прежде чем рассказать о делах домашних. Она всегда говорила сначала о главном. Если бы Екатерина сразу начала с дома, он бы понял, что в семье произошло что-то серьезное. Рассказ жены напомнил о том, что свои обязанности по управлению округом Майлз совсем забросил, хотя на этой неделе, кажется, не произошло ничего, что потребовало бы срочного обращения к его – вернее, отцовскому – представителю в Совете Графов. И отец, и мать были далеко от дома, исполняя вот уже который год обязанности вице-короля и королевы на Сергияре.

Ох уж эти Форкосиганы! Просто какая-то семейная традиция – забросить свои собственные дела и служить императору. Однако у всего своя цена. Майлз припомнил, не без сдержанной гордости, как окружной староста как-то раз сказал о Екатерине: «Вы принадлежите Императору, а леди Форкосиган – нам».

Так и есть.

– Теперь к делам домашним, – продолжила Екатерина, – показываем последние достижения.

Изображение сменилось другим, подрагивающим.

– Молодец, Елена, – раздался голос Екатерины, а помещение закружилось перед Майлзом. Это была библиотека Форкосиганов, он узнал сразу, несмотря на безумную скорость вращения. – Поворачивай камеру тихонько, а то у папы головокружение начнется.

– Какое еще головокружение? – спросил детский голосок за кадром.

Саша? Нет, боже, да это Лиззи! И сразу же ответ Екатерины:

– Это когда перед глазами все кружится.

– А-а... – Новое слово было воспринято с должным вниманием.

Перед ним возникла десятимесячная малышка Таури, серые глазки под копной пушистых черных кудрей; стоит, крепко вцепившись в край низенького столика. Саша, которому уже почти шесть, его сестра-близнец Елена, их трехлетняя сестренка Лиззи сидят втроем на

заднем плане на диванчике. Саша с интересом наблюдает, Лиззи со скучающим видом покачивает ножкой, мол: «Ну и что? Я тоже так могу».

– Иди сюда, Таури, – нежным голосом позвала Екатерина, – иди к мамочке.

Ах, как это прозвучало! Майлз чуть не свалился на пластину стереовизора, потянувшись к этому соблазнительному голосу.

Таури повернулась, покачиваясь, на маленьких пухленьких ножках, отпустила стол одной рукой, принялась размахивать ей, балансируя. Затем отпустила другой. Затем кривонного зашлепала к маминым протянутым рукам. И как только дети умудряются учиться ходить в подгузниках? Невероятно. Но вот она пошла, упала в материнские руки, ликуя улыbnулась, и Екатерина подняла ее высоко над головой – это триумф!

– Дай теперь я попробую, – попросил Саша, словно сестренка – заводная игрушка. Он сел на колени напротив Екатерины и ободряюще позвал сестру: – Иди ко мне, Таури! Давай, у тебя получится!

Окрыленная первой победой, Таури радостно закурлыкала и потопала к нему еще быстрее, но тут же растянулась, ударилась подбородком и подняла такой вой! Скорее, конечно, от обиды, чем от боли, это Майлз понял по тембру голоса. Саша поднял ее, хохоча:

– Эй, сначала надо научиться ходить, а бегать – потом!

Он развернул ее и направил к маме, «испытания» продолжились более успешно.

Лиззи к этому времени соскользнула с диванчика и закружилась по полу волчком, подпевая:

– Голово-кружение! Голово-кружение!

А потом рванулась к Елене. Судя по тому, как все резко крутанулось перед глазами, Майлз понял, что старшая сестра своевременно подняла камеру над головой, убрав ее из пределов досягаемости младшей.

– Нет, теперь я буду снимать! – послышался голос Лиззи. – Дай мне! Дай мне! Мам! Скажи ей, чтоб отдала мне!

Представление закончилось, не успев начаться. Майлз посмотрел еще раз, желая найти разгадку: действительно ли это первые шаги Таури или представление, отрепетированное чтобы его порадовать. Наличие камеры на месте действия свидетельствовало о последнем...

Вновь возникло лицо Екатерины на фоне ее захламленного кабинета на третьем этаже. За окном, выходящим на северную сторону, сквозь верхушки привезенных с Земли деревьев, виднеется ее садик в барраярском стиле.

– Как жаль, что сержант Таура не дожила, не познакомилась со своей тезкой, – произнесла она задумчиво. – Я рада, что тебе удалось хотя бы рассказать ей о малышке Таури перед смертью. Может, стоило назвать Лиззи в ее честь, а не в честь твоей бетанской бабки? Чтобы пораньше? Кстати, об именах. Саша объявил, что теперь он – Алекс. Наверно, просто устал уговаривать всех звать его Ксандром. От «Лекси» и «А.А.» он похоже навсегда отказался. Причина все та же: если мы отказываемся звать его Эйрелом в честь деда Эйрела, то нельзя и звать его Сашей в честь деда Саши. Но это, последнее, ему похоже понравилось, к тому же ему удалось переманить Елену на свою сторону. Поэтому в следующем своем сообщении будь добр звать его «лорд Алекс». Думаю, стоит поощрить его решимость и логику мышления.

И то верно. Майлз, помнится, очень беспокоился, став молодым отцом, когда вдруг выдумал, что у Саши – Алекса – задержка речевого развития по сравнению с его сестрой-близнецом Еленой. В конце концов Екатерина обратила его внимание на то, что сестра мальчика не дает ему задать ни единого вопроса самостоятельно, ни единого слова вставить не позволяет. Не было никакой задержки, просто очень уж он был неагрессивный. Вскоре мальчик заговорил целыми предложениями, стоило Елене – его назойливому переводчику – выйти из комнаты.

– Только подумать, ты ведь и сам стоял перед проблемой выбора имени. И был уже значительно старше него. История повторяется, отдается эхом... Он любит тебя, и не важно, как его называют. Мы все любим тебя. Будь там поосторожнее, Майлз. И поторопись домой.

Изображение исчезло.

Вот бы забраться на пластину стереовизора и телепортироваться на Барраяр со скоростью света.

Майлз вздохнул. Всю жизнь он не мог дождаться, как бы улизнуть из дому. Как так получилось, что теперь его желание изменилось с точностью до наоборот?

Замечание Роика никак не шло из головы: «Если бы вы остановились, когда мы были на подъеме, побеждали...» Ну не он же сам заплел этот клубок на Кибо-Даини!

Когда же объявится треклятый Либер! Хорошо бы, сейчас. Удивительно, что он так медлит. Может, придется послать кого-нибудь, чтобы доставить его сюда, в конце концов! А вдруг Лиза Сато очнется с временной криоамнезией? А вдруг она не знает ответов на его вопросы? Нет уж, должна же она знать то, что известно Либеру. Готов поставить целую кучу бетанских долларов, он – именно тот, кто первым и рассказал ей обо всем.

Либер перепугался, и это здорово раздражало Майлза. *Почему он так испугался? Он ведь даже не знает, кто мы такие.* Очевидно, это был страх, боязнь кого-то или чего-то другого. Возможно, именно того, о чем Майлз пытается разузнать в данный момент. Но ему и самому пока неясно, что он ищет.

Как Сато была наживкой для Либера, они оба теперь наживка... для чего? Зачем? Майлзу уже доводилось ловить на живца – использовать людей, как привязанных овечек для приманки тигра. Правда, не совсем так, не тех, у кого были детишки. *А может, раньше ты просто не замечал таких деталей?* Он уже не помнил. Если у него нет под рукой людей, чтобы поймать Либера, то нет и людей для круглосуточной охраны консульства и тех, кого оно защищает. Роика и Йоханнеса было совершенно недостаточно, даже если бы у них не было никаких других обязанностей. Давать им какие-то дополнительные поручения без поддержки – настоящее издевательство. Ворон – не единственный, кто не любит подставы.

Несмотря на расстояние, которое пролегло сейчас между ним и семьей, у Майлза мурашки пробежали по коже от благодарности к Грегору. В аудиторских трудах судьба забрасывала его далеко от дома; но это значит, что далеко от его семьи оставались и те, кого приводили в бешенство его расследования. *Разозлить злодеев во славу Барраяра – вот, пожалуй, как можно описать мою работу.* Вот и спорь потом, кому больше нравится его работа.

Майлз склонился над консолью и принялся составлять аудиторский запрос в барраярское консульство на Эскобаре с просьбой немедленно прислать оперативную группу, а также составил предварительную заявку на судебно-бухгалтерского эксперта Службы безопасности и группу юристов.

Он ничего не знал о своем невидимом враге. Знал только, что тот настроен весьма решительно и серьезно. *В лучшем случае, группа будет здесь через пять дней.* Достаточно ли у него было информации пять дней назад, чтобы составить такой запрос? *Наверное, нет.*

Майлз снова запросил данные по «Новому Египту» и принялся их лопатить. Голос к Лизе Сато вернется еще не скоро.

Глава четырнадцатая

Уже на следующее утро, когда Либер так и не объявился в консульстве, милорд признал свою ошибку и отрядил Роика с Йоханнесом разыскать доктора. Роик только вздохнул: если бы милорд принял такое решение сразу! Он начал с двух наиболее очевидных зацепок. Позвонив Либеру домой, ответа не получил. Позвонив на работу, узнал: доктор предупредил, что приболел – что-то съел, наверное, как он объяснил своему помощнику, – и не появится на работе дня два.

Ну конечно.

По указанию Роика Йоханнес собрал лучшую разведаппаратуру в консульстве, и они оба отправились домой к Либеру.

Его внимание вновь привлекла новостройка, которую Роик заметил в прошлую поездку. Вывернув шею, прочитал надпись на рекламном щите: «Сенчури Истейт. Вы родились 150–130 лет назад? Давайте к нам!»

– Это еще что такое? – поинтересовался он у Йоханнеса.

– Анклав одного поколения! – ответил тот. – В больших городах то и дело на такие натываешься. Размороженные, по крайней мере те из них, у кого достает денег и здоровья. Обнаружив, что новый Кибо им вовсе и не по нраву, собираются вместе, пытаются возродить атмосферу своей молодости.

– Ха! Что-то вроде любительского исторического театра? Что ж, хоть кто-то поймет твои шутки.

– Ну, наверное, – с сомнением в голосе согласился Йоханнес.

Роик послал Йоханнеса с флаером к черному ходу, а сам пошел к дверям. Нет ответа. Через несколько минут ему открыл Йоханнес.

– Гараж не заперт. Гравибайка нет.

– Ясно. Давай-ка осмотримся, а потом заглянем в его комм-пульт.

Тела не обнаружилось ни в чулане, ни в душе, ни в шкафу, ни в мусорном баке – короче, нигде, где тело можно припрятать.

Предусмотрительное послание от взломщиков – записка милорда – исчезла с холодильника, который остался все так же набит холостяцкими припасами. Кухня оказалась прибранной, постель – более-менее заправленной. Во всяком случае, на ней лежало покрывало. Вероятно, он прихватил какую-то одежду и обувь – достаточно, чтобы нагрузить багажник гравибайка, – однако и осталось ее предостаточно. Туалетных принадлежностей не было.

Йоханнес принялся за комм-пульт, копируя все содержимое через порт шифрокабеля на «эсбэшный» носитель, контролируя процесс на стереоэкране.

– Ого! – через мгновение выдал он. – А ведь за этой штуkenцией следят. Интересно, знал ли Либер?

Роик наклонился к нему. Ух ты, и правда!

– А нас не засекут?

– Вроде не должны, – прозвучал как-то неуверенно ответ Йоханнеса.

– Можно отследить, где жучок?

– Частично. Я попробую закончить процесс в комнате связи.

– Открой-ка журнал контактов за последние два дня, с момента нашего посещения.

Контактов было всего три. Вчера утром Либер позвонил на работу, сказавшись больным. Затем приобрел билет на скачковый корабль до Эскобара. После этого опустошил свой сберегательный счет и перевел все на пару универсальных кредитных карт. Личных сообщений ни друзьям, ни родственникам не было. Он мог оставить ключ от дома и информацию у соседей, подумал Роик, однако решил не проверять этой догадки – уж очень ему не хотелось поднимать

нежелательный шум расспросами соседей, те вполне могли запомнить его с позавчерашнего приезда. Оставалось лишь гадать, чего Либер наплел соседке. Уж точно не правду.

– Скачковый корабль отходит только завтра утром, – заметил Йоханнес.

– Вижу.

– Может, он уже на борту?

Роик нахмурился, разглядывая расписание:

– Э-э... Нет, этот корабль только сегодня к вечеру придет на внутреннюю орбиту. – Он задумался: – Как только Либер пересечет охранную зону космопорта, он выйдет из «подполья». Тогда о его местонахождении сможет узнать каждый, кто пожелает. И если его можем отследить мы, то смогут и враги. Не думаю, что они сильно стеснены в средствах. Уж точно нет, если за ними стоят криокорпорации. Он будет ждать окончания посадки. Скорее всего, сейчас он где-то затаился.

– Может, у друзей? Тогда найти его будет крайне сложно. – Йоханнес покосился на комм-пульт: – Хотя вот это может помочь.

– Либер боится за свою жизнь и наверняка не захочет подвергать риску жизнь друзей, – медленно проговорил Роик, – милорду Либер не показался человеком безжалостным.

– Город-то большой, – проявил наблюдательность Йоханнес.

– Тогда начнем с очевидного. – Роик поднялся на ноги. – Собираемся и едем в космопорт.

Во флаере Роик открыл бортовой комм – с безопасным, «эсбэшным» каналом – и посмотрел, где неподалеку от космопорта можно снять жилье. Два здания находились внутри охранной зоны порта, с полдюжины – в близлежащей промышленной зоне. Прикинув, что для Либера могло оказаться выгоднее – «ближе» или «дешевле», он решил начать с дешевого жилья. По пути к жилому району он подумал, что общегалактическая транспортная система формирует лицо города, из-за нее города на разных планетах так похожи, – гораздо более единообразны, чем он предполагал, пока не покинул Баррайр впервые. *Далеко же ты зашел, парнишка из глубинки.* А в целом Роик был рад, что никакая добрая фея не помогла ему стать тем, кем он хотел в детстве. Сейчас детские мечты казались мелкими.

– А теперь что? – спросил Йоханнес, когда они въехали на территорию стоянки жилого городка. – Будем наблюдать? Или спросим у администратора?

– Не думаю, что Либеру запомнили, даже если и видели, – ответил Роик, – к тому же здесь все на самообслуживании.

Не такая теснотища, как на некоторых космических станциях, где Роик побывал. Сдававшиеся там по часам комнаты больше походили то ли на кладовку, то ли на гроб. Однако здесь все выглядело слишком уж утилитарно и никак не располагало к осмотру достопримечательностей. Даже сейчас, среди бела дня, тут как-то мрачно – здание стояло в тени бетонного возвышения эстакады и промышленного комплекса.

– Поехали по стоянке. Будем искать гравибайк.

Едва обогнув здание, они наткнулись на стоянку гравибайков под навесом. Роик сразу же узнал байк Либеру среди полдюжины других.

– Ух ты! Нашли с первой попытки! – восхитился Йоханнес.

– Ну, все-таки я кое-чему научился, работая с милордом, – скромно заметил Роик, умолчав, правда, что им просто повезло.

Везет ведь не только дуракам. Наверное, умным тоже должно везти. Роик бы и сам удивился, если б что-нибудь не подвернулось за первые три попытки. Несколько минут они просто сидели во флаере, и Роик продумывал ситуацию, как продумал бы ее милорд. Нет, отставить. Лучше продумать ее, как это сделал бы Либер. А все-таки лучше, как Роик.

Интересно, кого враг пошлет за своей жертвой, полицию или наемников? Если враг – одна из криокорпораций, то к ее услугам, конечно же, вся полиция. Можно запросто выдвинуть обвинение Либеру в краже корпоративного имущества: нужно только дождаться на регистра-

ции в космопорту и взять его тепленьким, при попытке к бегству. Но это значит, что останутся следы: имена, видеозаписи охраны порта, куча бесконтрольных свидетелей. А вот если послать к Либеру небольшую шайку наемников до того, как он доберется до порта, можно все сделать по-тихому. И если уж Роику удалось вычислить парня, то, вероятно, умники в забавных штанах тоже справятся с задачей.

В их с милордом команде разговаривать разговоры было не по Роиковой части. Получится ли у него убедить Либеру в том, что в консульстве – безопасно? Ведь у милорда не получилось. Видимо, придется попробовать. Он посмотрел вверх.

– Это еще что такое?

Бетонная передняя стена здания отбрасывала пульсирующие вспышки голубого света.

– Здесь голубой свет используется чрезвычайными службами, – обеспокоенно пояснил Йоханнес.

– Поехали ко входу.

Прибыв ко входу, они увидели пару санитаров в голубых халатах и брюках. Те выкатили гравиплатформу из заднего люка флаера без опознавательных знаков и поспешили в фойе здания, сквозь сдвижные двери. Оба здоровяки, один высоченный, а у второго, похоже, все предки (с обеих сторон) были борцами. Разве чрезвычайные службы не посылают по неотложным вызовам женщин? Видимо, не всегда. Работая по двадцать четыре часа в сутки и познакомившись с обязанностями охранника в родовом гнезде Форкосиганов и двух других официальных резиденциях милорда, перестаешь чему-либо удивляться.

– Жди меня здесь.

Роик выскользнул из их собственного флаера и, подойдя к неопознанному аппарату, заглянул внутрь. В заднем люке не было стекла, но его оставили незапертым. Весьма неосторожно со стороны санитаров – мало ли что может случиться с лекарствами и дорогостоящим оборудованием? Роик открыл дверь, заглянул внутрь и поднял к губам комм на запястье:

– Интересное дело, Йоханнес. А ларчик-то пуст. Никакая это не «Скорая помощь», обычный флаер.

– Ого.

– Зайду-ка я в дом, перехвачу этих парней на выходе. Прикрой меня из флаера.

Роик все никак не мог составить в голове цельную картину происходящего, но какие-то догадки уже вырисовывались.

В фойе сидела взволнованная девушка-администратор. Когда Роик вошел, она взгляды вала в глубь коридора.

– Что здесь происходит? – спросил Роик.

– Похоже, один из наших постояльцев заболел и вызвал «Скорую». Надо было ему позвонить сюда, администратору. Мы бы и сами помогли.

– Он что, с другой планеты? Может, он какую-нибудь болезнь притащил? – продолжал Роик. – Может, заразу какую?

– Нет-нет, насколько я поняла, у него внезапный приступ. Повезло еще, что смог воспользоваться наручным коммом. – Девушка собралась, вспомнив об обязанностях. – Мне нужно сходить, запереть за ними, проверить, чтобы его вещи не пострадали. – Она повернулась к Роику: – А вы, вероятно, зарегистрироваться хотели, сэр? Из дежурных осталась только я...

– Ничего страшного, не торопитесь. Сначала главное.

Роик махнул рукой, и девушка поспешила по коридору. Оттуда как раз выкатывалась гравиплатформа. Миновав двери, санитары развернули ее. Высокий закрепил контейнер с внутривенным раствором на штативе, наклонился, пощупал пульс пациента. Роик заметил, что под одеялом лежит мужчина, крепко прикрученный к платформе ремнями, кислородная маска на все лицо приглушала стоны. Роик шагнул вперед, изобразив на лице любопытство и озабоченность. Платформа всплыла в фойе, по оба фланга вышагивали охранники-санитары.

Доктор Либер моргал затуманивающимися глазами и постанывал под пластиковой маской.

– Что произошло? – Роик назойливо последовал за ними из фойе на выход. – Это опасно? Вам требуется помощь?

– Нет, спасибо, – ответил высокий. – Помощь не требуется.

– Так что случилось? Сердечный приступ?

– Мы пока не знаем, – сказал высокий. – Человеку стало плохо.

– Может, передозировка? Здесь, наверное, неблагополучный район? Я только что из космопорта. – Впервые Роиковы акцент и неместный вид сыграли ему на руку. – Собрался было поселиться и выспаться после скачкового перелета, но теперь вижу, что не стоит.

«Борец» глянул на него искоса и раздраженно:

– Нет, никакой опасности нет. Идите, регистрируйтесь.

Оба распахнули люк флаера, груз скользнул на борт, «санитары» последовали за Либером, чтобы закрепить гравиплатформу.

Роик с любопытством сунул голову вслед за ними:

– Вы правда так думаете?

– Успокойтесь! Никакой опасности нет! – озлобленно ответил высокий из глубины темного грузового отсека.

– Вот и хорошо! – ответил Роик, достал парализатор и шлепнул обоих.

С двумя такими «шкафами» – мороки не обернуться. Драться, потом таскать их. А Роик терпеть не мог драться. Если человек большой, это еще не значит, что он любит быть битым. Сдавленный голос Йоханнеса раздался над самым ухом, не из комм:

– Какого дьявола здесь происходит?

Роик попросил прикрывать, однако не просил же он наступать на пятки! Впрочем, не ему упрекать лейтенанта в любопытстве. У Йоханнеса чуть глаза на лоб не вылезли, когда он всмотрелся во тьму отсека.

Роик спрятал парализатор в наплечную кобуру.

– Мы только что спасли доктора Либера. Не думаю, правда, что он именно так оценит наш поступок.

Он забрался в грузовой отсек флаера и проверил, живы ли «санитары». Парализатор – далеко не самое гуманное оружие, после поражения им у людей проявляются все возможные скрытые заболевания, ежели таковые имелись. К счастью, эти два здоровяка не были похожи на жертв тысячи болезней. Роик решил обезопаситься – в целях продления программы сотрудничества и взаимопомощи всадил в затылок каждому еще по заряду из парализатора, затем аккуратно уложил на полу фургона.

Роик не очень-то полагался на действенность речей вроде «мы тебя спасли, так что давай-ка, проявляй благодарность, сейчас отвезем в безопасное место». Да и вообще, поговорить не пришлось: повернувшись к Либеру, Роик понял, что тот без сознания. Оставалось только надеяться, что в пневмошприц набрали транквилизатор, а не смертельный яд. Вот Роик, будь он врагом Либера, даже задумав ужасное кровавое убийство, обязательно сначала взял бы его живьем, чтоб допросить под пентоталом. Вообще-то, Роик допросил бы Либера под пентоталом, даже не будь он врагом Либера. Решать, правда, милорду.

Либер дышал ровно, кожа не приобретала никаких жутких оттенков.

– Давай за мной, едем к Сьюз, – скомандовал он Йоханнесу. Помимо прочих «полезностей», там их ждет доктор Дюрона. Роик призадумался. – Нет, лучше давай ты поезжай вперед.

Он запер задний люк флаера, погасил мигалки и последовал за Йоханнесом со стоянки. Интересно, раздумывал Роик, не перенимаю ли я отношение милорда к жизни или как минимум к расследованию? Раньше у него вряд ли получилось бы так гладко. Трудно сказать, что сформировало стиль милорда: его безоглядная преданность делу, самоуверенность Фора или

же просто безумие. Роик только знал, что сейчас, вот прямо сейчас, ему ужасно хочется весело насвистывать.

Вместо этого он поднес к губам комм, вызвал милорда и кратко пересказал результаты выполнения утреннего задания, если можно так напыщенно перефразировать лаконичный приказ милорда: «Роик, отправляйся и притащи мне этого идиота».

А затем, оставшись в одиночестве в водительской кабине, он насвистывал всю дорогу к Сьюз.

* * *

Джин сидел на кухне консульства и в который раз пересчитывал свою долю денег – тех, что Роик торжественно вручил ему с Миной утром после завтрака. Воображение мальчугана бурлило от внезапно открывшихся возможностей. Мина уже припрятала свою долю в рюкзачке наверху и теперь с интересом наблюдала, как брат перетасовывает пачку нововойен – пять тысяч, больше, чем он одновременно держал в руках за всю жизнь! В давние, добрые времена, еще когда отец был жив, Джин не получал больше пяти сотен даже в день рождения.

– А что ты со своими сделаешь? – поинтересовалась Мина.

– Пока не знаю. Этого хватит на много месяцев на корм моим зверушкам. А можно купить новых. Мне всегда так хотелось завести рыбок, да тетушка Лорна не давала, а у Сьюз не получилось бы. Как взять с собой рыбку, если ночевать приходится на улице?

Мина нахмурила бровки:

– Думаешь, мы здесь надолго задержимся?

Джин замялся:

– Не знаю...

– Как думаешь, мне хватит на пони?

– А где ты собираешься держать пони? Для этого вроде бы нужно много терраформированной земли. Здешний садик не подходит – маловат.

– У тетушки Лорны уж точно маловато земли перед домом. А здесь, у консула Форлинкина, хотя бы трава есть.

Джин попытался представить себе эту картину. Клочок земли за зданием был немногим больше гостиной консульства. Цыпленку-то есть где побегать, но вряд ли достаточно для животного побольше.

– Не горюй, – ободряюще сказал он, – у тебя ведь есть Леди Мурасаки. У пони четыре ноги, у паука – восемь, значит, паук – в два раза лучше, правда?

Мина бросила на него насмешливый взгляд.

– Посмотрю я, как ты будешь седлать Леди Мурасаки!

Джин попытался представить упряжь для паучихи – что-то вроде ниточки с узелками. Интересно, какое насекомое можно заставить оседлать тарантула? Кого тарантул не съест? Скачки были бы гораздо интереснее, если бы пони были плотоядны, как пауки, подумал Джин. А не найдется ли в консульстве ниток взаймы?.. Не успел он размечтаться, как на кухню зашли консул Форлинкин и Майлз-сан, оба одевались на ходу.

– Форлинкин отвезет меня к госпоже Сьюз, нам надо взглянуть на кое-что, – объяснил Майлз-сан детям. Майлз и Роик подолгу бывали там в последнее время, возвращались мрачными и задумчивыми, все больше помалкивали. А Ворон-сенсей вообще оттуда не вылезал. – Юуити Мэтсон останется с вами, так что вы не в одиночестве. Но если придут незнакомцы, вам нужно оставаться подальше от их глаз. Пожалуй, в самый раз – наверху. Можно и в садике за консульством, только, чур, не шуметь.

– Я вернусь сразу, как освобожусь, – пообещал Форлинкин.

Мина подняла на него глаза:

– А когда вы найдете нашу мамочку?

– В самое ближайшее время мы ждем хороших новостей, – ответил Майлз-сан.

Джин с сомнением отнесся к этому успокоительному тону. Опять взрослое вранье? Судя по наморщенному лобику, Мину ответ тоже не убедил.

Однако вслух она почему-то спросила:

– Лорд Форкосиган, а если бы у вас были дети, вы бы им купили пони? Не пауков, а пони, правда?

Он удивленно посмотрел на нее:

– У меня есть дети, и у них есть пони. Не пауки. Хотя, думаю, захоти они пауков, были бы им пауки. Есть же у нас масляные жуки. С рисуночком на спинке. Я разве вам не показывал моих домашних?

И тут он, к удивлению и вящему смятиению Джина, извлек из кармана стереокуб и принялся показывать сканы. Вот темноволосая, нормального роста женщина. Джин сразу понял, что она нормального роста, потому что на некоторых снимках они стояли вдвоем, и Майлзова макушка едва доходила женщине до плеча. Потом целая куча – аж в глазах зарябило – разновозрастных детишек. Джин не сразу понял, сколько их всего, пока Майлз-сан не показал общий снимок. Темноволосый мальчик и рыжая девочка чуть помладше Мины, младенец на руках той самой красивой женщины и ногастый карапуз в окружении всей компании. *Четверо* детей.

Он понадеялся, что Мине хватит ума проявить хотя бы вежливый интерес, а не расплакаться от обиды. Джин до сих пор не мог понять, кто же все-таки такой этот Майлз-сан. Наверное, он был очень крут, если даже консул выполнял его приказы.

– ...А вот Елена на своем пони в Форкосиган Сюрло – у нас там дом на озере. А вот Саша гладит своего. Ксандр. В смысле, Алекс.

«Ну и беспечный же он отец, этот Майлз-сан, если не помнит, как зовут собственного сына», – подумал Джин. В конце концов, мальчик-то всего один. Ему же не надо зачитывать целый список мальчиков, чтобы выбрать, кто сегодня самый непослушный, как дядюшка Хикару проделывал иногда с ним, Тецу и Кеном.

Однако пришлось признать, что пони великолепны. Один – серебристо-серый в яблоках. Другой – блестящий, темно-гнедой, с черной гривой, хвостом и «гольфами» на ногах и белой звездой на лбу. У обоих пони темные, умные, дружелюбные глаза, выражающие терпение к своим малолетним поклонникам. Мина выпучила глаза и раскрыла рот в совершенно неприкрытой зависти. Кругом – природа, необъятные пространства, множество животных: собаки, кошки, птицы на заднем плане многих из этих снимков. А что там, на вон тех, поросших лесами холмах? Кто знает, сколько еще всякой живности обитает там? И рыба в настоящем озере, а не в аквариуме в каком-нибудь, и, может, всякие ползучие чудеса местной природы в ручьях, бегущих в это озеро, – может, даже лучше, чем в самых дерзких Джинových мечтах.

И все это для тех, *других* детей. Детей, у которых есть живой папа и живая мама. Как там всегда любил приговаривать дядюшка Хикару? Богатые – богатеют...

Это значит, что бедные – не богатеют. Он опять посмотрел на *этих* детей, на Майлза, такого гордого и счастливого, и понял, что Мина сейчас разревется. Да и у него самого в горле застрял ком – от зависти и непонятно откуда взявшейся злости. Ведь не мог же Майлз-сан скрывать все о своей семье только для того, чтобы так запоздало подразнить Джина.

– Я бы не осмелился не научить их верховой езде, – продолжал рассказ Майлз-сан. – Иначе призрак деда не оставил бы меня в покое. Правда, не могу сказать, что он меня и так не беспокоит. Форы ведь всегда были военным сословием, и в Период Изоляции тоже. Рыцари или бандиты – это с какой стороны посмотреть. В любом случае, верховые. Это традиция. – На последнем слове он сделал особенное ударение, словно оно отдавало во рту странным вкусом. – В наши дни – умение совершенно бесполезное, но мы его храним.

Тут Форлинкин сказал:

– Наверное, нам пора.

А Майлз-сан согласился:

– Угу.

И аккуратно припрятал стереокуб в карман, словно тот был невесть знает что. Оба вышли и отправились через сад к большому гаражу.

Джин и Мина переглянулись.

– Н-да... – сказала девочка. – Ну, я хотя бы насчет пони была права.

Она заморгала и потерла покрасневшие глазки.

Джин со злостью посмотрел на кучку денег, которая представлялась ему горой возможностей еще несколько минут назад.

– Все без толку, – решила Мина. – Да и вообще, зря размечтались. Наверное, надо просто вернуться к тетушке Лорне и дядюшке Хикару.

Бросить борьбу?

– Ты можешь возвращаться, – горько сказал он. – А я – нет. Хотя нет, тебе тоже нельзя – проболтаешься!

Мина взглянула на него с негодованием. Бросив лишь уязвленное «Ха!», она поднялась и отправилась в комнату наверх. А выходя из кухни, бросила через плечо:

– У двух пони восемь ног, так что вот так-то!

С этим Джин никак не мог поспорить.

* * *

Джин перебирал пальцами свою пачку нововей и подумывал, не отважиться ли ему перекусить. В это время на кухню забрел консульский клерк – Юуити зашел наполнить свою кружку зеленым чаем. Он склонился над столиком и уставился на Джина, который обеспокоенно задержался под пристальным взглядом.

– Вы ведь детишки Лизы Сато, активиста борьбы за криоправа, да?

– Э-э... и...

Джин подумал, что, будь это тайной, то Мэтсон-сан явно о ней знал.

Мэтсон-сан хлебнул чайку и нахмурился.

– Вообще-то, мне никто ничего не рассказывал... Знаешь, если хочешь, я вызову полицию за тобой и сестренкой, пока барраярцы не вернулись.

Джин вскочил, чуть не перевернув стул, и завопил:

– Нет!

Мэтсон-сан пролил горячий чай, выругался, поставил чашку на стол и вытер обожженную руку о брюки.

– Маму именно полиция и забрала! – объяснил Джин.

– Может, позвонить родственникам, если хочешь?

– Нет, это еще хуже!

– Гм... – Мэтсон-сан призадумался, – Так вы, детки, здесь... по своей воле, да?

– Конечно! Майлз-сан нам помогает! – Поразмыслив над ходом событий, он решил подправить сказанное: – Во всяком случае, пытается помочь. – Прозвучало это как-то вяло и неблагодарно, и Джин поправился еще раз, теперь уже сказав сухую правду: – До него нам вообще никто не помогал.

Мэтсон-сан почесал затылок и пожевал губами.

– Гм... – он поднял кружку с чаем, – ну, передумаешь, скажешь мне.

При этих словах Джин бросил на Юуити взгляд, настолько исполненный гневом и смятением, что клерку пришлось отступить, прикрываясь рукой.

– Ну что ты... Я же помочь пытаюсь...

Джин чуть не разрыдался. Если это, по-твоему, помощь, то ее не требуется! Нет, так грубо разговаривать со взрослыми нельзя. Поэтому он ответил:

– Спасибо. Нет. Я не передумаю.

Мэтсон-сан пожал плечами и отправился на рабочее место, в приемную. Джин быстро собрал свои заработки и бросился наверх – прятать.

* * *

Благодаря Роику трое из тех четверых, которых Майлз жаждал допросить, все еще пребывали в бессознательном состоянии. Посему допрос пришлось начать с госпожи Сато. Внутри стеклянные стены изолятора были залиты мягким светом. Она сидела в узкой постели. Бледная и изможденная, женщина выглядела, тем не менее, не так уж плохо для только что разможенной. Чистенькая, в аккуратной больничной рубашке и утепленном мягком халатике, она укрылась словно и от микробов, и от назойливых взглядов. Майлз догадывался, вернее, твердо знал: последнее для поднятия духа даже важнее, чем первое. Уж он-то свое в больницах отлежал. А ко отмыла ее волосы от геля, и теперь они ниспадали шелковистым ливнем на плечо.

Он вошел в кабинку. Интересно, такой визитер в глазах пациента существо страшное или просто странное? По ее суровому взгляду и не определишь. Майлз поправил фильтр-маску и откашлялся.

– Добрый день, госпожа Сато. Меня зовут Майлз Форкосиган.

Он ободряюще улыбнулся и только потом сообразил, что губ-то она не видит.

– Жаль, что приходится разговаривать в маске. Правда, доктор Дюрона говорит, ваша иммунная система быстро восстанавливается. Скоро мы сможем обходиться без излишних предосторожностей и сможем вас выпустить.

– Вы врач? – спросила она хрипло, зато вполне понятным голосом.

– Нет, из криостаза вас вывел Ворон Дюрона, доктор с Эскобара. Он – мой сотрудник, – счел за должное добавить Майлз.

Объяснять ей сейчас, кто он такой, было бы крайне утомительно.

– Я его уже видела, – она сглотнула. Отчасти в том было виновато нервное напряжение, отчасти она просто заново привыкала управлять своим телом. – Где мы находимся? Мне сказали, в Нортбридже.

В ее голосе прозвучало сомнение относительно их местонахождения. В общем-то, в данный момент она сомневалась во всем.

Майлз огляделся. За прозрачными стенами кабинки проступали только затемненные очертания послеоперационной. Окон в ней не было, так что даже здание напротив не увидишь.

– Да, мы в Нортбридже. Вы находитесь на территории закрытого и заброшенного криохранилища на юге города, которое попало в руки предприимчивых и неглупых людей – они здесь самовольно поселились и работают.

– Мне сказали, что у вас мои дети...

Голос ее сорвался, и последние слова беззвучно растаяли в воздухе.

Тут Майлз пожалел, что не захватил их с собой, хотя провал с предыдущей разморозкой вспоминался весьма болезненно.

– Да, Джин и Мина в безопасности, они находятся в консульстве Барраяра, – добавил он через мгновение, хотя все еще не решил, использовать информацию о детях в качестве кнута или пряника. – У Джина там все его зверье, даже сокол Вихрь и ваша старая кошка, так что мальчик вполне доволен. И Мина с ним.

Майлз надеялся, что упоминание о бродячем зоопарке убедит мать в правдивости его слов.

– В консульстве Барраяра! Но почему? – Она опять сглотнула. – И кто вы такой? Почему вы здесь?

Она не спросила «Почему я здесь?», но, как показалось Майлзу, именно это ее и интересовало.

– А что вы вообще помните?

Губы женщины сомкнулись.

Майлз зашел с другой стороны:

– Последнее, что помнят Мина и Джин о вас, это ваш арест нортбриджской полицией полтора года назад. Два дня назад я со своими людьми обнаружил вас в криостазе, в переносной криокамере в подвале дома доктора Сэитиро Либеры. Теперь я пытаюсь выяснить, что произошло за эти полтора года. Думаю, это нужно и мне, и вам.

Последнее просто потрясло ее. Страх и безотчетная злость сменились полнейшим недоумением:

– Что?!

Майлз вздохнул и взгромоздился на стул у изножья ее кровати. Аудитор – тот, кто слушает, а не болтает. Так, кажется, любит шутить Грегор. Но эта женщина заслужила небольшой лекции. Кроме того, Лиза Сато вряд ли знала достаточно о Барраяре, чтобы найти его на карте ПВ-тоннелей.

– Думаю, лучше мне начать сначала. Я с другой планеты. Моя официальная должность – Имперский Аудитор. Это значит высокопоставленный правительственный чиновник, проводящий различные расследования для Империи Барраяра. Вы, без сомнения, недоумеваете, что же я делаю на Кибо-Даини. – Майлз и сам время от времени недоумевал по этому поводу. – Первоначально меня прислали разузнать о подозрительно выглядящем франчайзинговом предприятии компании «Белая Хризантема» на Комарре, это вторая планета нашей Империи.

Майлз постарался предельно кратко изложить суть аферы, которую «Белая Хризантема» пыталась провернуть на Комарре с голосами избирателей. Рассказал и о своей удачной диверсии со взяткой. Услышав об этом, она наконец слегка развеселилась.

– Да, бить нужно прямо в сердце, то есть по кошельку, – удовлетворенно заметила Лиза. – Хотя «Белая Хризантема» вовсе не самая худшая из корпораций.

– Напомните мне позже, мы поговорим об этом. Ну а теперь я расскажу, как встретился с вашим сыном Джином и попал сюда.

Пришлось вернуться к тому месту, где он прилетел на криоконференцию, и рассказать о нападении ООНН.

– Вот ведь кровожадные идиоты! – прокомментировала Лиза Сато, и Майлз с радостью обнаружил, что она может говорить с негодованием не только о нем.

– В их защиту скажу только, что им, похоже, не удалось никого убить. Во всяком случае, в этот раз. Правда, нельзя не заметить, что они не пытались. А вообще-то, я чувствую себя обязанным им – так раскрыть передо мной горизонты расследования! Мне бы самому не удалось. Комаррская афера рано или поздно все равно бы вылезла на белый свет, а вот остальное... Ну так вот. Я сбежал от них и заблудился в Криосотах...

Эту часть повествования она проглотила зачарованно. Майлзу хватило ума оставить все художественные детали для эпизодов, когда в рассказе появился Джин – тут уж мать слушала затаив дыхание. А вот все объяснения о подпольной организации Сюз госпожа Сато поняла гораздо быстрее, чем Майлз в свое время.

– Но как здесь оказался Джин? – потерянно спросила она. – Я ведь оставила детей у Лорны. Думала: утром уже вернусь. Ну, может, день-другой продержат в полиции, пока не найду адвоката. Но полтора года?!

– Вы помните, как вас готовили к заморозке? Кто это делал?

Сияясь вспомнить, она изогнула бровь дугой.

– Я сидела в камере для задержанных муниципального полицейского участка, скорее просто в комнате. Вошел человек. Я подумала, от моего адвоката. Дальше появился транквилизатор в пневмошприце, а потом...

Она потрясла головой, поморщилась. Несомненно, послеоперационная головная боль. Майлзу вспомнились свои ощущения после разморозки – *сногшибательно*.

В общем-то, совершенно не важно, что ей впрыснули – седативное или транквилизатор. Госпожа Сато выказывала крайне мало признаков криоамнезии, и Майлз подозревал, что, даже если дать ей побольше времени на восстановление, вряд ли женщина вспомнит что-то еще.

– После того как вас противозаконно или, во всяком случае, насильно заморозили, ваша сестра и ее муж взяли заботу о племяннике и племяннице на себя. Насколько я понял, Джин сбежал из дома вследствие конфликтов из-за его животных – Лорна сочла дом слишком тесным для зоопарка. Мина осталась с ней. Она хорошо училась и перешла во второй класс начальной школы, – такой домысел звучал вполне безобидно, – и тут я, по неосторожности, стал причиной возвращения Джина его тете. Тогда они и сбежали вдвоем. Сбежали и пришли э-э... ко мне.

В ее взгляде Майлз прочитал удивленное «Почему?» и добавил:

– Джин сам вам обо всем расскажет при встрече.

Майлз надеялся, что к этому времени Джин стал в достаточной степени приверженцем барраярской политики и не забудет упомянуть о благих намерениях лорда Аудитора. До благих поступков пока еще было далековато.

– Но хватит уже обо мне.

Поговорим о тебе? Давненько (и хорошо, что давненько) Майлзу не доводилось знакомиться с женщинами в кабаках. Да и знакомился-то он по долгу службы. Но сейчас ассоциации с отчаянной попыткой обольщения казались не такими уж и неуместными. Необходимо было как можно скорее заставить Лизу Сато верить ему.

– Насколько хорошо вы знали доктора Сэитиро Либера и как вы познакомились?

На какое-то мгновение ему показалось, что Лиза опять замкнется, но, заметив его ободряющий взгляд, она начала рассказывать:

– Сэитиро пришел к нам – в политический совет движения – с рассказом о тайне, которую обнаружил у себя на работе.

– Сколько раз он к вам приходил?

– Два или три.

– Сколько еще людей оказались посвященными в эту тайну? Он встречался со всеми членами совета?

– Сначала с Джорджем, Эйко и со мной. И еще была встреча, где мы собрались все, тогда-то и запланировали демонстрацию протеста – Джордж Суваби, я, Сэитиро, Ли Канг, Руми Хосла, Эйко Теннодзи.

Последние имена оказались до боли знакомы Майлзу по его расследованию в сети.

– Дайте-ка я угадаю. Вы решили обнародовать эту тайну во время акции протеста, и вдруг все пошло не по плану.

Она метнула в него взгляд острый, как нож.

– Нашей вины здесь нет. На нас напали участники другой акции протеста – банда негодяев из ООНН. Их место тем вечером было на другом конце парка. Ни мы, ни они не могли позволить себе снять зал для конференции.

– А напали на вас действительно члены ООНН? Может, то были какие-нибудь посторонние нанятые люди, ряженные под ООНН?

– Нет, это точно были они, я узнала несколько человек.

– Гм... Впрочем, их тоже могли подкупить – чтобы натравить на вас.

Она слегка наклонила голову, размышляя и, похоже, соглашаясь.

– Нас разняла полиция, которой оказалось подозрительно много для такого рода потасовки. Да и появились они невероятно быстро, словно знали, что произойдет. Я видела людей с разбитыми, окровавленными головами, их бросали на землю. – Заметно было, как ее взволновали воспоминания. Майлз сообразил, что для нее все эти события произошли буквально вчера. – Мы *так* протесты никогда не организовывали. Полагаю, это все из-за ООН – они с криокорпорациями заодно, обратная сторона той же монеты. ООН постоянно вопит о деньгах, которых у них нет, корпорации вопят о деньгах, которые у них есть. И тем, и другим плевать на жизни людей, их интересуют только собственные шкуры.

Тонко подмечено, подумал Майлз.

– Вернемся к роли доктора Либера? – И его страшной тайне... – Судя по некоторым обстоятельствам, он был ключевой фигурой.

Она посмотрела на него внимательно, размышляя о чем-то, словно принимая решение.

– Думаю, что если вы шпик, подсланный криокорпорациями, то уже наверняка знаете. И знаете, что я знаю.

«То есть терять нечего» – таким казался неозвученный вывод.

– У меня уже есть догадка, основанная на том, что доктор Либер занимался химией криостворов в исследовательском центре «Нового Египта».

Она ответила осторожным, едва заметным кивком.

– Сэтиро обнаружил, что криоствор предыдущего поколения разлагается через несколько десятилетий. Значит, в криокамерах корпораций лежат тысячи, а может, и миллионы действительно мертвых, а не замороженных – из тех, кого готовили при помощи этого раствора. Это значит, что их голоса недействительны, а имущество необходимо передать наследникам. Только одно это свидетельствует: на кону – миллиарды новояен! Я уже не говорю о неизбежных юридических расходах и о разработке методик определения, кто из клиентов корпораций был обработан каким раствором.

Майлз беззвучно присвистнул: кусочки головоломки становились на место со скоростью света. Вот тебе и перепродажа контрактов! О, как же ему нужен аналитик по мета-экономике Службы безопасности, вместе с уже заказанным с Эскобара судебно-бухгалтерским экспертом! Причем нужен прямо сейчас! Со всем разведоборудованием, предварительно настроенным на взлом общепланетных информационных сетей Кибо!

Он закажет все это сразу, как только окажется в консульстве. Но несколько ближайших дней придется справляться при помощи собственного органического мозга. Изрядно поношенного, находящегося далеко не в идеальном состоянии.

Вслух же он сказал только:

– Да уж, это все объясняет.

Включая, конечно же, и беднягу Алису Чен, которую Либер сунул на место Сато. В качестве «обманки»? Или подсказки? Или бомбы замедленного действия?

– Мы подумали, что раскрытие такой тайны здорово даст по рукам криокорпорациям на Кибо, – сказала Лиза Сато. – Может, даже позволит планете вырваться из их цепкой хватки. – Она обвела взглядом стены, затем опустила глаза на свои недавно оттаявшие руки. – Я не сомневаюсь в нашей правоте. – Вдруг брови ее нахмурились: – Постойте-ка, вы хотите сказать, что им все еще удастся хранить это в тайне? Сейчас, спустя полтора года? Эта не та тайна, которую можно хранить вечно. Чем больше будет неудачных разморозок у клиентов одного поколения, тем быстрее люди заметят систематическое нарушение. Вот почему Джордж так торопил нас с публичным заявлением, чтобы удалось всколыхнуть как можно больше народа. Почему же... А... – Она посмотрела на Майлза внезапно опустевшими глазами. Лорд-Аудитор прямо-таки сжался, предвидя следующий вопрос. – Что случилось с остальными членами совета? Почему никто не рассказал людям о происходящем после того, как меня упрятали? Неужели упрятали всех?

– Как грустно быть гонцом дурных вестей... Вот как все произошло, госпожа Сато. Канг, Хосла и вы попали в криокамеры со спорными диагнозами через несколько дней после акции протеста. Флаер Джорджа Суваби упал в озеро, а госпожа Теннодзи разбилась насмерть, упав с балкона своей квартиры в результате чрезмерного употребления алкоголя. Представляется крайне интересным повторное открытие двух последних дел и их исследование уголовным отделом вашей полиции. Э-э... Она действительно так сильно пила?

Лиза поморщилась. Сейчас она была еще бледнее, чем после выхода из криостаза.

– Вообще-то да. Она очень страдала от болезни суставов. Но чтобы упасть с балкона... Бедный Джордж...

– Единственный, кто не вписывается в общую картину, – это доктор Либер. Все полтора года после акции он спокойно ходил на работу.

– Чушь какая-то.

– К счастью, у меня есть возможность расспросить его обо всем. Когда он проснется.

– Его тоже заморозили?

– Нет-нет. Просто сегодня утром он познакомился с действием транквилизатора, во всяком случае так мне сказал мой человек, Роик. Ворон – в смысле, доктор Дюрона – подтвердил эту версию. Мы пока уложили его здесь, у Сьюз, чтобы проспался, пришел в себя. Когда Роик до него добрался, Либер пытался скрыться с планеты. Я думаю, какая-то третья сила желала ему в этом помешать. Допрос обещает быть весьма интересным. – Майлз замялся. В конце концов, она – мать Джина и Мины. И своими проницательными умами, а также решимостью эти двое наверняка обязаны ее генам. Или хотя бы воспитанию. А разве можно требовать доверия, не оказывая такового? – Не желаете ли поприсутствовать?

Глава пятнадцатая

У Майлза прямо-таки руки чесались, как ему хотелось поскорее добраться до Либера. Однако Роик отвлек его внимание двумя другими пленниками. Благодаря Воронову эликсиру оба мирно посапывали на полу заброшенного офиса – а может, заброшенной кладовки? – смежной с подземной парковкой бывшего приемного покоя. Роик творчески провел время, осмотрев бумажники, документы и флаер.

– Вряд ли это можно назвать хорошо продуманной тайной операцией, – сказал он, демонстрируя содержимое бумажников. – Флаер зарегистрирован на «Новый Египет», форма также принадлежит компании. Даже документы подлинные – Ганс Витта и Окия Чермак. Йоханнес перепроверил. Один – начальник охраны предприятия, второй еще полтора года назад был заурядным штатным сотрудником, да вдруг получил существенную прибавку к жалованью и должность личного помощника начальника охраны.

– Интересно, – промурлыкал себе под нос Майлз.

– Угу. Я бы сказал, что похищение доктора Либера они организовали совершенно спонтанно, теми средствами, которые подвернулись под руку. Если бы они взяли его на работе или где-нибудь на территории «Нового Египта», им бы и вовсе не пришлось напрягаться. Вопрос в том, что делать с ними теперь? Не вечно же держать связанными на полу. Я к тому, что людям иногда и пописать надо сходить. Да и начальство их сейчас уже должно заподозрить: что-то не так. Может, как взяли, так и выпустим? Отвезу-ка на их же флаере да оставлю где-нибудь неподалеку от отеля Либера. Пусть там и очухаются.

– Гм... Надеюсь, вы с Йоханнесом постарались и флаер теперь нельзя выследить?

– Естественно, милорд, – поджав губы, ответил Роик. По голосу чувствовалось, что он с трудом не добавил: «Я ведь на работе, а не в отпуске».

– Но тебя-то они видели.

– Боюсь, что так. Однако Йоханнеса – нет.

– Интересно, а похищение похитителей это тоже похищение? – задумался Майлз.

– Да. – В таких вопросах от Роика помощи не дождешься.

– Правда, «Новый Египет» вряд ли подаст в суд.

– Уж это точно. Зато кое-что другое они сделают запросто.

– Раз уж ты напомнил, может, попросить Сьюз заморозить их? Я полагаю, технически это...

Роик посмотрел на него Роиковым взглядом.

– Я имею в виду, в случае крайней необходимости. А что? Это не первый прецедент подобного способа решения проблем на Кибо-Даини.

Роик твердо молчал.

– Ну ладно, ладно. – Майлз тяжело вздохнул. – Запри дверь, пусть хорошенько выспятся.

Обустройство биоизолятора госпожи Сато оказалось делом несложным. Майлз оборудовал камеру для допроса в соседней палате и выдал ей наручный комм Ворона – чтобы было слышно. Включил яркий свет в своей палате, выключил свет и задернул штору с ее стороны. Теперь стена между палатами стала похожа на зеркало, прозрачное только с ее стороны. Госпоже Сато оставалось лишь как можно меньше двигаться. Она поняла, хотя и не полностью одобрила его план – разбить допрос на две части. В первой части Либер не должен ничего знать о ее присутствии. Потом можно будет сравнить, насколько вторая версия его рассказа отличается от первой. Майлз никак не мог решить, когда стоит выпустить Сато из укрытия, чтобы вся система сработала с максимальной отдачей. Правда, не особенно переживая по этому поводу – он знал, что идея придет в процессе реализации плана.

Либер еще не совсем пришел в себя, когда Ворон с Роиком привели его в палату и усадили на стул. Роик по привычке прислонился к двери, блокируя выход. В палате не было кровати, и даже от присутствия четверых мужчин в ней не стало тесно. Однако в помещении витала некая атмосфера замкнутого пространства, что, по мнению Майлза, играло им на руку.

– Снова вы! – взгляд Либера уперся в Майлза.

Ворон с добродушным видом склонился над ним и прижал пневмошприц к предплечью. Тот дернулся.

– Фастпента? – прорычал доктор в бессильной ярости.

– Синергин, – успокоил его Ворон, – головную боль снимет сразу.

Либер потер руку и поморщился, но, недоверчиво пощупав ладонью лоб и удивленно поморгав, успокоился.

Интересно, и где же это ты познакомился с пентоталом, что так быстро можешь заметить разницу?

Майлз решил добавить этот вопрос к длинному списку других. Он указал Ворону на стул у стены, а сам уселся так, чтобы не перестараться и не слишком давить на жертву психологически. Правда, чтобы действительно надавить, ему нужно стать на стул. Но весь эффект пропадет. Пусть уж лучше роль такого пресса играет Роик.

– Итак, доктор Либер. Мы могли бы сэкономить кучу времени, если бы побеседовали позавчера, однако, полагаю, ваш дом прослушивается, как и ваш комм, так что, может, оно и к лучшему. Позвольте вас заверить, здесь нас не услышит никто.

Майлз выставил напоказ все зубы. Мол, каким вам больше нравится Имперский Аудитор: жутким или страшным? Выбирайте сами!

Либер пошевелил губами.

– Мой комм! Проклятье, а я-то думал, я все предусмотрел! Значит, вот как вы меня нашли?

– Вот как вас нашли те двое джентльменов во врачебных халатах, я полагаю. А оруженосец Роик, – Майлз указал рукой, Роик дружелюбно кивнул, – простите великодушно, не было возможности представить вас друг другу должным образом раньше. Так вот, Роик лишь последовал за ними. Ну, или вроде того. И освободил вас. Кстати, вы их узнали?

– Ганса и Оки? Естественно. Карманные шавки Банды Четырех.

– И хорошо ли платят этим вашим... сотрудникам?

– Да уж немало, – Либер кисло улыбнулся, – и работа в охране чудесная.

– Не хуже вашей?

– Не думаю. Им-то получше будет. – Либер поморщился. – А как вы меня освободили?

– При помощи парализатора, – объяснил Роик.

– Это же противозаконно!

– Вовсе нет. У меня есть разрешение, выданное здешними властями. Я ведь телохранитель, знаете ли.

Строго говоря, телохранитель, находящийся на государственной службе. Именно так на бланке Префектуры написал Форлинкин, поясняя смысл должности «оруженосец». Впрочем, были операции, где должность Роика обозначалась и позакovskyристее.

– Ну а вы сами-то кто такие? – Либер выпрямился и негодуя уставился на Майлза. Роик слегка подобрался. – Это вы украли у меня Лизу?

– Ее криокамера в безопасности.

Здесь Майлзу даже не пришлось врать, камера действительно стояла в коридоре.

– Ну, это поправимо, если «Новый Египет» действительно меня разыскивает.

– Вы пока тоже в безопасности. Мы надежно укрылись на территории бывшего криохранилища в южной части города, если желаете знать. С глаз долой, из сердца вон.

– Как бы не так, – проворчал Либер, однако, похоже, успокоился.

– Давайте так, – предложил Майлз, – я расскажу вам, что я знаю, а вы – чего я не знаю.

– А зачем мне это надо?

– Об этом мы тоже поговорим. Начну с того, что я действительно был делегатом от Барраяра на криоконференции.

– Вы не врач. И вообще не ученый. – Либер нахмурился: – Будущий клиент криокорпорации?

Если повезет, то нет, подумал Майлз.

– Нет, я Имперский Аудитор. Это значит – высокопоставленный следователь на государственной службе. Помимо прочего, в мои задачи входит исследование общественных и юридических проблем, с которыми столкнулась Кибо-Даини вследствие глубокого проникновения крионики в жизнь планеты. И непременно буду назначен советником по вопросам изменения законодательной базы Барраяра, которая считается весьма устаревшей. Мы хотим, по возможности, не допустить ошибок, которые совершаете вы.

К счастью, пока такой задачи перед ним не стояло, однако рано или поздно Грегор до этого обязательно додумается. Майлз содрогнулся, представив еще несколько лет сражений в подкомитетах в Советах Графов и Министров, как во время его последнего назначения по общегалактическим вопросам воспроизводства и клонирования. Хорошего в этом было то, что после работы он шел домой, а плохого – что работа неотступно следовала за ним туда же.

– Как говорится, хорошо выполненная работа наказуема, – закончил Майлз вслух. – Однако мы быстро выяснили, что участники конференции серьезно интересовались лишь техническими проблемами.

Ворон одобрительно кивнул.

– А в остальном криокорпорации обсуждали уровень продаж. Поэтому я отправился на поиски.

– Неприятностей? Что ж, нашли мои.

– И то верно. Ох, и интересные же они у вас!

Либер обиженно съехался на стуле.

– На настоящий момент мне известно, что на Кибо действует система голосования по доверенности. Изначально она основывалась на том, что из криостаза людей будут выводить раньше и в значительно больших количествах. Сейчас эта система превратилась в демографическую ловушку. Я пока еще обдумываю, чем она грозит. Мне также известно, что некий криоактивист, выпускавшийся около поколения назад, потерял свойства тридцать лет спустя после применения. Теперь «Новый Египет» и, вероятно, остальные корпорации сидят на финансовой бомбе замедленного действия. Бомба эта – огромное количество клиентов, которых не удастся вывести из криостаза, и кому-то придется за все расплачиваться. «Новый Египет» уже приложил немало усилий, чтобы не стать этим самым «кем-то».

Либер так и застыл.

– А откуда...

Скоро он сообразит откуда, но Майлз вовсе не собирался подгонять Либер к поспешным выводам.

– Мне известно, что вы это вычислили, пришли к Лизе Сато и ее сподвижникам. В результате была организована акция протеста, которая закончилась гибелью двоих и криостазом троих ее организаторов. Это вы их подставили, по указке «Нового Египта»?

– Нет! – Либер изобразил негодование, а потом бессильно добавил: – Так получилось...

– Получилось за деньги?

– Нет! Взятка появилась позже, только для того, чтоб все выглядело именно как предательство за деньги.

Майлз пока даже и не думал собирать доказательства подкупа. *Чудесно, доктор сам плывет на крючок. Давайте-ка, не стесняйтесь, вы ведь и сами хотите все выложить.*

– Тогда что произошло? Рассказывайте своими словами.

Либер сложил руки на груди и уставился на свои ботинки. Смотрел долго, так, что Майлз уже было задумался о фастпенте – с разрешения доктора или без него, – как вдруг тот заговорил:

– Началась эта история около двух лет назад. Мне поручили расследовать необычайно большую волну неудачных разморозок. Все они относились примерно к одному периоду. Я обнаружил, что дело в распадающемся криорастворе, и доложил начальнику. Тот доложил вышестоящим. Я-то думал, что они примут меры. То есть сделают что-нибудь сразу. Но шли недели, а ничего не происходило.

– Кто эти «вышестоящие»? Кто знал о случившемся?

– Кто такие Банда Четырех? Это мой руководитель отдела исследований и разработок, Роджер Напак; Рэн Чои, старший координатор; Аниш Акабане, главный бухгалтер, и Широ Ким, президент «Нового Египта».

Они притихли и решили скрыть информацию с самого начала. Мне-то они пообещали, что разберутся с проблемой. Позже я сообразил, что «проблемой» мы называли разные вещи. Я понял это, когда Акабане озвучил планы торговли криоконтрактами. Они вовсе не собирались ничего предпринимать по поводу опасного криораствора, лишь хотели решить проблему финансовой ответственности «Нового Египта». Я пожаловался Роджеру. Он посоветовал мне помалкивать, иначе меня уволят. Я заметил, что если меня уволят, то причин помалкивать не будет. Тогда он по-настоящему задумался и пообещал что-нибудь сделать. К этому времени я полностью разочаровался в их способностях решать проблемы.

Уже год или два я слышал имя Лизы Сато в новостях. Казалось, она – из тех редких на Кибо людей, кто не надрывает глотку ради денег. Я чувствовал: ей движут какие-то моральные принципы, понимаете?

Майлз понимал. Теми, кто стремился ее оболгать, как он заметил, двигали лишь деньги. Корпорации заявляли, что Сато планировала организовать государственную криокорпорацию, работу которой будут оплачивать все. Дальше они заявляли что-то совсем уж бессмысленное: утверждали, что госкорпорация составит им конкуренцию! Однако если они сами не занимаются бедняками, то в чем же их потеря? Этого Майлз понять не мог. А вот ООН желала сжечь всех, чьи метаболические процессы замерли в криокамерах. Всех, невзирая на доход клиента. Хотя начать они собирались с богатых, в чем наблюдается несомненная продуманная деловитость, объясняющая суть их «новой надежды».

– Так я отправился к Лизе Сато, чтобы познакомиться лично. Я даже не стал договариваться о встрече по комму, просто как-то вечером пришел домой и позвонил в дверь. Она оказалась как раз такой, какую я и ожидал увидеть! В следующий раз я передал ей копии всех документов, которыми располагал, ей и бедняге Джорджу Суваби. Вот тогда-то им и пришла в голову эта идея с выступлением во время акции протеста. Они собирались публично заявить о моей находке так, чтобы корпорациям нечем было крыть. Я полагал, победа у нас в кармане.

Несколько дней спустя, когда я вышел на работу, Роджер вызвал меня к себе в кабинет. Я не успел войти, как вдруг – раз! – и мне вкатывают пентотала. Вот тут-то они из меня все и выжали. – Он помолчал. – Почти все. Все, что касалось планов акции протеста – услышав об этом, тут же забегали, принялись готовиться. Думаю, тогда впервые подключились Ганс и Оки – на них возложили обязанность сорвать акцию. По-моему, у Оки есть родственник в ООН, так им и удалось втянуть в дело эту организацию.

– Кто еще присутствовал на допросе?

– Все. В смысле, большая четверка.

– У вас это не противозаконно? Я имею в виду, использование пентотала для проверки сотрудников?

– В принципе, не противозаконно. Кажется. Вообще, им позволяется подвергать сотрудников допросу с применением пентотала в случаях кражи или других преступлений на территории предприятия. При найме на работу даже подписываешь договор.

– Ясно.

– Существуют определенные правила, по которым проводится процедура такого дознания, чтобы потом считаться доказательством в суде. Правда, не думаю, что в моем случае они придавали много значения букве закона. Ведь они костыми лягут, чтобы эта информация не дошла до суда. Меня, во всяком случае, сразу после допроса упрятали в надежно закрытую караулку, к этим самым охранникам.

– А это тоже было «в принципе не противозаконно»?

– Им разрешается задерживать подозреваемых до прибытия полиции. Правда, никакая полиция так и не появилась. А когда меня выпустили два дня спустя, для Лизы и ее группы все уже закончилось. – Они прикусил губу, сжал кулаки. – Что я мог сделать? Впрочем, кое-что мог, и этого Банда Четырех никак не предвидела – благодаря Лизе.

– И что же вы сделали?

– Когда я принес ей и Джорджу все документы, мне было сказано припрятать копию в надежном месте – в банковскую ячейку, у адвоката, где-нибудь еще, – с указанием разослать эти документы в разные места – в суды, в департамент юстиции префектуры, в новости, в сеть, в случае моей внезапной смерти, или заморозки, или исчезновения. Что я и сделал.

– И что, вам удалось таким образом защититься от Четырех?

– Нет, конечно. Они выудили у меня места хранения документов в мгновение ока. Дело в том, что Лиза и Джордж тоже спрятали свои копии документов, а к тому моменту, как «Новый Египет» об этом прознал, они оба уже... В общем, Лизу заморозили, а Джордж погиб. Они искали, но так и не нашли две другие копии.

– А вы откуда об этом знаете?

Либер мрачно ухмыльнулся:

– Как видите, я все еще передвигаюсь на своих двоих, и температура тела у меня выше комнатной.

– Разумное умозаключение. – Майлз потер губы. – А Суваби и Теннодзи, их, по-вашему, убили умышленно? Кто? Ганс и Оки?

– Да, Ганс и Оки. Правда, не думаю, что у них был приказ убивать. Видимо, что-то пошло не так в процессе похищения. Вот Канга, Хослу и Лизу им удалось схватить. – Либер презрительно скривился. – Кстати, об условиях охраны труда. Оба получили хорошие премиальные и повышение, несмотря на провал. Меня не посвящали в подковерные соглашения, однако ясно, что они не сдадут своих боссов, не подставив под удар себя, и наоборот. Думаю, Четырем понравилось, что у них появился собственный оперативный отряд для грязной работенки. На случай, если снова придется иметь дело с такими, как я. В общем, все зашло в тупик. Зато у всех появилось время успокоиться и подумать. У всех, даже у меня. Мне было так плохо. Особенно из-за Лизы. Я ведь понимаю, что испортил все, над чем она работала. Пусть даже всего лишь старался помочь. Поэтому когда мне предложили взятку, я не отказался. Не потому, что она была мне нужна, нет. Просто хотел усыпить их бдительность. – Он задумчиво помолчал. – В конце концов, Роджера они подкупили намного раньше.

– В какой форме вам была предложена взятка?

– Ничего такого, что можно сразу использовать, они ведь не дураки. В основном доли в компании, дивиденды с которых можно получить через несколько лет. Я-то думал, они меня уволят, чтобы много не платить, но теперь даже и не знаю. Поручили мне настоящую работу, я создал бесконтактный скан-тест для определения неудачной криоподготовки. Такую работу не всякому поручишь. Как раз скоро должна была состояться первая оплата за работу. И вот с этими денежками я и связывал свой план.

– Какой план?

– Спасти Лизу. – Глаза Либера загорелись, пожалуй, впервые за все время разговора он встретился с Майлзом взглядом. – Полтора последних года я только об этом и думаю. – Он заговорил тихим, умоляющим голосом: – Мне было совершенно необходимо сохранить за собой должность в «Новом Египте», чтобы иметь доступ к ее криокамере, понимаете? Я это сразу понял. Сначала я хотел подкупить денег и спасти их всех – Канга, Хослу и Лизу, тайно перевести все три криокамеры на Эскобар и там вывести из криостаза. Но оказалось, что стоит это гораздо больше, чем я думал. Время шло. Решив, что Четверка следит за мной уже не так пристально, я пересмотрел свои планы. Надумал увезти только Лизу. Увезти ее на Эскобар, а оттуда, с безопасного расстояния, подать в суд на «Новый Египет» и на всю коррумпированную систему.

– Я вижу, вы много работали над планом, – заметил Майлз, сдерживая эмоции, и тут же прикрыл рот ладонью, чтоб не выдать себя каким-нибудь скороспелым суждением.

А Либера распалился все больше:

– Все должно было сработать! И мы вместе были бы в безопасности! Нам бы и на Кибо возвращаться не пришлось, если бы мы не захотели! С моими дипломами я найду работу, которая нас обоих прокормит!

Краем глаза Майлз заметил легкое, негодующее движение за шторкой. Он удержался, чтобы не повернуть голову в ту сторону.

Либера тем временем, словно примеряясь, посмотрел на Ворона.

– Может, нашел бы работу в Группе Дюрона, – взгляд его стал просто умоляющим, – может, если вы мне поможете, я так и сделаю...

И тут его героические видения были грубо прерваны следующей картиной: шторка отлетела в глубину соседней палаты, за прозрачной стеной появилась госпожа Сато и забарабанила по ней кулаками, вопя что-то совершенно неразборчивое за звуконепроницаемым барьером. Майлз, желая помочь, указал ей на наручный комм.

Либера чуть со стула на рухнул.

– Лиза! – завопил он. Майлз, правда, не понял – то ли радостно, то ли в ужасе.

Лиза Сато, очевидно, не поняла намек насчет комм, потому как вместо этого, сжав кулаки, ринулась к выходу из своей палаты. Ворон бросился на перехват, но успел лишь шлепнуть ей на лицо маску, прежде чем женщина ударом распахнула дверь их палаты – Роик предусмотрительно очистил ей путь.

– Сэитиро Либера, идиот ты чертов! – вопила госпожа Сато. Майлз приблизительно так и понял то, что она пыталась сказать из-за стены, потому что и самого его подмывало сообщить Либере что-нибудь подобное. – Ты о чем думал? Ты собирался похитить меня, увезти с этой планеты? Ты думал, я брошу своих детей? Ты думал усадить меня в клетку на Эскобаре, без денег и без возможности вернуться домой?

– Нет же, нет! – Либера вскочил и протянул к ней руки в мольбе. – Все совсем не так! Все должно было пойти совсем не так!

Майлз понял, что, осуществившись план Либера, все пошло бы именно так. Либера – звезда программы, спаситель в белых одеждах. А потом – любовь до гроба, если и не запланированная, то, во всяком случае, такая желанная. И был ли у этой Спящей Красавицы выбор? Право голоса?

– Лиза, я знаю, что сам во всем виноват! Я лишь собирался все исправить, клянусь!

Майлз так и чувствовал, как Лиза брызжет кипятком под маской, ругаясь почти без слов. Он прекрасно ее понимал.

– Исправить? Только сделать хуже!

Ворон встрял в перепалку:

– Для иммунной системы пациента после выхода из криостазы очень вредно расстраиваться и нервничать. Кстати, это вредно всем.

В такой ситуации показаны несколько более щадящие процедуры, нежели всплески ярости. Пациенты со слабым здоровьем часто подвержены инсульту, вдруг вспомнилось Майлзу. И хотя ему жутко хотелось выжать из Либеры по максимуму, настала пора вмешаться.

– Ну, теперь-то его планам не суждено состояться, – примирительно заметил Майлз. – Давайте-ка придумаем что-нибудь получше. – Он вскочил на ноги и придвинул ей кресло Ворона. – Садитесь, пожалуйста, госпожа Сато. Я очень рад, что вы присоединились к нашей дискуссии.

Лиза Сато совсем выдохлась и без сил опустилась в кресло. Ее карие глаза продолжали метать молнии ярости в Либеру поверх фильтр-маски. Либер тоже сел – а может, у него просто подкосились колени.

Лиза потерла наморщенный лоб, и Ворон, как и положено врачу, озабоченно нахмурился. Голос ее вдруг стал таким же слабым, как и внезапно обмякшее тело.

– Если коррупция достигла такого уровня, что они могут уйти от ответственности не только за похищение, но и за убийство, то осталась ли для Кибо хоть какая-то надежда?

– Бегство? – предложил Либер.

Глаза из-за маски метнули в его сторону искры презрения.

– И оставить моих детей на растерзание этой ненасытной пасти? – Она вздохнула. – Детей всех людей...

Майлз успокаивающе заметил:

– «Новый Египет» пока не ушел от ответственности за убийство. Вообще-то, сам факт тайного заговора показывает, что они весьма уязвимы. Если взять бомбу побольше, да хорошенько прицелиться, вполне можно поразить цель.

Госпожа Сато покачала головой. Майлз не понял, то ли ее приступ отчаяния стал следствием послеоперационного истощения, то ли следствием более глубокого знания проблем Кибо-Даини. Сердитый взгляд Ворона свидетельствовал скорее о последнем.

– Роик, – бросил Майлз через плечо, – надо срочно провести допрос обоих головорезов, что сидят в подвале. Под пентоталом. Главная цель – узнать все про убийство. Однако надо выудить у них как можно больше информации об их боссах, да и вообще. Затем перебросить записи по безопасному каналу в консульство.

– Будут ли такие показания засчитаны местным судом?

– М-м... Этот вопрос надо продумать. Мы не на службе у местного правительства, так что вряд ли с этим все будет гладко. Пусть Форлинкин проконсультируется у своего адвоката. – Майлз задумался: интересно, что эта пока незнакомая ему женщина думает о внезапно хлынувших от своего клиента вопросах, касающихся законодательства? Что ж, настал ее черед отрабатывать содержание. – В любом случае, доказательства понадобятся мне. Синица в руке не помешает.

– Мы все еще планируем освободить их после допроса? Если они – убийцы?

– Вообще-то, похоже, что они – непрофессионалы, а вовсе не наемные убийцы. Причем совершенно криворукие непрофессионалы. Все будет зависеть от того, что мы выясним в ходе допроса. Ворон поможет, но нельзя, чтобы они видели и его. Они и так слишком много знают.

– А если у кого-то из них аллергия? Или если аллергия у обоих?

Летальная аллергическая реакция на фастпенту не такая уж редкость среди оперативных работников с разных планет. Насчет этих двух гражданских Майлз не был уверен.

– Пусть Ворон сначала проверит. Все необходимое для допроса – в моем наборе, вместе с пентоталом. Если что случится, доложить мне.

Роик кивнул. Во всем, что касалось допросов по уголовным проблемам, Майлз полностью доверял Роику.

– Теперь что касается глобальных вопросов... – Майлз приостановился. – Пока не знаю, с какой стороны к ним подойти. Не верится что-то, что эта технология в руках человека не превратится в одни и те же грабли на всех планетах. В каком-то смысле это также забота Барраяра. Ну, или забота Барраяра в недалеком будущем.

Прекрасно, теперь у него появилось объяснение отчетам о расходах по этому делу на все случаи жизни. Не то чтобы такое объяснение стало затруднительным, но рано или поздно отвечать придется.

Роик задумчиво почесал затылок.

– Проблема в том, что здесь у всех примерно одинаковые цели. Если правительство допустит, чтобы вся система стала уж очень коррумпированной, как они собираются обеспечить безопасность своей собственной разморозки?

– Нельзя недооценивать способности человека выдавать желаемое за действительное и страсть к самообману, – ответил Майлз. – Здешнее общество поглощено лишь одной страстью: как бы избежать смерти. Видимо, поэтому жители Кибо забывают жить.

Роик побарабанил пальцами по шву на брюках.

– Похоже на то.

Краем глаза Майлз уловил какое-то движение: общая дверь послеоперационной палаты открылась, и на пороге появился Форлинкин, а за ним – взволнованные мордашки Джина и Мины.

Майлз показал рукой в их сторону:

– Госпожа Сато, по-моему, к вам посетители.

Она повернула голову, выпучив глаза, ахнула так, что даже из-под маски было слышно, и резко вскочила со стула. Ворон даже подпрыгнул, в готовности помочь, если Лиза потеряет сознание от головокружения. Куда там – мать сломя голову неслась из палаты.

– Джин! Мина!

– Мамочка!

Дети рванулись вперед, однако не отпустили рук Форлинкина, и тот, сделав несколько неровных широких шагов вперед, оказался лицом к лицу с Лизой Сато.

Она опустилась на колено, крепко обняв детей – сначала одного, потом другого, потом обоих вместе. Наверное, она сейчас плачет, подумал Майлз. Он подошел к двери палаты и прислонился к косяку, наблюдая за ними. И даже Джин, забыв, что ему «почти двенадцать», не устоял и пустился во все телячьи нежности.

– Мина! – Лиза Сато немного отстранила дочь от себя и разглядывала ее поверх маски. Материнский голос дрожал. – Как ты выросла!

Только теперь Майлз по-настоящему осознал, что из ее жизни были украдены полтора года. Вот они, вещественные доказательства, а не просто слова, слова, слова...

Она изумленно уставилась на Форлинкина.

– Кто это?

Мина радостно бросилась объяснять:

– Это Форлинкин-сан, мамочка. Мы живем у него дома! У него такой чудесный сад! И всем Джиновым зверушкам там здорово.

Девочка, ухватившись за руку Форлинкина, принялась на ней раскачиваться. Консул при этом ничуть не смутился.

Форлинкин улыбнулся и предложил госпоже Сато вторую руку. Та, попытавшись подняться с колен своими силами, поняла, что нуждается в его поддержке. Консул был достаточно высок, и ей пришлось смотреть вверх, чтобы заглянуть ему в глаза. С Либером она была одного роста.

– Госпожа Сато, Стефин Форлинкин к вашим услугам. Я консул Барраяра на Кибо-Даини. Счастлив наконец-то познакомиться с вами лично.

Лиза безуспешно попыталась стряхнуть Мину с руки Форлинкина. Девочка соскочила сама и теперь радостно носилась вокруг них двоих. Джин также, подпрыгивая на месте от возбуждения, рассказывал что-то матери, сводя все объяснения к здоровью и состоянию своего зверья, особенно Лаки.

– Значит, мои дети были на вашем попечении? – неуверенно предположила она.

– Только несколько последних дней, мэм. У вас чудесные детишки. Умненькие.

Майлзу показалось, что под маской мелькнула улыбка. Ни разу до того он не видел радости в ее темных глазах.

В этот момент вмешался Ворон и потребовал, чтобы его пациентка отправилась в постель, однако не стал оспаривать ее права побыть с детьми. Майлз наблюдал через стекло, как дети, размахивая руками, рассказывали обо всем, что произошло с ними за полтора года. Видно было, что госпожа Сато едва поспевает за хлынувшей на нее информацией.

Сзади подошел Форлинкин и тоже принялся разглядывать их.

– Я рад, что она встречает детей в полном сознании. Это снимает с моих плеч сразу несколько юридических проблем. Теперь я действительно могу позаботиться о детях.

– Прекрасно, – улыбнулся Майлз.

Роик с Вороном куда-то отправились – их ждали новые дела. Либер выглядел потерянным. Невнятно махнув на стекло, за которым было видно всех Сато, он спросил:

– А мне-то что теперь делать?

Майлз повернулся к нему, скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку:

– Вы, конечно же, вольны делать что угодно. На этой планете я наделен властью арестовывать только барраярцев.

– А как же Ганс и Оки?

– Я их не арестовал, а похитил. Как выражается Роик. Чувствую, придется мне как-нибудь объяснить вам разницу между тем, что «дозволено», и тем, и что «простительно».

– И в чем же она, интересно?

Форлинкин удивленно поднял брови:

– В основном в успехе результата. В любом случае, доктор Либер, вы свободны покинуть нас в любой момент. Просто я бы не рекомендовал вам этого делать, если только у вас нет более приемлемого, нежели последний, плана укрыться где-нибудь. Я исхожу из предположения, что Ганс и Оки – не единственные мастера заплечных дел у ваших боссов.

– Не единственные, – с тяжелым вздохом согласился Либер.

– Вы также вольны остаться здесь. Переночевать здесь – гораздо безопаснее, чем искать платное пристанище где-нибудь еще. Нам всем нужно время, чтобы успокоиться, переварить все это. А еще советую вам серьезно подумать над целесообразностью завтрашнего перелета на орбиту – вряд ли вы проберетесь дальше космопорта.

– Верно, – горестно согласился Либер, – сейчас ничего не получится.

– А что собираетесь делать дальше вы, милорд Аудитор? – поинтересовался Форлинкин.

Майлз потер подбородок и задумчиво нахмурил брови:

– Думаю, то же, что и любой другой полководец, который уступает противнику числом. Искать союзников.

Глава шестнадцатая

Роик провел допрос незадачливых пленников без сучка и задоринки – именно так, как Майлз и ожидал. Забавно, что, даже очумевшие от пентотала, Ганс и Оки пытались оправдываться в своих поступках. Как Либер и предположил, две смерти были скорее результатом непрофессионализма, нежели злого умысла. Хотя описание того, как два бандита гоняли госпожу Теннодзи сначала по квартире, а потом по балкону, звучало достаточно жутко. А их попытка силой посадить флаер Джорджа Суваби вполне могла бы удалиться, если бы он аварийно сел на сушу, а не на глубокую воду. Ганс и Оки могли бы вынуть его из каркаса безопасности и сунуть в морозилку, разыграв, на совершенно законных основаниях, спектакль по спасению смертельно раненного человека. Однако случилось так, что утопленника выудили из воды слишком поздно даже для медицины Кибо-Даини.

Однако, как бы ни квалифицировалось их преступление – предумышленное или непредумышленное убийство, – главной проблемой оставалось другое: как теперь избавиться от непрошенных гостей? Просто отпускать уже нельзя. Их вместе со снятыми показаниями нужно бы передать полиции, однако не той полиции, которую «Новый Египет» может с легкостью купить. Да и толку от такой передачи сейчас мало, подумалось Майлзу. Скованных общей виной Ганса и Оки просто-напросто принесут в жертву, а их боссы купят свободу и скроются под надежной защитой дорогих адвокатов. А Майлзу хотелось бы, по возможности, утопить всю банду «Нового Египта».

Педантичный Роик ухаживал за подопечными: водил их в туалет по одному, поил водой. На какое-то время Майлз и Ворон погрузили их – не без помощи медикаментов – в легкий сон. Однако нужно было искать серьезный выход из ситуации. Криостаз казался все привлекательнее – забирать их с собой домой он не собирался. «Барраяр не испытывает недостатка в бандитах. К тому же *наши* свое дело знают получше», – решил Майлз. Мысль о том, что Банда Четырех сейчас весьма напугана пропажей как сотрудников безопасности, так и Либера, не могла не согреть. Еще бы! Ганс и Оки должны были доложить о возвращении с пленником много часов назад. Да, пожалуй, пора разворошить муравейник.

Когда записи оказались в консульстве, Майлз решил, что можно подключать к работе «Белую Хризантему». Ведь именно там все и началось, – как давно, кажется, это было! К счастью, ему не составило труда набиться на прием к Рону Вингу. По пути к западным окраинам Майлз вновь и вновь проигрывал роль – чтобы не выдать себя, пока дело не закончено.

У дверей кабинета Винга их встретила улыбчивая секретарша – поднялась и поприветствовала. Из кресла в углу также кое-кто поднялся, скорее зевая, нежели улыбаясь. Удивительное существо, похожее на кошку темно-рыжего окраса, словно крошечный лев с крыльями, весьма напоминавшими крылья Вихря, однако с лицом, жутковато похожим на человеческое. Небольшой полосатый головной убор с духе египетских статуй был завязан под подбородком. Существо потрусило к Роику. Тот замер в ужасе, а оно по-кошачьи потерлось о его колени – весило оно, должно быть, килограммов десять, – потом задрало морду вверх и (Роику показалось, что оно сейчас спросит: «Что ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?») хрипло мяукнуло.

– Прекрати, Нефертити, – пожурив ее секретарша и, подняв за шиворот, взгромоздила зверя на стол.

Кошка махнула хвостом с кисточкой и наградила женщину обиженным взглядом.

Майлз протянул руку. Зверь ее обнюхал.

– Не бойтесь, она не царапается и не кусается, – пояснила секретарша, – вот только линяет. – И добавила, улыбнувшись все еще пораженному Роику: – Это маркетинговый подарок от наших друзей и соседей, «Нового Египта».

– Я что-то не видел таких на конференции, – заметил Майлз.

– О, они разошлись в первый же день. Всем очень понравились. В них заложено больше дюжины слов. Говорят, прекрасный подарок для детей. И для домашней безопасности, – последнюю фразу она добавила как-то неуверенно.

– А где их, э-э... сделали? – поинтересовался Майлз.

– Насколько я поняла, на какой-то биоинженерной фирме на Архипелаге Джексона, – ответила она.

Кто бы сомневался.

– Их доставили сюда замороженными, и «Новый Египет» здорово сэкономил, разморозив их в своих лабораториях. Оказывается, этих животных не так-то просто содержать. Очень уж они привередливые едоки.

– А гены... в основном кошачьи? – спросил Майлз.

Она с сомнением взглянула на мини-сфинкса. Кошка вернула ей совершенно бесстрастный взгляд мифического животного.

– Думаю, да. А что? Я доложу господину Вингу, что вы здесь, лорд Форкосиган.

Винг тут же вышел навстречу самозваным гостям. Оставив Роика в приемной поболтать с секретарем и, быть может, обменяться парой загадок со сфинксом, Майлз позволил Рону Вингу увлечь себя в святая святых – кабинет Винга. Там он устроился в уютном и элегантном гелевом кресле для посетителей. Окна прекрасных угловых апартаментов Винга выходили сразу на две стороны – здания корпорации и безмятежные сады всего комплекса. Майлзу вдруг ни с того, ни с сего вспомнилась берлога Сьюз.

Винг уселся за рабочий стол, – комм-пульт черного стекла, – сложил руки на груди. Во взгляде сквозило осторожное любопытство.

– Так вы говорите, у вас возникли непредвиденные трудности, лорд Форкосиган?

Майлз снял волосок сфинкса с обшлага своего серого кителя и сделал вид, что пытается припомнить, зачем он вообще сюда пришел.

– По правде говоря, непредвиденные трудности возникли у вас.

Майлз откинулся на спинку и осклабился. Эх, достать бы еще ногами до пола.

Винг не встревожился, скорее просто насторожился.

– А что такое?

– Я провел несколько дней, наводя кое-какие справки – здесь, в Нортбридже, после конференции и нашей с вами встречи. Просто хотел разузнать, во что конкретно пойдут мои инвестиции. И обнаружилась некоторая проблемка. Интересно, знаете ли о ней вы?

Майлз постарался изобразить подозрительность в улыбке, надеясь спровоцировать Винга, заставить его перейти к обороне.

Тот лишь промычал что-то недоуменное. Майлз напомнил себе: не переигрывай. Гонец с такой вестью должен проявить достаточно ума, чтобы ему поверили, и в то же время не слишком умничать, чтобы его не испугались.

– Размер оплаты моих услуг прямо пропорционален росту акций «Белой Хризантемы Солстиса», не их падению. Если же они упадут, я останусь не с прибылями, а в долгах.

– Они не упадут, – успокоил Винг.

– Позволю себе не согласиться. Ваша компания-учредитель висит на волоске над глубочайшей экономической пропастью.

На сей раз Винг не кинулся его успокаивать, а вновь поинтересовался:

– А что такое?

– Вы приобретали контракты у компании «Новый Египет»? Вы знаете, что вам всучили лишь кучу трупов? Оказалось, что один из типов криоастрова, которым все пользовались от тридцати до пятидесяти лет назад, разлагается через пару десятков лет. Клиентов после этого уже не оживить. Их мозг, как художественно выразился мой технический консультант,

превращается в комок гнили. Со временем неудачных разморозок станет все больше, и родня ваших клиентов потребует вернуть миллионы новойен и их голоса.

Рот Винга открылся в неподдельном изумлении:

– Это правда?!

– Вы и сами сможете все легко проверить, как только подскажите своим ученым, где искать.

Винг опустил в глубины кресла.

– Проверю первым делом.

– Главный возмутитель спокойствия – «Новый Египет». Афера с торговлей контрактами пошла от них. Насколько я понимаю, придумал ее некий Аниш Акабане, их главный бухгалтер.

Винг задумчиво кивнул:

– Знаю такого. Умен, подлец!

В голосе прозвучало скорее восхищение, нежели гнев.

– По-моему, дело здесь совершенно ясное: вам и другим корпорациям Нортбриджа, которых надул «Новый Египет», надо объединить свои силы и выдвинуть иск.

Винг поморщился: мысль Майлза явно показалась ему скороспелой.

– Для этого надо доказать, что они знали.

– Можно доказать, что они знали об этом еще полтора года назад. Негодяев вполне удастся взять к ногтю!

Винг поднял ладонь:

– Не торопитесь, лорд Форкосиган! Я целиком разделяю ваш гнев. Не думаю, правда, что путь, который вы предлагаете, поможет защитить ваши инвестиции.

То же мне, инвестиции!

– Как так?

– Это все пока – тайна? Вы никому больше не говорили?

– Начал с вас. После чего собираюсь рассказать правлению каждой криокорпорации здесь, в «Криополе».

– Какое счастье, что первым делом вы пришли ко мне! Вы поступили совершенно правильно.

– Надеюсь, это действительно так. Однако что вы задумали?

– Нам в первую очередь следует беспокоиться о котировках акций «Белой Хризантемы» и прибылях ее акционеров, включая вас. Во-первых, естественно, после проверки фактов нам предоставляется хоть и ограниченная, но все же явственная возможность снять бремя обязательств с самих себя. Было бы верхом безответственности не воспользоваться ей. Для «Белой Хризантемы» будет значительно лучше, если эта проблема получит огласку постепенно и источником информации о ней станем не мы, а кто-нибудь другой. Кризиса можно избежать, если не обрушить эту новость на широкую общественность вот так, сразу.

– Боюсь, я вас не совсем понимаю...

Боюсь, я его очень хорошо понимаю. Проклятье. Я поставил не на ту лошадь.

Винг покачал головой:

– Ответственные люди в любой криокорпорации согласятся со мной. Это не та новость, которую можно предавать широкой огласке. Это может оказаться губительным не только для «Белой Хризантемы», но и для бизнеса в целом. Да что там, для всей экономики.

– Значит, вы предлагаете не коллективное заявление в суд, а коллективный сговор?

Осторожно, не сорвись, – приказал Майлз себе.

– Ну почему сразу «сговор». – Винг вздохнул с глубоким сожалением. – Хотя это как раз всех бы устроило. Однако если уж даже посторонний человек с другой планеты смог обнаружить такую проблему после поверхностного знакомства с Кибо, то ясно, что все зашло слишком далеко и сокрытие не поможет надолго. Эта новость, видимо, скоро станет известна всем.

И вовсе даже не так тихо и мирно, как тебе хотелось бы, подумал Майлз, но не стал посвящать Винга в детали.

Винг побарабанил кончиками пальцев по черному стеклу стола.

– Думаю, у нас есть небольшое преимущество. А потом я сам схожу к нашим коллегам-конкурентам. Через несколько недель. Поскольку есть здесь кое-какие вопросы, которые могут представлять опасность для всех нас. Не волнуйтесь, лорд Форкосиган, у нас ваши инвестиции в полной безопасности. Просто оставьте мне решение этого вопроса. – Он откинулся на спинку кресла, улыбочивый, как всегда, хотя было видно, что в мозгах закрутились шестеренки.

– А как же нам наказать мерзавцев из «Нового Египта»? – Майлз старался, чтобы голос прозвучал жалостливо, а не гневно.

– Знакомо ли вам выражение: достойная жизнь – лучшая месть?

– Там, откуда я родом, лучшей мезтью обычно считается голова обидчика на блюде.

– Ну, э-э... Гм. Просто разные культуры. Так. Вы обеспечили меня сегодня работой, которую я не планировал.

Намек прозвучал достаточно прозрачно. Майлзу пора сниматься с якоря, Вингу – обеспечивать живучесть своего «плавсредства».

У Майлза перед глазами возникла картина: корпорации сходятся в... нет, не в битве, а в соглашении.

– Вы заставили меня о многом задуматься, Винг-сан.

– Да и вы дали мне пищу для ума. Не желаете ли чаю на дорогу?

Очевидно, Вингу трудно было придерживаться правил хорошего тона перед лицом новых трудностей.

– Почему бы и нет? – ответил Майлз, таким образом совместив и достойную жизнь, и месть. Пусть мелкую, но месть.

Они вышли в приемную, где секретарша пичкала Роика зеленым чаем с миндальным печеньем, осыпая его взглядами восхищенными и благодарными. Сфинкс жалобно мяукал из здорового... контейнера для переноски сфинксов.

– Я так рада, что вы ее заберете, – сказала секретарша, кивнув на клетку и наливая Майлзу и своему боссу из изящного фарфорового чайника. – Очень милое существо, притом совершенно ручное. Только вот не вписывается в дизайн помещения.

– Ага! – обрадовался Винг. – Вы наконец-то нашли ей хозяев, Юко? Отлично! Наконец-то из туалета исчезнет эта коробка...

Майлз неодобрительно посмотрел на Роика:

– У нас теперь будет сфинкс?

«Зачем?» – хотел он спросить. Или скорее: «За что мне такое наказание?»

Роик выглядел виноватым.

– Кое-кто, я уверен, ей очень обрадуется.

– Ясно.

Майлз надеялся, что Роик получил что-нибудь взамен. Например, информацию. Секретарша выглядела для него староватой. Был ли ее интерес к мужчине-барраярцу материнским или романтическим – не имело значения. Главное, интерес был дружественным и неподдельным.

Майлз решил ограничить мстительность одной чашкой и позволил проводить себя к выходу. Появились два служащих. Они покатали на платформе еду сфинкса, а также ее посуду, игрушки, сменные головные уборы и санитарные принадлежности. Роик потащил контейнер и проследил за погрузкой всего этого в консульский флаер. Голос сфинкса звучал грозным протестом, когда они выезжали из-под тории.

– Во-о-он! Во-о-он!

– Куда теперь, милорд? Какие остановки на пути?

– Думаю, пока никаких. Мой блестящий план по исправлению ситуации и нашему скорейшему возвращению домой только что пошел ко дну. Расскажу тебе все по дороге в город.

– Да, милорд.

* * *

Джин потихоньку выбрался из послеоперационной, где дремали мама и сестренка. Мина, как котенок, свернулась в изножье кровати. Мама выглядела вымотанной и бледной, даже какой-то страшноватой, правда, совсем не похожей на ту, другую женщину, которую Майлз-сан и Ворон-сенсей не смогли оживить. Радость, что мама жива и вот теперь снова с ним, в первое мгновение просто захлестнула, как волна. Однако теперь волна отступила, и Джин вновь оказался в смятии чувств, в странном, подвешенном состоянии. Снова все стало неопределенным, снова он под контролем взрослых. Где они будут жить? Что случится с его зверьем? Заставят ли его вернуться в школу? Когда? Неужели он теперь обречен учиться с малышкой на год младше его?

А что, если все это опять отнимут?..

В общей палате дежурила Ако, она приветливо кивнула мальчику, не вставая со стула. Джин услышал в коридоре голоса и пошел взглянуть, кто там.

Прикрыв за собой дверь, он натолкнулся на взволнованного Форлинкин-сана. Он разговаривал с Вороном-сенсеем и двумя неизвестными. У Джина тоже отвалилась челюсть, когда он посмотрел на этих новеньких.

Мужчина был почти копией Майлз-сана – того же роста, очень похож, только раза в два шире и без седых волос. На нем был строгий костюм – черный-пречерный и даже чернее. От этого его полнота вовсе не бросалась в глаза. Женщина была даже выше Джиновой матери – яркая блондинка, волосы убраны назад красивым узлом, глаза почти такие же голубые, как у консула Форлинкина, одежда – гораздо более непринужденная: мягко-серые тона, гладкий белый верх, и что-то золотисто поблескивало на шее и в ушах. Ее одежда чем-то напоминала сорочки Майлз-сана – вроде бы простые, но в то же время выглядящие очень... Ну очень! Женщина улыбнулась Джину, и мальчику вдруг стало тепло.

– Джин, – сказал ему Форлинкин, – я как раз тебя искал. Я собирался вернуться в консульство, когда...

Он многозначительно посмотрел на не-Майлза.

– Мама и Мина уснули, – сообщил ему Джин.

– Отлично, – сказал Ворон, – пойду-ка я на них взгляну, перекинусь словом с Ако и вернусь к вам.

Он исчез в палате.

Блондинка взглянула на Джина. В ее глазах запрыгали веселые искорки, словно лучики солнца на глади летнего озера.

– А кто это, консул?

Форлинкин весь будто собрался, хотя чего это он так растерялся из-за прибытия парочки, было совсем не понятно. Может, из-за удивительного сходства коротышек?

– Это Джин Сато, сын женщины, которую лорд Форкосиган и доктор Дюрона вывели из криостаза. Лорд Форкосиган натолкнулся на него, когда... Впрочем, он сам вам все расскажет по возвращении. Джин, это – лорд Марк Форкосиган и его партнер, мисс Карин Куделка, с Барраяра.

Мисс Куделка протянула Джину для рукопожатия изящную ладонь, словно он был взрослым. Мужчина, несколько помешкав, последовал ее примеру. Джин не понял, что значит «партнер» – то ли подруга, то ли коллега по работе. Красотка выглядела скорее директором компании, а дорогая сумка, перекинута через плечо, явно предназначалась не для косметики.

– Вы брат Майлз-сана? – спросил Джин.

Они – как Тецу и Кен. Джин вдруг осознал, что с лордом Марком он одного роста, как и с Майлз-саном, только лорд Марк все равно казался как-то выше – из-за своей тучности, что ли? А еще у него в уголках глаз не пряталась улыбка, как у Майлз-сана.

– Близнецы, с разницей в шесть лет, – ответил тот заученной фразой, словно уже в сто-тысячный раз. – Долгая история.

Ясно было, что Джину он ее пересказывать не собирается.

– А выглядите... не очень-то похожими, – продолжил Джин.

У лорда Марка не было трости, и двигался он плавнее, чем Майлз-сан. Видимо, он был младшим братом.

– Приходится прикладывать усилия, чтобы сохранить это отличие, – ответил лорд Марк. Из палаты вернулся Ворон.

– Полагаю, первым делом вам необходимо встретиться с госпожой Сузуки, лорд Марк.

– А зачем она нам вообще нужна? Насколько я понимаю, этот ваш Тед Фува – единственный настоящий хозяин.

– Он владеет лишь зданиями предприятия. Для наших целей здания... не то чтобы совсем не нужны, просто именно эти – не принципиальны. Нас гораздо больше интересует личная ответственность за клиентов, содержащихся здесь, и возможности, которые мы получим. Именно поэтому мы рискнули пригласить сюда вас, для личного осмотра. А госпожа Сьюз, бесспорно, единоличный хозяин всего этого «царства хаоса».

Лорд Марк коротко кивнул. Он слушал и не спорил.

– Знает ли ваш брат, что вы прилетели, лорд Марк? – спросил Форлинкин. – Мне он ничего не сказал. Как и доктор Дюрона.

Взгляд, брошенный в сторону доктора, сквозил подчеркнутым недружелюбием.

– Нам удалось сесть на корабль раньше, чем планировалось, – ответила мисс Куделка.

– Я, вообще-то, не горю желанием лезть в улей, который Майлз сейчас ворошит, да и не очень хорошо представляю, чем он занят, – ответил лорд Марк. – Обычно мы не вмешиваемся в дела друг друга. Считайте просто, что у близнецов – сходные интересы.

А его коллега встала:

– К тому же, насколько я понимаю, одна из обязанностей консульства, – помогать предпринимателям с Барраяра на Кибо.

Форлинкин осторожно кивнул:

– Хотя Аудиторское расследование, естественно, сейчас для нас важнее, – и добавил почти неслышно: – Чем бы он там, черт побери, ни занимался...

– Конечно, – сверкнула такая ослепительная улыбка мисс Куделки, что Форлинкин даже моргнул. – Вероятно, пойти к ней должны Марк, Ворон и консул, тогда не придется объяснять все по многу раз.

Форлинкин несколько смутился:

– Джин, извини...

– Лучше, если Джин пойдет с нами, – с легкостью предложил Ворон-сенсей. И тихонько добавил, обращаясь отдельно к мисс Куделке: – Он наш местный проводник, может оказаться полезным...

Она согласно кивнула и одарила Джина еще одним лучащимся взглядом.

Все пошли за Вороном, и Джин поплелся следом в безмолвном недоумении: вниз, потом под зданием, потом по тоннелям, потом наверх, прямо к дверям Сьюз-сан. Лорд Марк и мисс Куделка напряженно озирались всю дорогу, а блондинка сканировала все ручным видео.

Ворон-сенсей бодро забарабанил в дверь углового номера. Та открылась неожиданно быстро, на пороге, ко всеобщему удивлению, стоял Тенбери-сан.

– Что тут происходит? – Он подозрительно таращился из-под густых косм. – Вы что, привели посторонних, не спросив разрешения?

– А мы как раз идем к вам за разрешением! – ответил Ворон-сенсей. – Как хорошо, что вы здесь. Можно войти? Нам надо поговорить с госпожой Сьюз.

– Ну, заходите. – Тенбери покосился на лорда Марка: – Боже, еще один! Сколько у вас всего припрятано этих коротышек, Ворон?

У лорда Марка дернулась бровь, однако Ворон-сенсей тут же отреагировал, успокаивая:

– Только эти двое! – и Тенбери отступил.

Сьюз-сан сидела у окна, играла в маджонг и пила с Танакой что-то, не очень похожее на чай. Тенбери, очевидно, только что встал с третьего стула. Все они удивленно разглядывали компанию лорда Марка.

– Ну что на сей раз, Ворон? – буркнула Сьюз-сан. – Я уж думала, мы обо всем договорились. Когда вы выполните обещание и разморозите двух наших клиентов, а?

– Мы хотим изменить условия договора, – ответил на это Ворон-сенсей.

Сьюз-сан нахмурилась еще больше.

– Как насчет не двух, а двух тысяч клиентов?

Ее брови поползли вверх, а уголки рта – вниз; однако женщина нашла силы махнуть им рукой, вся компания строем вошла в комнату и уселась вокруг хозяйки. Первым делом Ворон-сенсей представил ей консула Форлинкина, который несколько последних дней только и делал, что носился между консульством и заведением Сьюз, о чем та прекрасно знала. Джин попытался подать ей знак, мол, это – наш человек. Тенбери кое-как устроился на подоконнике, хмурясь и ероша бороду.

Ворон-сенсей опять представил новоприбывших.

– Госпожа Сузуки, позвольте представить вам моего работодателя, лорда Марка Форкосигана. Он – младший брат Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана... И его коллега, мисс Карин Куделка. Лорд Марк – совладелец Группы Дюрона, клиники на Эскобаре, в которой я работаю.

– А кто другой совладелец?

Сьюз рассматривала лорда Марка пристальным тяжелым взглядом.

Тот ответил сам с легким поклоном:

– Доктор Лилия Дюрона, основатель первой Группы Дюрона на Архипелаге Джексона, прародительница всех клонов Дюрона. Я приобрел свою долю в Группе десять лет назад, когда помог Дюрона сменить статус – из собственности барона Фелла в иммигрантов на Эскобаре.

– Вы тоже доктор? Ученый?

Лорд Марк покачал головой:

– Предприниматель. Мой основной интерес в исследованиях Дюрона – в поддержке развития методов продления жизни, в частности поиск альтернативы пересадке мозга клону.

– Такая пересадка противозаконна! – вставила Танака.

– К несчастью, не на Архипелаге Джексона.

Джин потянул Форлинкина за рукав и спросил:

– О чем они говорят?

Тот шепнул в ответ:

– Богатые злодеи омолаживаются так: их мозг пересаживают в тело клонов, выращенных специально для этой цели. Очень опасная операция, при которой мозг клона всегда погибает.

– Фу-у...

– Полностью согласен.

Форлинкин, сдвинув брови, вновь принялся слушать лорда Марка. Он подал Джину знак рукой, мол, тише, сиди и слушай, и сам показал пример.

Лорд Марк сложил ладони, побарабанил пальцами жестом, так напоминающим жест брата, и сообщил:

– Группа Дюрона рассматривает возможность расширения своих услуг по выводу из криостаза на Кибо-Даини.

Сьюз-сан скривила губы:

– Это пустая трата... Стойте-ка, вы говорите, по *выводу* из криостаза? Не по заморозке и хранению?

– Похоже, на этой планете криохранение – вполне зрелая отрасль промышленности, новичкам тут и места не найти. Думаю, значительно больший простор и возможности представляет сфера, которую нынешние криокорпорации упорно не замечают. Ворон сказал мне, что здесь у вас на подземных уровнях на незаконных основаниях хранится более двух тысяч клиентов. Их хранение и составляет то обязательство, по которому данный комплекс зданий невозможно продать, отчего страдает настоящий его владелец, некто Теодор Фува.

– Ага, когда этот идиот приобрел здания под застройку, он не знал, что здесь – мы. Он даже как-то пытался решить эту проблему поджогом, – рассказала Сьюз-сан. – Как бы то ни было, сейчас здесь уже больше трех тысяч.

– Тем лучше!

– И что же вы сделаете, чтобы от них избавиться?

– Как что? Конечно же, разморозим их и отправим отсюда своим ходом.

Сьюз-сан только фыркнула:

– Только если у вас есть лекарство от старости.

Странноватая улыбочка скользнула по губам лорда Марка, обнажая зубы.

– Именно так.

Танака подняла голову и изумленно спросила:

– С чем вы все-таки к нам пожаловали?

Лорд Марк кивнул ей:

– Увы, это не фонтан молодости. Однако он вполне может оказаться фонтаном среднего возраста. Не думаю, что для людей младше шестидесяти от него есть хоть какая-то польза. Но если вам за шестьдесят, он с легкостью поможет скинуть лет двадцать. Пока. Это не волшебный напиток: выпив один стакан, юным не станешь. В том виде, в каком он сейчас существует, это скорее некий коктейль. Но наши ученые уже завершили условные и реальные опыты на животных, и мы практически готовы переходить к клиническим испытаниям на людях.

– Этот препарат уже опробовали на людях? – спросила Танака.

– Пока только один раз, – ответил за лорда Марка Ворон-сенсей.

– Был один опыт?

– Его принял один человек. Сама Лилия Дюрона, – пояснил Ворон-сенсей. – Так что, как видите, внимание всей группы приковано к этим опытам.

– Можете ли вы гарантировать удачное лечение?

– Ну конечно, нет, – ответил лорд Марк. – Именно поэтому нам нужно апробирование. Но когда у нас будут результаты двух или трех тысяч проб, мы сможем гарантировать омолаживающий эффект препарата.

– Вы никогда не получите разрешения, – сказала Сьюз-сан.

– Ничего подобного. У Эскобара двустороннее соглашение по вопросам медицины с Кибо-Даини. Любое медицинское учреждение, которое я пожелаю купить здесь, попадает под защиту законодательной базы Группы Дюрона сразу с момента регистрации приобретения. И не надо будет поднимать бучу, чтобы избавиться от каких-либо неожиданных... гм, проблем. – Лорд Марк помассировал двойной подбородок. – Если испытания пройдут нормально, через два года предприятие уже будет приносить прибыль.

– А через двадцать лет, – поинтересовался Тенбери, – что будет с людьми? Они смогут прийти за «добавкой»?

Лорд Марк пожал плечами:

– Спросите меня об этом через двадцать лет.

– Вот черт, – выдала Сьюз-сан, – да ведь это все равно что деньги печатать. Вы это понимаете, юноша?

Лорд Марк лишь отмахнулся:

– Да ну, по-моему, все это так, побочные продукты производства. Это, конечно, безопаснее пересадки мозга. Однако тот восьмидесятилетний, кто может позволить себе тело восемнадцатилетнего, вряд ли польстится на тело шестидесятилетнего. Нам придется многое дорабатывать. И все равно это шаг в правильную сторону.

– А это сработает только на размороженных? – поинтересовался Тенбери.

– Нет-нет, мы полагаем, что на тех, кто не подвергался криостазу, лечение скажется еще лучше.

Морщинистые губы Сьюз-сан расплылись в злобной ухмылке.

– Да разве может хоть кто-нибудь предпочесть вашему лекарству рискованную и противозаконную пересадку мозга? Проклятье! Кто предпочтет *этому* – криостаз?

– Люди – непредсказуемые существа, – ответил лорд Марк, – я бы не стал торопиться с прогнозами.

– А что будет с бедняками? – спросила Танака.

– А что с ними такое? – недоуменно посмотрел на нее лорд Марк.

Они встретились долгими взглядами, полными взаимного непонимания. Мисс Куделка пришла на выручку:

– Если вы позволите, Марк, я поясню. Полагаю, госпожа Сузуки и ее друзья столь же близко принимают к сердцу ситуацию с отсутствием права на будущее у малоимущих граждан Кибо, как вы переживаете по поводу лишения клонов Архипелага Джексона этого самого права на будущее. Иначе госпожа Сузуки не занималась бы своим делом в знак протеста вот уже дольше, чем вы управляете Группой Дюрона. – Мисс Куделка повернулась к Сьюз-сан и продолжила: – И Марк, и, к слову, доктор Дюрона выросли на Архипелаге Джексона, где, если хочешь выжить, надо уметь вертеться, и времени подумать о других не остается. Оба они потихоньку учатся жить иначе. Давайте, пока мы знакомимся друг с другом, попробуем взглянуть на подобные вещи шире. Мы с Марком хотели бы осмотреть здесь все до встречи с господином Фувой.

Сьюз-сан откинулась на спинку кресла, взгляд ее вдруг стал чужим и суровым.

– А если я не позволю?..

Марк пожал плечами:

– Тогда придется встретиться с Фувой без вашего участия.

Глаза Сьюз-сан превратились в щели.

– Думаете, у вас все козыри на руках, да?

Мисс Куделка вновь бросилась всех успокаивать:

– Вряд ли мы выиграем от того, что вы проиграете. Взаимовыгодное сотрудничество позволит обеим сторонам достичь желаемых целей.

– Да-а... Мне надо подумать, – медленно произнесла Сьюз-сан. Она наклонилась над столом и вогнала пробку в горлышко квадратной бутылки слегка дрожащей рукой. – Тенбери, проводи их. Покажи все, что пожелают.

Тенбери кивнул и оттолкнулся от стены.

– Ну, тогда давайте за мной.

Все поплелись за Тенбери. Сьюз-сан и Танака остались в комнате, придвинувшись друг к другу и обсуждая новости, не успела дверь закрыться. В коридоре Джин потихоньку подошел к Форлинкину и шепнул:

– О чем это они сейчас говорили? Я ничегошеньки не понял! А чего это Сьюз-сан так разозлилась?

Они немного отстали от всей компании, Форлинкин, прикрыв рот ладонью, посмотрел на Джина сверху вниз и тихонько объяснил:

– Если у лорда Марка есть достаточно денег, а похоже, что есть, он может купить весь этот комплекс, и не спросив разрешения у госпожи Сузуки. В этом случае она ничего не сделает. И он тоже мало что может здесь поделать, так как на него ляжет ответственность за пациентов в криокамерах. Зато живых он может запросто выставить отсюда на улицу – как нарушителей права собственности.

– Это нечестно! – возмутился Джин.

Мисс Куделка бросила на него смешливую улыбку через плечо. Джин отчаянно покраснел.

– Полагаю, он и не собирается этого делать, но поживем – увидим.

Джин нахмурился, пытаясь осмыслить все услышанное.

– А как так получается, что Майлз-сан – лорд Форкосиган, а его брат – лорд Марк, хотя фамилия обоих – Форкосиган?

– Оба – сыновья графа Эйрела Форкосигана. Твой, гм, друг Майлз-сан – лорд Форкосиган, потому что он – отцовский наследник. Лорд Марк просто носит почетный титул без каких-либо политических обязательств.

– Ясно.

Консул задумчиво взглянул в мальчишеское лицо. Они двигались вслед за Тенбери и новоприбывшими баррарцами. Или джексо尼亚нцами. Или кто они там. А если лорд Марк и лорд Форкосиган – братья, почему же они росли на разных планетах? Имеют ли к ним какое-нибудь отношение все эти жуткие рассказы о клонах? А еще интересно, тот пятилетний мальчик, ну, тот, с кучей имен, которые даже его собственный отец не упомянул, он что, тоже какой-нибудь лорд?

Джин вспомнил рассказы Майлз-сана о том, как ему позволяли сидеть на отцовских совещаниях, если он сидел тихо и не мешал. Поэтому мальчик прикусил язык и постарался не отставать.

* * *

Два часа спустя Джину только и оставалось, что зевать от тоски. Интересно, Майлз-сан так же клевал носом на этих совещаниях в детстве? Может, его отец занимался чем-то поинтереснее? Вместе с Тенбери они заглянули в каждую щель: то поднимались на верхние этажи, то спускались на нижние уровни, побывали в таких уголках, которых Джин и в жизни не видел. Говорили о скучном, как все взрослые: о каких-то финансах, о канализации, о законодательстве. К загадочным разговорам о клонировании и врачах-убийцах больше не возвращались. Тенбери продемонстрировал все свои инструменты и умения. Выражение лица лорда Марка не менялось, а мисс Куделка продолжала засыпать зрителя бесконечными вопросами. Джин уже подумывал оставить эту компанию и сходить в послеоперационную. Может, мама с Миной проснулись? Да и проголодался он изрядно.

Они как раз проходили по подземной парковке под приемным pokojem, как вдруг все, словно по команде, повернули головы на грохот и сдавленные вопли, доносившиеся из-за двери с надписью «Входа нет».

– Может, лучше его впустить? Или выпустить? – спросила мисс Куделка.

– На свободу-то они просятся, но выпускать ни в коем случае нельзя, – пояснил Воронсенсей. – Там пленники лорда Форкосигана. Должно быть, проснулись: я не стал давать им много снотворного после фастпенты и парализатора.

Лорд Марк, открещиваясь от услышанного, поднял ладони:

– Значит, это не наше дело. – По голосу совсем не слышалось, что он удивлен поведением брата, словно тот частенько накачивает людей наркотиками и бросает их в заточение. Лорд Марк лишь поинтересовался: – Когда он собирается убрать их отсюда? Я планирую по возможности не затягивать со сделкой.

– Ничего не могу сказать, – ответил Ворон-сенсей, – они – частички головоломки, которую милорд решает. – Грохот продолжался, и он добавил: – В любом случае, дождемся Роика, он их успокоит. Жуткая, скажу я вам, парочка.

Джин прислушался и подошел к двери поближе:

– Стойте-ка! Это же голос Йани!

– Кого? – удивился Ворон-сенсей.

– Ты уверен? – спросил Тенбери.

– Эй, Йани, это ты там?

Грохот прекратился. Из-за двери взвизгнули дрожащим голосом:

– Джин? Это ты? Отопри дверь и выпусти меня!

– А где эти двое? – прокричал Джин в ответ.

– Я услышал, что кто-то стучит и стучит, и пошел посмотреть, – сдавленным голосом ответил Йани. – Кто это здесь додумался запираť людей на замок?

Ворон-сенсей всплеснул руками и в ужасе проскрежетал:

– Что же скажет милорд Аудитор!

Он тут же склонился над замком.

Лорд Марк отступил и деловито вытянул парализатор из черного пиджака. Мисс Куделка вовсе не спряталась за его спину, она лишь отошла, чтобы прикрыть противоположный фланг, расправляя плечи и разминая кулаки. Внезапно она показалась Джину такой сильной...

После напряженной паузы дверь открылась.

Пошатываясь и ругаясь, в проеме возник Йани. Выглядел он взъерошенным и крайне сердитым. На лбу красовался здоровенный синяк, а под носом засыхала кровь.

Ворон-сенсей заглянул в кладовку.

– Проклятье. Ушли!

Глава семнадцатая

Не успел Роик зарулить в подземный гараж, как Майлз увидел толпу, собравшуюся у входа в помещение с пленниками. Роик сразу же заметил пустую бетонную площадку, где раньше был припаркован захваченный флаер «Нового Египта». И как же он удивился, разглядев над темными головами собравшихся гладкие волосы блондинки. Роику и вниз посмотреть не пришлось, чтобы понять, кто там стоит, ростом ему аж до плеча.

– Какого черта? – Оруженосец остановил флаер. – Что это мисс Карин здесь делает?

– Как обычно, следует по пятам за моим братом. А вот какого черта здесь делает Марк, это действительно вопрос.

Они выбрались из флаера. Майлз пробился сквозь толпу зевак и заглянул в пустое помещение. Даже самый гневный из его аудиторских взглядов не смог вернуть Ганса и Оки на место волшебным образом. Правда, не очень-то и хотелось.

Повернувшись, он увидел их всех: Тенбери и Ворона, Марка и Карин, консула Форлинкина, Джина, вертящегося у его локтя и проворно тараторящего о побеге высоким голосом, помятого старикашку Йани, с видом столь же гневным, сколь и виноватым. Зато живого и здорового, и к тому же, судя по жалобам, пребывающего в неведении относительно пережитой встречи с самыми жуткими ангелами смерти Кибо-Даини.

– Когда они бежали?

Майлз старался говорить только о главном.

– Полагаю, что вскоре после вашего отъезда, – горестно сообщил им Ворон. – Боюсь, я дал им недостаточную дозу. Извините...

Майлз лишь рукой махнул, мол, если уж не прощаю, то хотя бы понимаю.

– Значит, они скрылись два часа назад, может, даже три. Достаточно времени, чтобы добраться домой или куда-нибудь еще.

В голове начал вырисовываться план действий. Если эта парочка смылась, просто чтоб спасти свои шкуры, то сейчас они могут быть где угодно. Вряд ли в этом случае они вернутся, тем более вряд ли вернутся с подкреплением – для беглецов станут опасны и полиция, и их собственные боссы. Если же они, по зову долга, вернулись в «Новый Египет»... Разнообразие вариантов росло и усложнялось. *Интересно, не разминулись ли мы с ними на дороге? Все равно сейчас уже слишком поздно...* Оба бандита видели Роика, вполне могли разглядеть Ворона. Приметного Майлза они не видели, однако Роик и сам по себе выделяется из толпы, а как только опознают его, живенько выйдут и на Майлза. То-то же удивится Банда Четырех!

Теперь «Новому Египту» известно и о подпольном криокомплексе Сьюз, теперь они наверняка знают, что Либер, их первоначальная цель, был доставлен сюда. Правда, они могут предполагать, что сейчас его здесь нет. Догадались ли они, что их служащий – а теперь, несомненно, бывший служащий – сбежал, прихватив криокамеру госпожи Сато? И если так, то знают ли они, что ее уже разморозили? Может, все еще полагают, что Либер таскает ее за собой, как сувенир безумца? Могут ли они проследить по каким-нибудь видеозаписям Службы безопасности, как Майлз со своей «опергруппой» освободил госпожу Чен, несчастную замену Лизы? И какие выводы они сделают из этих записей? И...

– Проклятье! Придется снова поговорить с этим идиотом Либером. – Чтобы получить подтверждение своим догадкам, нужно больше знать о ключевых фигурах «Нового Египта». Он вздохнул и сказал уже громче: – Привет, Марк! Ты откуда взялся? Да еще и столь неожиданно.

Марк вздернул нос, словно желая подчеркнуть, что не чувствует никакой вины, и даже слегка ухмыльнулся.

Майлз впился взглядом в лицо Ворона.

– Я полагал, мы достигли взаимопонимания по поводу подобных сюрпризов.

Ворон пожал плечами и промямлил:

– Корабль пришел раньше.

Майлз решил не продолжать бесполезное занятие.

– Привет, Карин.

В ответ она сверкнула глазами – доброжелательно, как ему показалось. Или хотелось.

– Привет, Майлз. Как дела?

– Очевидно, что не совсем так, как хотелось бы.

Он еще раз сунул нос в комнатенку. Никого... Тенбери, добрая душа, успокаивал Йани и увещевал того обратиться за помощью к Танаке.

Из багажного отделения консульского флаера раздался вой:

– Во-о-он! Во-о-он!

У Форлинкина брови полезли на лоб.

– Вы еще кого-то похитили? – спросил он скорее безропотно, чем осуждающе.

Вода камень точит, подумалось Майлзу. Вот уже и консул стал понемногу привыкать.

– На сей раз нет. Джин, у оруженосца Роика есть для тебя подарок. Живой груз.

– Правда?

Джин мгновенно забыл обо всем. Майлз кивнул Роику, и тот повел мальчика знакомиться с новым зверем. «Говорят, прекрасный подарок для детей», – как обещала секретарша Винга. *А ты слепо им веришь? С чего это?* Карин, излучая любопытство, отправилась за Роиком.

Майлз заговорил тихо, обращаясь лишь к Форлинкину и Ворону:

– Ворон, как скоро можно будет перевезти госпожу Сато?

– В консульство? – спросил Форлинкин.

Майлз кивнул.

– Мы все делали в тайне, и это была лучшая защита. Теперь же ее нет, и только консульство сможет защитить ее от юридического преследования. При условии, конечно, что там есть хоть какая-то защита от противозаконного, физического нападения. Скоро мы справимся и с этой проблемой, но подмога еще в пути.

Ворон поджал губы, и с непреклонно-врачебным видом ответил:

– Завтра. Нельзя сказать, правда, что биоизоляция не нарушена – дети шныряют туда-сюда. Однако сильно они не навредят.

– Напичкайте ее всеми имеющимися в вашем распоряжении иммунизаторами...

– Уже сделано.

Майлз поднял вверх большой палец:

– Тогда переезжаем завтра, как только будет можно. Форлинкин, оставайтесь на ночь здесь, приготовьтесь завтра перевезти госпожу Сато и детей в консульство по первому требованию. – А потом с неохотой добавил: – И Либера тоже.

– Думаете, «Новый Египет» отреагирует так быстро? – спросил Форлинкин.

– Честно сказать, не знаю. О всех этих главах корпораций у меня сложилось такое мнение, что они скорее спрячутся за надежной стеной из адвокатов, нежели прибегнут к услугам наемников. Но люди, с которыми мы имеем дело, уже продемонстрировали, что в случае необходимости могут действовать решительно. И, несмотря на очевидный сейчас провал, их действия полуторалетней давности выглядели в свое время вполне адекватными. Тем не менее желаю им беспокойной и бессонной ночи – пусть задумаются.

Форлинкин тоже задумался и нахмурился.

Майлз повернулся к своему брату-клону:

– А ты что скажешь?

– Мы с Карин сделали скачок с Эскобара только для того, чтобы совершить сделку с недвижимостью, возможность которой обнаружил Ворон, – ответил Марк. Его, похоже, ничуть

не смутило происходящее. – Если коротко, то комплекс, в котором сейчас размещается гос-пожа Сьюз, – может стать замечательной площадкой для крупномасштабных испытаний на людях препарата по продлению жизни, над которым сейчас работает Группа Дюрона. Если ожидания подтвердятся, я планирую приобрести весь комплекс у нынешнего неудачливого владельца, этого самого Фувы, со всеми потрохами и обязательствами. – Марк показал пальцем себе под ноги, где в подземных хранилищах были упрятаны замороженные пациенты. – Окажите личную любезность, брат Лорд-Аудитор, не мешайте моей сделке.

Губы Майлза тронула усмешка.

– К счастью, взгляды форов на семейственность не страдают от смены поколений. Даже в этом, как выразился бы наш покойный дед, прогнившем веке. Только не мешай моей работе.

– Твоя работа меня ни в малой степени не интересует, так что не беспокойся. Кстати, чем ты сейчас занимаешься?

– А что же Ворон не изволил проинформировать?

– Нет, он умудряется удивительным образом держать язык за зубами.

Да уж, ни одного из Дюрона не обвинишь в том, что они едят свой хлеб напрасно.

– Все началось с того, что некая местная криокомпания под названием «Белая Хризантема» решила расширяться на Комарру.

– Отдает душком...

– А, так ты уже слышал?

– Да, только что. Но даже на беглый взгляд, огромное расстояние, финансовые и культурные различия показывают, что здесь есть какой-то подвох. – Марк пожевал губами. – Да к тому же здесь ты, как черт из табакерки. Прямой намек на то, что ситуация отдает душком.

– Ах, вон что! Слушай дальше. «Белая Хризантема» – это поезд, который уже отправился со станции и теперь по проложенным рельсам следует к месту назначения. Тут пока все нормально. А вот побочные проблемы, возникшие с «Новым Египтом», осложняют ситуацию, – сказал Майлз и решительно добавил: – Я стараюсь не навредить в своем расследовании одному местному мальчику, который подверг себя опасности, подружившись со мной. А все благие намерения, Марк. Весь мой путь выложен ими...

– Как я рад, что мне ничего не известно о таком понятии. – Взгляд Марка стал жестким. – Это не твоя планета, ты ничего не сможешь здесь поделать.

– Нет, но... Конечно, нет. Но.

– Постарайся хотя бы не разрушать все подряд на своем пути. Мне тут еще работать.

– Ты уже сказал. – Майлз задумался. – Значит, продление жизни? Надеюсь, на сей раз все серьезнее, чем две последние разработки Дюрона, которые привели тебя в такой восторг? Который, в свою очередь, прости за каламбур, скончался на операционном столе?

– Надеюсь. Испытания на человеке пока прошли успешно. Лилия Дюрона испытывала сама, если стесняешься спросить.

Теперь настал черед удивляться Майлзу.

– Что ж, если Лилия решила испытать на себе, то, считай, я потрясен.

Улыбка Марка слегка поблекла.

– У Лилии больше нет времени ждать.

Майлз побарабанил пальцами по шву на брюках.

– Раз уж речь зашла о тех, у кого нет времени ждать. А не попробовать ли испытать препарат на одном пожилом мужчине?..

Майлз и Марк обменялись такими похожими взглядами...

– Думаешь, его можно уговорить?

– Гм... Я-то точно не смогу. А вот мать могла бы и попробовать. Бетанка... Сам знаешь, что угодно во имя науки.

– Это еще один повод для меня поскорее приступить к испытаниям на человеке.

– Может, тебе удастся убедить его тем, что это рискованно. Может, знаешь ли, включатся старые рефлексy фора – служение империи и все такое прочее.

– Это уж что-то совсем странное.

Майлз пожал плечами:

– Это наш отец, граф Форкосиган. – И добавил: – А что дальше? Если провернешь свою сделку, наверное, вы с Карин будете проводить много времени на Кибо?

Марк покачал головой.

– Как только все наладится и заработает, оставлю все на попечение Ворону. В прошлый раз он получил повышение. Пока наш метод – не серьезная конкуренция пересадке мозга клону, как я, признаюсь, надеялся. Однако мы только в начале пути. – И Марк осторожно улыбнулся. – С другой стороны, если дело окажется прибыльным, я, пожалуй, соберу собственную армию космических наемников и ударю по джексопианским производителям клонов.

Майлз поморщился:

– А помнишь, что случилось, когда ты в последний раз пробовал это сделать?

– Отлично помню! А ты?

– Смутно, – сухо ответил Майлз.

Теперь поморщился Марк:

– Если уж все-таки надумаешь затеять нечто подобное, имей в виду: адмирал Куинн, несомненно, с работой справится, но я рекомендую тебе подыскать другое подразделение.

Он сказал так, на всякий случай. Марк редко шутил на эту тему.

– Что собираешься делать дальше? В каком отеле вы остановились?

– Мы приехали сюда сразу из космопорта. И уже назначили встречу с Фувой.

– Разве они здесь работают в такой час?

Марк пожал плечами:

– У меня свой график.

– Можно поприсутствовать?

– Присутствовать – да, повстревать – нет.

– Гм... – начал было Майлз. Тут вернулись Джин, Роик и Карин, и ему не удалось выпросить для себя исключительных условий. Джин бежал вприпрыжку от радости, однако приостановился и привычно-изумленно уставился на стоящих нос к носу Майлза и его брата-клона. Майлз в очередной раз погоревал о том, что Марк додумался стать не похожим на брата именно таким способом – набрав вес. Однако недовольство брата-прародителя оказалось лишь к вящей радости Марка. Непростой он человек, Марк...

– Хочу показать моего сфинкса маме и Мине! – радовался Джин.

– Смотри, не вздумай втащить это существо в ее палату! – встревожился Ворон.

– Да знаю я! – ответил Джин. – Я ведь могу показать ее через стекло. А можно Роиксан принесет мои вещи?

Роик заглянул в пустую каморку, едва уловимо и выразительно покачал головой – все-таки телохранитель на службе! Форлинкин уловил этот взгляд и добродушно предложил:

– Я помогу тебе, Джин.

Ворон счел благоразумным пока исчезнуть с глаз Майлза.

– Я тогда тоже пойду.

– Вообще-то, я тоже с вами. Надо поговорить с Либером.

Тут вернулся Тенбери, чтобы продолжить прерванный осмотр. Марк едва заметно шевельнул бровью, Карин улыбнулась на прощание, и все трое отправились к выходу. Майлз шел за Форлинкином, тот – следом за Джином нес клетку сфинкса. Затхлые тени подземной парковки оглашались воплями: «Во-о-он! До-о-ом!»

Правильно. Вон отсюда. Домой. Ты да я, сфинкс, мы оба.

* * *

Мама отреагировала на сфинкса к Джиновой досаде, но не к удивлению. Отношение было знакомым, а потому успокаивало.

– Джин, только не это! – Она прикрыла рот ладонью. – Где ты будешь его держать?

Нефертити принялась сердито вертеться, зажатая под локтем Джина, когда он попытался взгромоздить ее себе на бедро, чтобы мама могла разглядеть. Бедняга даже крыльями захлопала, однако Джина, тренированного общением с куда более резвым Вихрем, это ничуть не смутило.

– Я с ней прекрасно справлюсь! Разве с остальными я не справляюсь? А с ней – целая книжка с инструкцией, так что ничего такого и случиться не может.

Мама, сидя на койке за стеклом, потеряла лоб ладонью.

– Сейчас дело совсем не в этом, милый мой Джин.

Мина, которая провела весь день, зарывшись в изножье кровати, привстала, с интересом разглядывая сфинкса.

– Какая же она огромная! Больше, чем Лаки и Вихрь вместе. И даже вроде выглядит, как Лаки и Вихрь вместе. Мамоchка, мамочка, ну пусть она будет наша!

Девочка змейкой скользнула с кровати и вылетела из палаты, подгоняемая дуновением давления из входного клапана.

– Это Тенбери настроил интерком? – Джин только теперь понял, что в комнате что-то изменилось. – Когда он заходил?

– Нет, это консул Форлинкин, – ответила Мина, наклоняясь к самому лицу сфинкса и заглядывая в немигающие глаза. – Забавная мордочка...

– Да? А как?

– Нашел выключатель, – ответил Форлинкин, прислонившись плечом к стеклянной стене и зачарованно наблюдая за всем происходящим.

Ворон-сенсей наклонился, стянул с Мины маску и сунул ее в стерилизатор – чтобы можно было использовать опять.

Нефертити растопырила лапы и заурчала. Джин поставил ее на пол, и сфинкс захлопал крыльями, словно какой-нибудь цыпленок.

– А она летает? – спросила Мина, протягивая руку, чтоб сфинкс ее обнюхал.

– Вряд ли, – ответил Джин, – крылья у нее как у Вихря, но она гораздо тяжелее.

– Как правило, заказные генетические конструкторы – это нефункциональные украшения, – пояснил Ворон-сенсей, – хотя все, конечно же, зависит от заказчика.

Мина нахмурилась:

– По-моему, это гадко – дать ей крылья, на которых она не сможет летать.

Джин сел на корточки и почесал животное за лопатками, между крыльев. Те послушно сложились, открывая спину для ласки. Ни вылизывать себя, как кошка, ни чистить клювом перья она, конечно, не могла. Поэтому у Джина появилась масса интересных занятий – судя по книжке с инструкциями.

– Интересно, у них детки рождаются живьем или вылупляются из яиц? По одному или целым выводком? Интересно, не осталось ли у них там еще и самца? Эх, вот бы найти ей мальчика!..

– Скорее всего, самцов не сделали, – Ворон-сенсей размышлял вслух. – Полагаю, все сфинксы традиционно – самки. К тому же в патентованные конструкторы, как правило, не закладывают способность к размножению. Скорее придется ее клонировать и выращивать деток вручную.

У Джина тут же разыгралось воображение. Домашнее клонирование небольших животных – не такое уж и сложное занятие. Нужно только соответствующее оборудование, из зоомагазина или подержанное, от любителя, который купил новое или завязал с таким увлечением. В уличном рейде на помойке такое вряд ли найдешь, но должно же где-то быть подержанное и недорогое.

– До-о-ом! – жалобно сообщил сфинкс.

– Она разговаривает, – взвизгнула Мина, и ее личико засияло в восхищенной улыбке.

– Если верить инструкции, в них закладывают около двух десятков слов, – сказал Джин. – Не знаю, можно ли обучить ее другим словам, как попугая.

– Можно *попробовать*...

Мама что-то говорила из-за стеклянной перегородки, наверное, как и положено маме, была против животного. Но Джин вовсе не отчаялся – не впервой, он через это уже проходил! Правда, на этот раз мама сказала:

– Джин, нам ведь и взять ее сейчас некуда, у нас и дома нет. О боже! До меня только что дошло! Что случилось с нашей квартирой, с моими вещами? Ведь там полтора года никто не жил, а значит, и за квартиру не платил. А мой банковский счет? Куда делись деньги, когда меня заморозили? Теперь у меня ни работы, ни денег, ни жилья...

– Кое-какие твои вещи тетушка Лорна хранит в коробках на чердаке, я сама видела, – встряла Мина. – И мои с Джином вещи она туда положила. А вот большую кровать она продала, и кухонный стол тоже, и еще кое-что, в основном большое. Она сказала, нам все это ставить некуда.

Когда консул Форлинкин заговорил, обращаясь к ней через стеклянную перегородку палаты, все поняли, что он серьезен:

– Все это – трудности, которые мы решим, госпожа Сато. Ни одна из них не требует немедленного внимания, все вполне можно преодолевать постепенно. Вы – свидетель по делу, которое расследует Лорд-Аудитор, свидетель под защитой, – *более или менее под защитой*, – поэтому консульство оплатит все ваши непосредственные расходы.

– А наш комитет? Мои друзья? Что случилось со всеми? Ну, кроме тех, кого уничтожил или заточил «Новый Египет»? А вдруг они...

Она осеклась.

– Для вас главная задача сейчас – собственное здоровье. – Ворон-сенсей прервал их разговор, беспокоившись тем, что пациент так разнервничался. – Через две-четыре недели восстановится психическая сопротивляемость. Только недели, а не два-четыре дня! Для этого нужно время.

– Времени мне всегда не хватало, – она прижала ладони к вискам, – а тут еще это жуткое создание!..

Форлинкин откашлялся:

– Боюсь, Лорд-Аудитор не отдавал себе отчета в том, что делает, когда принял такой подарок. Тем не менее пока ее вполне можно держать на заднем дворе консульства, вместе с другим зверьем Джина. Вреда от них никакого. Да и пейзаж оживляют. Места у нас много, а никак не используется.

Она вздохнула, сложила руки на груди и усмехнулась, успокоив заволновавшегося было Джина:

– Наверное, она просто кажется такой громадной, потому что так близко...

Однако мать искала глазами глаза детей, а не сфинкса.

Поскольку возвращаться сегодня в консульство никто не собирался, Форлинкин дал Джину поговорить по наручному комму с Йоханнесом. Мальчик объяснил лейтенанту в деталях, что делать со зверинцем до завтрашнего возвращения Джина. Йоханнес не рискнул отне-

стись несерьезно к внезапно навалившимся на него дополнительным обязанностям. Так что пока все шло хорошо.

Как только Майлз-сан и Роик появились, они тут же увели Либер-сенсея в другую комнату – поговорить. Вернулись не скоро. Ко всеобщему удивлению, они катили перед собой целый воз обедов в коробках из «Кафе Аяко». Майлз-сан пояснил, что вся эта роскошь объявилась у них благодаря мисс Карин, которая где-то раздобыла полуфабрикаты, узнала, как доставить все к Сьюз, да еще и оплатила заказ.

Дело кончилось общим «пикником» в послеоперационной. Ворон-сенсей даже отнес коробку с едой госпоже Сато. После медосмотра она раздвинула шторы, и получился почти семейный обед. Джину показалось, что после еды мама стала даже лучше выглядеть – не так утомленно, когда сидела на подушках. Даже щеки порозовели. Хотя, вообще-то, карри от Аяко кого угодно на ноги поставит.

Забавно было наблюдать, как здоровяк Роик уселся на пол, скрестив ноги, а Мина обучает его есть палочками. Майлз-сан управлялся своими вполне неплохо для чужеземца. Он объявил всем, что тренировался на корабле по дороге на Кибо, да и вообще раньше, бывало, ел палочками. А уж когда он случайно проговорился, что дважды побывал на Древней Земле, Мина потребовала рассказать. В основном Майлз-сан почему-то рассказывал о второй поездке на Землю, о жене и о садах, о множестве разных садов. О первой поездке он сказал только, что ездил по делам, и что все время пробыл в одном городе, и что тогда впервые познакомился с братом. В последнее Джин никак не мог поверить. От консула Форлинкина пользы не было – он держал рот на замке, сидел с задумчивым лицом и вопросов не задавал, а Майлз-сан ничего пояснять не стал.

То и дело сверяясь с инструкцией, Джин кормил Нефертити вкусеньким. Сфинкс, похоже, мог есть кое-какую еду с общего стола, правда, не все, во всяком случае не без плачевных пищеварительных проблем. К несчастью, Ако пришла как раз тогда, когда сфинкс занялся делом в самом темном углу. Вообще-то, Джин сам был виноват, потому как не заметил, что его подопечная мечется из угла в угол в поисках отхожего места и завывает: «Ка-а-а! Пи-и-ись!» Ако рассердилась, и Джину пришлось все убрать. С этим он спорить не стал, однако потом Ако потребовала выгнать Нефертити на ночь из помещения. Ворон-сенсей решил не уделять внимания этому инциденту и остался в стороне от споров. Джин в конце концов пообещал увести Нефертити на ночевку на крышу. И Мина, естественно, сразу же пожелала осмотреть это знаменательное место.

Майлз-сан с Роиком к этому времени уже удалились на переговоры с лордом Марком и Сьюз-сан. Консул Форлинкин, посмотрев на обеспокоенную мать Джина, вызвался помочь с клеткой для сфинкса и обустройством ночлега. Госпожа Сато благодарно улыбнулась ему в ответ, так что Джин опять успокоился.

Шагая друг за другом по лестнице в конце коридора, они столкнулись с Бхавия, подружкой Ако. Та поднималась по лестнице, спеша и задыхаясь.

– Джин, ты не встречал Ако? Она очень нужна Танаке-сан в комнате неотложной крио-подготовки. Какая-то старушка свалилась прямо в столовой. Говорят, потеряла сознание и свалилась.

– Она в послеоперационной, с мамой. – Джин указал рукой вверх по лестнице. – Ворон-сенсей там же.

Бхавия кивнула и побежала дальше не оборачиваясь, лишь махнув рукой в знак благодарности.

Форлинкин повернулся ей вслед:

– Может, нам лучше пойти и помочь ей?

Джин покачал головой:

– Не стоит, здесь такое постоянно происходит. Ну, может, не постоянно, а где-то раз в неделю точно. Танака-сан всегда знает, что делать.

Форлинкин с сомнением на лице последовал за Джином.

– Ну и коридоры здесь! Того и гляди, заблудишься, – заметил он.

– Угу, все подземные тоннели ведут к зданиям на поверхности и идут под улицами. Некоторые опускаются на четыре уровня, а некоторые – аж на пять или шесть. Вообще, приходится запоминать, куда идешь.

Джин без труда отыскал знакомый путь, не потерялся он, даже когда все вышли из освещенной зоны коридора. Форлинкин достал из кармана фонарик и посветил на ступеньки. Мина, до сих пор шедшая самостоятельно, в сгущающихся тенях благоразумно ухватила за широкий рукав его одежды. Они преодолели пять лестничных пролетов и выбрались наконец из люка башни теплообменника к Джину на крышу. Форлинкин не очень-то и сильно запыхался – для взрослого, во всяком случае, – несмотря на корзину со сфинксом.

В послеоперационной, где не было окон, Джин потерял счет времени. А ведь, похоже, стало достаточно поздно. На воздухе было зябко и сыро, рассеянные отражения уличных фонарей заливали все вокруг непривычным темно-янтарным оттенком. Городской шум стих, как стихает он обычно не раньше полуночи. За углом, за башней, Джин обнаружил свой натянутый навес, пока еще не пострадавший от непогоды. Его бывшее убежище ждало, заваленное разнообразным хламом, оставленным после вчерашнего переезда, – вещами, не потребовавшимися его зверью, либо слишком громоздкими для флаера, либо слишком уж поистрепавшимися. Фонарик он снял еще вчера, упаковал и забрал в консульство, где тот и отдыхал теперь без всякой пользы. Но Форлинкин – настоящий друг! – светил своим, пока Джин рассказывал Мине о прежнем житье-бытье на крыше, а сестра издавала то восхищенные, то завистливые звуки.

Выбравшись из корзины, Нефертити неспешно обустраивалась на новом месте. Присев на напряженных лапах и осторожно озираясь, кошка отправилась на разведку. Джин шел вслед, повествуя о горестной судьбе цыплят, так и не научившихся летать.

– Вот не знаю: если она вдруг перелезет через парапет, то просто шлепнется вниз или спорхнет на крыльях, как цыплята постарше? Или вообще улетит? – Под золотистым мехом сфинкса чувствовались крепкие мышцы, но Джин все равно волновался. – Может, лучше ее за ногу привязать, как Майлз-сана?

– А-а? – только и выговорил Форлинкин, поэтому Джин рассказал ему о мерах предосторожности, которые они предприняли в первую ночь.

В ответ Форлинкин выдал лишь очередное «А-а!» и прикусил губу. Но по морщинкам, мелькнувшим в уголках глаз, Джин понял, что он, кажется, не рассердился.

Джиново лежбище, собранное из всевозможных обрывков, все еще ждало у стены. Если остаться ночевать здесь, то сфинкс будет под надзором. Будет ли мама скучать по нему? У нее ведь будет Мина... А может, Мина захочет остаться здесь?

Джин вытянулся на цыпочках, приготовившись схватить Нефертити. Та выгнулась во весь рост, поставила передние лапы на парапет и посмотрела вниз, но тут же отпрянула, явно не выказывая желания расшибиться насмерть, свалившись с крыши. Она посетила Джинов галльон, надлежащим образом его использовав – Джин рассказал Форлинкину о своей «ведерной» системе слива. А еще мальчик похвалил Нефертити, что было совершенно необходимо после трагедии, разыгравшейся в послеоперационной палате. По виду египетской кошки нельзя было понять, поверила она его лести или нет. Нефертити потянулась, захлопав крыльями, и сложила их, разглядывая через край противоположного парапета узкую парковку за старым комплексом.

И вдруг замерла, заурчала, в хищном напряжении разглядывая что-то сверху, – так Лаки в дни своей юности реагировала на крыс. Шерсть встала дыбом на холке вдоль спины, крылья простерлись и затрепетали со злобным шуршанием, хвост с кисточкой ударил плетью.

– Врра-а-аг! – взвыла она. – Врра-а-аг!

– Что?! – взволнованный Форлинкин подошел к парапету и перегнулся, вглядываясь во тьму.

Джин встал рядом.

Мине не очень-то хотелось смотреть с такой высоты, поэтому, с безопасного удаления в несколько шагов, она поинтересовалась:

– Что она там увидела?

Трудно сказать, что сфинкс разглядел своим ночным зрением. Джин разглядел фургон, припаркованный на темном краю стоянки, и мужчин внизу, одетых в темное. Один из них взмахнул каким-то здоровенным молотом или битой, послышалось три или четыре глухих удара и звук вылетевшего из рамы окна на первом этаже. Окно упало внутрь – судя по приглушенному звуку, скорее всего, на ковровое покрытие.

– Кто-то пытается к нам вломиться, – шепнул он через плечо Мине, которая, услышав такие новости, преодолела страх и подошла посмотреть.

– Может, грабители? – шепнула она.

– Да что здесь можно украсть? Все оборудование в комплексе давным-давно разобрали, все, что оставалось внутри, либо было никому не нужно, либо оказалось слишком громоздким.

Двое достали из фургона нечто вроде бочонка, что-то там покрутили, перевалили через окно, и оно покатилося, упав. Незнакомый резкий запах сочился в ночной мгле. Форлинкин отшатнулся и выругался.

– Это не грабители, – прошипел он сквозь зубы, – это поджигатели.

Он схватил Мину за руку, озираясь, словно в поисках меча, глазами молнии.

Там, внизу, один из поджигателей швырнул что-то в здание, и они все бросились к фургону. Водитель, видимо, уже ждал – двери еще не успели захлопнуться, а машина рванула со стоянки, мимо разорванной цепной ограды, расшвыривая гальку в стороны.

Ярко полыхнуло оранжевым, здание содрогнулось у Джина под ногами, раскатистое «бум» рвануло через парковку и разбилось бормочущим громом о стену здания напротив. Выбитое окно изрыгнуло густой клубок пламени, двухметровые языки принялись лизать стену.

– Пожа-а-апп! – взвыл сфинкс. Кошачья шерсть стояла дыбом, глаза сверкали позолоченными блюдцами. – Пожа-а-апп! Врра-а-аг! Пожа-а-апп!

– Надо немедленно отсюда выбираться! – крикнул Форлинкин. Мина взвизгнула – рука консула сильно сдавила ее маленькую ручку. Форлинкин бросился к башне теплообменника. – Какая лестница дальше от пожара?

– Не туда! – ответил Джин. – На той стороне – пожарная лестница в переулок.

Форлинкин кивнул и помчался. Мина болталась у него на руке. Джин схватил Нефертити и рванул за ними следом. Сфинкс боролся и шипел у него в руках. Хватит ли времени сунуть Нефертити обратно в корзину? Вряд ли. Форлинкин уже добрался до противоположной стены и нашел стальные скобы лестницы.

– Мне нужно пойти первым, чтобы опустить лестницу вниз! – крикнул ему Джин.

– Мина за тобой, – ответил Форлинкин.

– Я не достану до ступенек! – расхныкалась Мина.

– Я тебя опущу, а там уже уцепишься! – пообещал Форлинкин. – Давай, Джин!

– А кто возьмет Нефертити?

Форлинкин едва удержался от того, чтобы ругнуться, и лишь бросил в ответ:

– Я!

Джин поставил Нефертити на крышу, надеясь, что та не убежит, перемахнул через парапет и скатился по лестнице. Так быстро он в жизни не спускался! Щелкнув замком, топнул по стремянке, молясь, чтобы та не застряла или не повисла на полпути. Лестница загрохотала и развернулась во всю длину.

– Давайте! – крикнул он наверх, в темноту.

Энергично брыкающаяся нога Мины появилась у него над головой, затем девочка нащупала опору и, лишь разок испуганно пискнув, отправилась вниз. Для ее маленьких ножек перекладыны были разнесены далековато одна от другой. Джин услышал, как Форлинкин выругался где-то там, наверху, затем раздался топот его обуви и вопли сфинкса: «Пожа-а-апп! Врра-а-аг! Пожа-а-апп!», а затем бедняга просто запуталась в словах, потому что неожиданно мяукнула: «Жрра-а-ать!»

Послышался удаляющийся вопль боли Форлинкина, и опять он выругался. Джин спрыгнул и вытянул руки вверх, чтобы поймать Мину, чьи туфельки болтались в воздухе – ступеньки под ногами закончились.

– Не бойся! Отпусти руки, и все!

Она спрыгнула на брата, повалив его на землю. Оба покатались, затем вскочили на ноги и уставились вверх. Вот тут-то Джин и узнал, как летают сфинксы. Нефертити проплыла над парашютом, яростно хлопая крыльями, и опустилась на землю. Она не рухнула и не парила, просто приземлилась на четыре точки, как и положено кошке. Достаточно жестко – даже рывкнула, ударившись брюшком, – однако ничего не сломала. Форлинкин перевесился через край. Он пролетел последнюю пару метров, спружинив в коленях, как и сфинкс, споткнулся, но не упал. Кровь текла по лицу из глубокого тройного пореза под левым глазом.

– Джин, – твердым, резким и не терпящим возражения голосом сказал Форлинкин, – отведи Мину к маме и делай все, что скажет доктор Дюрона. Если пожар продолжит распространяться, возможно, придется эвакуировать всех в комплексе.

Он поднял запястье с коммом к губам и четко произнес несколько команд.

Джин наклонился, чтобы взять Нефертити на руки, но та упорхнула из его рук, шумно возмущаясь.

– Да брось ты эту проклятую тварь! – рывкнул Форлинкин у него над плечом, уже несясь по переулку со всех ног. – Немедленно убегайте, вы оба!

Глава восемнадцатая

Тед Фува, нынешний владелец комплекса зданий, который занимала Сьюз, оказался примерно таким, каким Майлз его себе и представлял: неопрятным здоровяком под пятьдесят, который выглядел бы гораздо более к месту на стройплощадке, чем в зале совещаний. Даже такого необычного совещания, как в полночь у Сьюз.

Неожиданностью для Майлза оказалась адвокат консульства – проворная, собранная, миниатюрная женщина с копной жестких с проседью волос. Ростом она была едва выше Майлза. Майлз не удивился, узнав, что именно Карин вытащила адвоката на эти переговоры. Госпожа Ся смотрела на него в ответ с, по меньшей мере, скрытым интересом. Еще бы! Она сразу поняла, кто был источником невероятного потока вопросов, касающихся законодательства. Ох и пришлось ей покорпеть в последнюю неделю или около того! Раньше респектабельный клиент – посольство – казался ей весьма скучным. Майлзу подумалось, что сегодня она наконец-то удовлетворит свой интерес и получит все ответы разом.

Майлзу очень не хватало Форлинкина, которого попросили остаться с детьми и госпожой Сато, да и Сьюз неловко чувствовала себя без Танаки, которой пришлось срочно заняться пациенткой. Поэтому, как ни считай, стороны оказались уравновешены. Сьюз и Тенбери против Марка и Карин. Майлз, единственный участник совещания, которому никакие законы не были писаны, и Роик, его безмолвный помощник. Адвокат, со своими комментариями и вопросами, от которых все надолго задумывались. И Фува – один против всех. Правда, Майлзу его отчего-то не было жалко.

Госпожа Сьюз скрестила руки на груди и тяжело посмотрела на Марка.

– Я пока так и не получила никаких гарантий по поводу будущего малоимущих клиентов.

– Я не занимаюсь благотворительностью, – нагло ответил Марк.

– А я занимаюсь! – выпалила Сьюз.

– Это так, однако надолго ли вас хватит? Рано или поздно, причем, я бы сказал, весьма скоро, вам также придется отправиться вниз. Да и в любом случае, вы не сможете здесь больше ничем управлять. Тенбери и Танака продержатся некоторое время, а что потом?

– Этого-то «потом» я и дожидался, – вставил Фува скорбным голосом.

Сьюз бросила на него презрительный взгляд и выпрямилась в кресле, словно желая продемонстрировать, что им всем придется подождать. Майлза это не убедило: по бледной, дряблой коже Сьюз было ясно, что это начало конца. Вряд ли кто смог бы сказать по ее внешности, что Сьюз пышет здоровьем – даже сейчас, разозленная и беспокойная.

– Если Группа Дюрона не вмешается, – нажимал Марк, – ваше заведение ждет неизбежный финал. Оно отойдет муниципалитету, или префектуре, или Фуве. В любом случае, прием клиентов прекратится. Жизни одного человека не хватит, чтобы довести это предприятие до конца.

– Хотя есть путь изменить такое положение в будущем.

– Или криостаз устареет как технология продления жизни, и весь этот демографический кошмар, в который жители Кибо ввергли себя, исчезнет сам собой.

– Вот это уж вряд ли, – задумчиво сказал Майлз. – Если люди станут ложиться в криокамеру в восемьсот лет, а не в восемьдесят, ничего не изменится, только придется передвинуть планку. Правда, трудно сказать, чего человек захочет в восемьсот... В двадцать я не мог представить себя почти сорокалетним. Сейчас не могу поверить, что мне будет восемьдесят.

Сьюз фыркнула.

Марк лишь пожал плечами:

– Это уж они пусть сами решают, сколько бы ни прошло лет или столетий. Полагаю, и тогда смерть не будет стоить дорого, останется доступной всем и не потребует высоких технологий.

– В начальный, переходный период, – Карин вернула всех от полета фантазии к практической реальности, – лечение будет бесплатным, если пациент согласен подписать договор об участии в эксперименте и юридически оформит разрешение на лечение. И все новоприбывшие будут заключать индивидуальные договоры. – Здесь Карин имела в виду, что от Сьюз и компании не потребуется никакого согласия. – Полагаю, Группа Дюрона предпочтет начать со здоровых, не замороженных пациентов, прежде чем приняться за более сложные случаи, связанные с травмой и выводом из криостазиса. Хотя потребуется собрать базу данных и по таким случаям.

Сьюз что-то проворчала, Тенбери поскреб в бороде.

Карин некоторое время разглядывала собственные ногти, затем подняла глаза и улыбнулась. Майлз не успел заметить, обратил ли кто-нибудь внимание на жест Марка: два пальца вперед, а затем круговым движением себе на живот. Ох уж эта парочка! Они довели умение играть в «хорошего и плохого полицейского» до совершенства. Майлз просто не мог не восхититься. Только наивный и сторонний наблюдатель мог бы заключить, что Марку досталась роль лишь плохого полицейского, а Карин – только хорошего. И Карин продолжила ангельским голоском:

– Если все пойдет как надо, Группе Дюрона потребуется много персонала, который мы планируем нанимать среди местных жителей. Например, если вы, госпожа Сузуки, поможете нам с первой группой клиентов и эксперимент пройдет удачно, для вас откроется возможность занять должность директора по связям с общественностью, и тогда вы сможете заниматься вашей же работой на постоянной основе, управлять процессом прямо отсюда. Все это весьма сложно и потребует больше времени для решения, чем одно ночное совещание. Однако не настолько сложно, чтобы мы не смогли решить этих проблем вовсе.

– Хотите купить меня должностью? Как будто я раньше не видала, к чему это приводит!

– Как вы поступите, зависит целиком и полностью от вас. – По тону Марка было ясно, что ему на это, в общем-то, плевать. – Но через три года, когда камеры под землей опустеют, ситуация может кардинально измениться. Должность может дать вам реальные рычаги управления и возможность принимать решения.

Нет, не этого Сьюз хотела от жизни. Майлз прямо-таки почувствовал, как ее воображение скрипит от напряжения, от тягот грядущих перемен. Словно закрытые ворота, прихваченные ржавчиной. Однако...

В ответ Сьюз лишь проворчала:

– А как насчет всех остальных?

– Тенбери может считать себя нашим сотрудником хоть сегодня, – с готовностью включился Марк. – Нам в первую очередь потребуется главный инженер. Здесь много что потребуется перестроить, причем значительно, начиная с лаборатории и далее. Нам, возможно, – он бросил взгляд на Фуву, – потребуется местный строительный подрядчик. Танака тоже будет при деле, Ворон за нее. Возможную занятость остальных будем рассматривать в индивидуальном порядке. Я требую от сотрудников профессиональной пригодности. Аттестацию можно организовать.

Сьюз подозрительно хмурилась, Тенбери удивленно шевелил косматыми бровями.

Адвокат, госпожа Ся, уместно проинформировала собравшихся:

– С юридической точки зрения госпожа Сузуки по умолчанию является распорядителем воли замороженных в данном учреждении пациентов и может подписывать документы за всех, кто поступил сюда в период, пока она является ответственным лицом. Полагаю, этот факт можно представить в таком виде в муниципальный арбитраж, так как городу совершенно точно не интересно брать на себя обязательства по уходу за несколькими тысячами криопациентов.

– Даже несмотря на то, что в таком случае город будет распоряжаться их голосами? – поинтересовался Майлз. – Мне-то казалось, при помощи такого количества избирателей можно оказывать влияние на результаты выборов в городе, если не на уровне префектуры или всей планеты.

– Полагаю, мы можем с уверенностью сказать, – *или с большой долей вероятности предположить*, – что перспектива дорогостоящих судебных тяжб по этому делу вряд ли сможет порадовать арбитражный суд. – Адвокат едва заметно улыбнулась. – Если только разобшенность мнений среди участников процесса не вынудит арбитраж передать дело в суд. Результат при таком обороте дела я гарантировать не могу, так как в этом случае предмет спора приобретет характер общественной огласки и политизированности. А я считаю своей основной работой оберегать клиентов от суда.

– Огласка и политизация – это методы работы группы госпожи Сато или чего-то в этом роде, – заметил Майлз. – Жаль, что мы не додумались вовремя выкрасть двух других членов ее комитета. Сейчас бы они были с нами.

Он не стал говорить, что эта затея потребовала бы дополнительного времени и могла пройти вовсе не так гладко.

– Сохранение тайны клиентов содержит некоторые ограничения, лорд Форкосиган, – предупредила его Ся.

Что ж, весьма любезное предупреждение, подумал он.

– Как насчет дипломатического иммунитета?

– У вас он есть, а у меня – нет. Но, по ходу дела, если против «Нового Египта» будут выдвинуты уголовные обвинения, у нас могут появиться вполне законные основания для того, чтобы освободить господина Канга и госпожу Хослу. Для начала можно вызвать их в качестве свидетелей.

Майлз одобрительно склонил голову.

– Если, правда, «Новый Египет» не уничтожит их, замечая следы.

– Этот вопрос следует хорошо продумать, выбирая стратегию борьбы.

Марк вмешался:

– Карин, отметьте себе, что госпожа Ся работает у нас с выплатой причитающегося гонорара.

Госпожа Ся осторожно улыбнулась.

– Вообще-то, мой рабочий день полностью загружен. Я смогла прийти сюда только потому, что мы встречаемся в нерабочее время.

– Вы партнер или сотрудник в своей компании?

– Я? Я – одна из трех замов по вопросам галактического бизнеса юридического отдела нашей фирмы. Мы работаем под началом партнера компании.

– Группе Дюрона потребуется сотрудник-юрист на постоянной основе... – пробормотала Карин. – Вероятно, нам надо обсудить вопрос заработной платы... чуть позже.

Ся отмахнулась, давая понять, что этот вопрос можно решить потом.

– В любом случае, госпожа Сузуки, вам надо задуматься о наиболее благоприятной долгосрочной перспективе ваших клиентов. В данный момент вы обслуживаете интересы ограниченной группы граждан. Предлагаемая вам технология в перспективе может помочь всей планете. И если...

Где-то снаружи раскатисто грохнуло, так что окна затряслись. Роик вскочил и уставился в ночную тьму.

– Какого дьявола...

– Где-то совсем рядом, – поежилась госпожа Ся.

– Это что, у нас? – спросила Сьюз. – Тенбери...

– Может, это у соседа? На заводе по производству пластика? – Фува присоединился к Роику у окна. – Хотя ума не приложу, что им надо делать на заводе в такой час. Или с улицы?.. Может, столкновение?

При существующей муниципальной системе управления транспортом вероятность столкновения исчезающее мала, подумал Майлз.

– Трудно сказать, откуда этот звук, – Тенбери также вытянул шею.

– Поднимись и посмотри на крыше, – распорядилась госпожа Сьюз.

Тенбери уже почти вышел за дверь, как вдруг комм Майлза звякнул – сигнал пришел по защищенному чрезвычайному каналу.

Форлинкин. Значит, плохо дело.

Майлз вскочил в мгновение ока.

– Форкосиган слушает.

– Лорд-Аудитор, – было слышно, что Форлинкин в движении, – только что группа поджигателей – я насчитал четверых – забросила зажигательный заряд в окно первого этажа здания теплообменника. Полагаю, был использован астерзин – во всяком случае, композитное жидкое зажигательное вещество.

– Вызовите местных пожарных!

– Уже вызвал, сэр. – В голосе Форлинкина вновь послышались военные нотки, как мимоходом отметил Майлз. – Я также вызвал полицию, они должны появиться здесь с минуты на минуту.

– Молодец.

– В данный момент проверяю, не осталось ли кого из нападавших. Пока не обнаружил. Практически уверен, что в самом здании теплообменника никого нет. Не могу ручаться за подвальные помещения.

– Держите связь со мной по этому каналу.

– Так точно, сэр.

Майлз обернулся и заметил, что все смотрят на Фува, а тот в ужасе смотрит на всех.

– Да это не я! – взвыл бизнесмен. – Сейчас-то мне зачем это может понадобиться? Теперь, когда я почти избавился от этого кошмара!

– Мой теплообменник! – завопил Тенбери, вновь бросившись к дверям. – Если они доберутся до подвала, все разморозятся!

– *Мой теплообменник!* – завопил Фува. – *Мое предприятие!*

– Тенбери, – госпожа Сьюз для верности дернула смотрителя за руку, – всем, кого увидишь, скажи выбираться из здания. Сбор на площадке перед приемным покоем. Я разбужу и предупрежу всех на этом этаже.

Фронтон приемного покоя находился на противоположной от начавшегося пожара стороне комплекса из четырех зданий. Перед мысленным взором Майлза вспыхнул, если можно так выразиться в сложившейся обстановке, план эвакуации здания. Значит, центр поджога – в точке, максимально удаленной от приемного покоя и людей в нем. Все это сильно пахло диверсией.

– Бежим за Форлинкином? – спросил Роик. Он трясся, как хорошая скаковая лошадь перед забегом.

– Нет, за Либером. Если сейчас и произойдет что интересное, оно случится рядом с Либером.

Глаза Роика превратились в блюдца, когда он понял, что это значит, Майлзу не пришлось разжевывать ему эту мысль.

– Ага.

– Сьюз, мы идем в приемный покой и предупредим там всех, – сообщил Майлз.

Госпожа Сьюз, задыхаясь и хватаясь рукой за сердце, кивнула.

– Я знаю, что Вристи Танака на втором этаже. Наверное, она только что начала операцию по криоподготовке.

– Мы предупредим и ее, и всех наших.

Она благодарно махнула волонтерам и поспешила своей дорогой. Госпожа Ся сопровождала ее, задавая по дороге прозорливые вопросы о том, где еще могут находиться местные жители в такой час. Тенбери неся впереди. Майлз и Роик выскочили следом, свернув в противоположную сторону у ближайшей лестницы.

За дверями офиса Майлз заметил краем глаза Марка и Карин – они зажали в угол Фуву, притормозив его локтями, не выпуская и тем самым серьезно удивив здоровяка. Вдвоем они чуть не сбили его с ног.

– Фува-сан, – приступил Марк деловитым голосом, – может, обсудим продажу в, так сказать, пожарном порядке?

* * *

Пошатываясь и отдуваясь под весом Нефертити, Джин преодолел последний лестничный пролет. Еще в переулке возле башни теплообменника, за углом которого исчез Форлинкин, она шарахнулась от мальчика без видимой причины и чуть было не сбежала – лишь случайно Джину повезло ее поймать. Вернее, это сначала показалось, что повезло. Теперь мальчик был уверен, что сфинкс весил минимум в два раза больше. Кошка беспрестанно урчала, оставляя на его одежде шерсть и перья, однако даже не попыталась оцарапать.

– Открой дверь! – выдохнул Джин.

Мина согласно кивнула и распахнула ее. С этой стороны двери было написано: «Пожарный выход – не блокировать!» Что это значило? Что дверь остановит пожар? Остается надеяться, что им не придется узнать.

Нефертити продолжала извиваться и в конце концов выскользнула из рук Джина, как раз когда они вошли из коридора в послеоперационную. Джин обрадовался, что животное вырвалось не снаружи, а здесь, где деваться особо было некуда. Либер-сенсей сидел, понурившись, на стареньком складном стульчике. Он резко подпрыгнул, когда дети вошли.

– Я думал, вас отправили избавиться от этой гадости.

Он смотрел на сфинкса с нескрываемым недовольством.

Мама выпрямилась и села на кровати.

– Джин? Мина? Что происходит?

– На нас напали ниндзя, мамочка! – объявила Мина. – Мы их видели! Они подожгли дом Джина!

– *Что?*

– И никакие это были не ниндзя, – нетерпеливо перебил брат, – просто идиоты в черном.

– Это как-то связано с хлопком, который мы слышали за стеной несколько минут назад? – спросила мама.

Джин кивнул.

– Мы были рядом, там было еще громче! Консул Форлинкин говорит, это зажигательная жидкость.

Мама ахнула:

– Вы были рядом?

– На крыше, прямо над пожаром, – ответила Мина. – Какой там был черно-рыжий огненный шар!

Либер-сенсей поднялся, испуганно ухватившись за спинку кресла.

– А где Ворон-сенсей? Форлинкин послал нас рассказать ему о пожаре и слушаться.

– Он спустился на третий этаж, помочь Танаке с криоподготовкой, – ответил Либер-сенсей.

Мама Джина соскользнула с кровати и подошла к стеклянной стене своей крошечной палаты. Положив ладони на прозрачную поверхность, сказала сыну:

– Джин, может, тебе лучше сбегать вниз и рассказать им, что происходит? Огонь распространялся быстро?

– Трудно сказать, мы ведь мало что видели.

– Поищу-ка я комнату с окнами, – вызвался Либер-сенсей.

– А куда пошел Стефин? – спросила мама. – Он же должен был приглядывать за вами обоими.

– Наверно, пошел поискать ниндзя! – предположила Мина.

Мама ахнула:

– Разве это работа не для Роика?

– Он сейчас, наверное, там же, где и Майлз-сан, – бросил Джин через плечо, возвращаясь к дверям. – Мина, не выпускай Нефертити!

Либер-сенсей шел следом за Джином, как вдруг отшатнулся от внезапно распахнувшейся двери – ее пинком открыли из коридора. Мина взвизгнула. Нефертити подхватила вслед за ней:

– Вра-а-аг! Вра-а-аг! – вопило животное, бешено порхая по комнате и даже взлетая на стол.

«Ты абсолютно права, Нефертити», – подумал Джин, пятясь задом, тогда как Ганс и Оки ворвались в послеоперационную. Оба жадно хватали воздух перекошенными от злости ртами и сейчас казались просто огромными, гораздо больше, чем когда храпели, пуская слюни на полу в гараже. Мятые синие врачебные халаты сменились серыми форменными брюками и куртками из плотной ткани. На обоих красовались разгрузки и берцы на толстой подошве. Однако ни знаков различия, ни нашивок с именами, ни каких других опознавательных знаков не было.

– Так вот ты где, придурок! Наконец-то! – прорычал высоченный Ганс Либеру-сенсею.

Тот отступал, бледнея, пока не уперся в стол.

– Какого черта тут происходит? – сказал широченный Оки, разглядывая присутствующих. – Что здесь делают дети? Идиот Акабане ничего не говорил о детях...

– Да плевать на них, давай, хватай его!

Двумя здоровенными шажищами Оки преодолел расстояние, перехватил Либеру-сенсею пополам и при помощи полицейской дубинки как-то вывернул ему руки вверх за спиной. Либер-сенсей взвизгнул.

– Пустите его! – закричала мама за стеклом.

Ганс повернул голову, глаза его хищно сузились.

– Вот это да! Да это ж та самая Сато! Вот сука! Значит, разморозили ее! Оки, мы сорвали банк, хватай ее тоже!

– Сам хватай, у меня руки заняты, – пропыхтел в ответ напарник.

Либер-сенсей оказывал сопротивление: для этого он потерял сознание, и ему даже почти удалось вывалиться из рук преступника, когда Оки рывком поднял его вверх, освободил руку с дубинкой и вмазал ей со звучным электрическим шлепком по бедру сенсея. Ну и взвыл же тот! Удивленно крикнув, Оки потерял хват и чуть не упустил добычу – электрический разряд, пронизавший тело Либеру-сенсея, ударил по руке и самого нападавшего. Однако ученому не удалось бежать, Оки вновь вцепился в него.

Ганс прошагал к стеклянной палате и ударил по кнопке замка. Дверь скользнула внутрь, из палаты дуло избыточное давление.

– Нет! – закричал Джин так, что в глазах потемнело. – Ей пока нельзя выходить! Ей может стать плохо!

– Ей будет очень плохо, когда Акабане с ней разделается! – рявкнул Ганс.

Он нырнул внутрь, за мамой. Та запрыгала вокруг кровати. Ей почти удалось добраться до двери и вырваться, когда Ганс прыгнул, ухватил ее за руку, а затем изо всей силы приложил госпожу Сато к стеклянной стене. Он грубо выволок ее из палаты, спотыкающуюся, с длинными, растрепанными волосами.

– Оставьте мамочку! – заверещала Мина. – Она только что к нам вернулась!

Девочка схватила складной стул, который, естественно, тут же сложился, и метнула его что было сил. Может, она и целилась в живот, однако Мина была невысокого роста, да и трудно кидать прицельно с полуоборота. В общем, ножки стула попали ему прямо в промежность. Хотя и недостаточно сильно.

Ганс согнулся и ужасно выругался, однако маминой руки не выпустил. Кулаком другой руки отшвырнул Мину. Малышка шлепнулась на попу и зарыдала. Мама принялась пинать злодея значительно точнее Миной. Только много ли можно сделать босой ногой? Да и сил у нее не было.

– Как ты смеешь... трогать... моих детей... мерзкий убийца...

Вспомнив струйки крови на лице Форлинкина, Джин кинулся к столу, где стояла Нефертити, выгнув спину и напружинив лапы. Она била крыльями и хвостом, по наэлектризованной шерсти вдоль спины сбегал темный гребень, кошка вопила что-то бессвязное. Джин схватил Нефертити и швырнул ее в лицо Оки, стоявшему рядом. Здоровяк заверещал, размахивая потрескивающей от разрядов дубинкой, однако дотянуться смог лишь до кончиков крыльев. Перья обуглились, в палате поднялась страшная вонь. Нефертити спрыгнула с обидчика, разорвав его куртку, а вот ранений нанесла ему очень мало – так, неглубокую царапину на толстой шее. Зато Либер-сенсей освободился. Ученый неловко отшатнулся от разящей дубинки.

– Вот черт! – Ганс явно разозлился. – Акабане не говорил, что придется воевать с целым выводком!

Джин, наклонив голову, ринулся на Ганса в отчаянной попытке сбить того с ног ударом в живот. Ганс отшвырнул маму в сторону, она кубарем подкатилась к Мине, которая тут же вскочила к маме. Зато Ганс схватил мальчика. Крепко держа его за волосы, злодей размахивал ребенком, как маятником. Джин взвыл, глаза наполнились слезами боли. За ухом раздался незнакомый щелчок, ребенок скосил глаза и увидел отблеск на стальном лезвии. Полтора десятка сантиметров сверкающего клинка проплыли у лица и остановились у вздернутого подбородка ребенка.

– Всем стоять! – проревел Ганс.

Все остановились. Ганс раздраженно добавил:

– Тебя это не касается, Оки!

– Ганс, он ведь совсем ребенок!

– Не зли меня! После всего, что я сегодня пережил, лучше не раздражай меня!

Джин подумал: ужас на лице Оки – главное подтверждение серьезных намерений Ганса. Мальчик чувствовал острие лезвия на коже. А еще он чувствовал, как кожа на голове растягивается и волоски обрываются по одному.

– Значит, так, – приказал верзила. Огромная туша, к которой Джина сейчас так плотно прижались, вздымалась, то ли набирая в легкие воздуха, то ли пытаясь сохранить равновесие. Неужели он тоже боится? Такая мысль показалась Джину странной и страшной. – А ну-ка, ведите себя прилично, вы все, а не то перережу этому отродью глотку, ясно? А ты перестань вертеться! – И он дернул Джину за волосы.

Мама все еще лежала на полу. Сверкая взглядом, полным ледяной ярости, она произнесла голосом, надтреснутым от ужаса:

– Джин, не двигайся!

Джин заметил, как Либер-сенсей сглотнул. Нефертити захромала куда-то под стол, в темноту, свернулась там и жалобно забормотала:

– Враг, враг, боль, вон, дом, боль!

Какое-то время слышались только ее причитания да звук дыхания людей в комнате без окон.

Ганс выпрямился.

– Так-то лучше! А теперь ты, пацан, сунь руки в карманы! – Джин посмотрел на маму, повиновался. – Сато, встань. Вы, доктор, тоже. Руки на затылок. Сато, возьми свое отродье за руку правой рукой. Сейчас все двинемся гуськом, а Оки будет вас ровнять своей дубинкой. Включи на полную, Оки!

Широкоплечий сглотнул, кивнул, покрутил что-то на рукоятке.

– А теперь все давайте за Оки, за дверь – направо. Сато первая, за ней Либер, я замыкаю.

Мама с замершим и напряженным выражением лица схватила Мину за руку. Обе поднялись вместе. Босые ноги беззвучно двинулись по полу, мягкий халат развеялся на икрах. Напуганная Мина шлепала рядом, хлюпая носом. Либер, можно сказать, выглядел забавно, словно играл в какую-то детскую игру, где надо под песенку касаться носа, ушей и головы, если бы не крупная дрожь, пробивавшая тело, да не бледное и мрачное лицо. Джин выжидал момент, когда рука в его волосах ослабнет и лезвие ножа не будет врезаться так глубоко в кожу. Тогда можно будет вырваться и унести ноги. Но нет, мощная хватка не ослабевала.

Они двигались по коридору позади всех, ноги Джина едва касались пола, а сильная рука тащила за собой, вперед, направо... Они успели сделать лишь три шага в сторону лестницы.

Позади раздался рев оруженосца Роика:

– Стоять!

Ганс развернулся, выставив Джина перед собой. С другого конца коридора к ним размашистым шагом приближался Роик-сан. Майлз-сан бежал у его локтя, а Ворон-сенсей, подпрыгивая, несясь сзади. Роик поднял правую руку. Слезы боли застилали Джину глаза, и он не понял, что Роик в ней держит. Выражение лица оруженосца сделалось каким-то чужим, собранным и нездешним, словно и не лицо это было вовсе.

Джин почувствовал, как его похититель дернулся. Нож сильнее врезался в кожу. Ганс проорал в ответ:

– Опять ты! А ну, бросай эту шту...

Белая молния сверкнула в руке Роика-сана, раздалось незнакомое жужжание. Весь мир, а может, только голова Джина, взорвался искрящимся цветным ливнем. Затем ливень почернел и утопил мальчика.

Глава девятнадцатая

Роик и сам удивился, узнав, что доктор Либер помог ему в поимке второго охранника «Нового Египта». Оки схватил Либера, когда Роик приказал всем остановиться. Наверное, он опасался, что доктор побежит. Однако вышло так, что Оки не удалось стряхнуть Либера, когда расстановка сил переменилась. Доктор бульдогом повис на толстенной ручище, крутясь, извиваясь и уворачиваясь от ударов здорового электрошокера, и, таким образом, выиграл время для Роика. Тот успел подбежать и приставить парализатор ко лбу Оки прямо между глаз, чтоб в случае чего не промахнуться.

– Сдавайся, Оки, – душевно посоветовал Роик. – Эта битва закончилась еще тогда, когда я послал твои признания по нужным адресам. Я-то думал, что вы, два остолопа, поняли это.

Деваться было некуда и, то ли под неумолимым взглядом Роика, то ли под прицелом оружия, направленного в лоб, Оки неохотно вытянул в сторону правую руку и отпустил дубинку. Та грохнулась на пол с барабанным стуком. Освобожденный Либер тут же отпрыгнул в сторону тяжело дыша, однако для разнообразия выпрямившись. Оки сам, без приказаний, сложил ладони на затылке. Выглядел он крайне жалко.

Лиза Сато с обезумевшим видом скользнула на пол и подняла обездвиженное тело сына. Ребенок был без сознания и бледен, зато Роик успокоился, увидев, что порез на шее был лишь неглубокой царапиной – обошлось почти без крови.

– Досадно, что вспышка парализатора коснулась ребенка, мэм, – сказал Роик. – Опыт подсказывает, что в таких ситуациях с захватом заложников лучше действовать быстро и решительно. Нельзя тянуть ни в коем случае.

– Это какой-то кошмар... – простонала она.

Роик кивнул.

– Ну, все, мэм, все... Ворон *прямо сейчас* даст Джину синергина, – Роик многозначительно посмотрел на Ворона, – и когда ребенок проснется, у него даже голова не будет болеть.

Ворон понял намек и поспешил в послеоперационную за нужными медикаментами.

Подошел милорд, вооружился электрошокером и окинул пленника любопытным и задумчивым взглядом. Словно биолог перед препарированием животного совершенно нового, неизвестного вида.

Оки вернул ему изумленный взгляд:

– Откуда вы вообще взялись такие?

– С твоей точки зрения, – ответил милорд, – мы – служба доставки индивидуальной кармы. Какого дьявола ты и твой дружок Ганс не убежали так, чтоб вас вовсе не было видно, а? Раз уж сбежали вчера, то и не возвращались бы. Ну зачем вы отправились к своему начальству?

– У нас, знаете ли, семьи есть.

Брови у милорда поднялись вверх. Интересно, подумал Роик, приходила ли вообще такая мысль милорду в голову?

– О семьях надо было думать полтора года назад.

Оки переступил с ноги на ногу.

– А мы и думали. О семьях и о деньгах.

Брови милорда полезли выше. Оки пояснил в свое оправдание:

– Первый раз в моей жизни мне предложили хорошие деньги. Мы купили *дам*.

Да уж, вряд ли про Оки можно сказать, что вся его жизнь – борьба, подумал Роик. Если бы «Новый Египет» нанимал сотрудников в охрану с благими целями, Оки остался бы добропорядочным гражданином, не вляпался бы в грязные делишки своих боссов. Роик бросил взгляд на милорда, готовясь намекнуть или, если надо, подсказать, однако Майлз уже принялся за обработку клиента.

– Сейчас еще не поздно исправить ситуацию. Кто-нибудь знает, как здесь, на Кибо, называется «императорский свидетель»? Должен же быть какой-то эквивалент.

– Кажется, «свидетель префектуры», милорд, – ответил Роик.

– У меня здесь есть собственный адвокат, и она поможет тебе, если своевременно примешь решение сотрудничать с нами, – сообщил милорд пленнику. – Это значит немедленно.

Роик понял намек и крепче сжал рукоять парализатора, для усиления эффекта глядя в глаза Оки через его прицел.

– Куда вы вели Либеру и Сато? Я так понимаю, не воздухом подышать?

– Снаружи, в фургоне, нас ждет Акабане, – промямлил Оки.

– Главбух «Нового Египта»? Один?

Оки облизал губы.

– Мы ведь только за Либером ехали...

Глаза у милорда засияли:

– Роик, этого надо взять. Только подумай: *in flagrante delicto*! – взяли на месте преступления, да еще и с нарушением частной территории. Просчет противника – это подарок, от которого нельзя отказываться.

Оки принялся колотиться и без расспросов.

– Все они оказались бы под защитой своих юристов, как за каменной стеной, – и президент Ким, и Чои из операционного отдела, и Напак из исследовательского. Акабане подкараулил нас после общего совещания и сказал, что для него совершенно ясно, что козлами отпущения останемся мы втроем, а остальные сдадут нас и глазом не моргнув уже утром. Если ничего не предпринять. А еще он знает, что мой брат состоит в ООН, поэтому...

– Разобщить и запугать... Что ж, это многое объясняет. Поспешите, Роик. Акабане бросится бежать, как только тут появится больше полиции.

Ворон с аптечкой был на подходе. Роик передал парализатор милорду, обошел Оки и скрутил тому запястья за спиной при помощи гибких наручников самого Оки. Милорд вернул сержанту оружие, и тот, схватив за руку Либеру, помчался к лестнице.

– Я-то вам зачем нужен? – обеспокоенно поинтересовался Либер, пока они мчались к лестнице.

– Поможете опознать Акабане. Не хотелось бы парализовать кого-то постороннего.

– Вы, я смотрю, весьма вольно обращаетесь с этой штукой.

– Не волнуйтесь. У меня есть разрешение на парализацию.

– А я думал, это называется разрешение на убийство.

Роик поморщился:

– Такое тоже есть. Однако вы не поверите, сколько всяких бумажек надо потом заполнить.

По виду Либеру нельзя было сказать, счел он это за шутку либо отнесся серьезно. Однако его вряд ли можно было в том винить – Роик и сам не знал. Для него не было ничего привлекательного ни в стрельбе на поражение, ни в заполнении бумажек после нее.

Они прорвались сквозь тяжеленные стальные двери в дальнем конце приемного покоя, повернули налево и обогнули угол, выйдя к длинному фронтому здания. Небольшая подъездная дорожка в центре вела к крытому въезду, где некогда, без сомнения, высаживали пациентов и посетителей. Подъездная дорожка охватывала то, что некогда было красивым культивированным газоном, а сейчас представляло собой печально запущенные заросли сорняков. Централизованного освещения не было, мигало только множество карманных фонариков, в лучиках которых можно было разглядеть толпу пожилых людей, одетых или скорее раздетых весьма разношерстно. Все они топтались на подъездной дорожке и бывшем газоне. Роик облегченно вздохнул, увидев, что ночной туман на другом конце здания не отражал оранжевых отблесков пламени, зато там сверкало великое множество мигалок машин службы спасения. Чем-то это напоминало дискотечную иллюминацию.

Двойной ряд парковочных мест тянулся вдоль всего фронтона здания. Роику была видна стена административного здания за корпусом приемного покоя, он мысленным взором вычислил угловой кабинет госпожи Сьюз на верхнем этаже. За парковкой здание опоясывал порядком истрепанный забор из сетки-рабицы.

На улице за забором стояло несколько припаркованных машин. Зато в темноте сразу за воротами, за развалившимся КПП, виднелся знакомый уже фургон. Примечательно, что ворота стояли распахнутые настежь, видно было, что их взломали.

– Значит, так, – сказал Роик, – ждете, пока я не доберусь до караулки, затем идете по газону и смешаетесь с толпой. Вас должно быть хорошо видно с улицы, но смотрите, не приближайтесь к дорожке ближе чем на расстояние вытянутой руки.

– Стойте-ка, вы что же, хотите на меня как на живца ловить? – с негодованием поинтересовался Либер. – Вы же говорили, только помочь опознать Акабана!

– Именно так я его и опознаю, – резонно заметил Роик. – Никто другой на вас здесь не накинется. К тому же он будет вынужден выйти из фургона и ступить на землю.

Надеюсь.

– А это-то зачем?

– Ну, во-первых, парализовать его внутри машины я не смогу. А во-вторых, на худой конец, можно будет обвинить его в проникновении на чужую территорию и задержать до утра. А утром уже будет поздно.

– А я думал, комплекс принадлежит этому вашему Фуве.

– Либо здание уже принадлежит лорду Марку, либо я его совсем не знаю. – Скорее всего, никто его по-настоящему не знает, даже милорд. Ну, может, мисс Карин знает. – Давай, вперед!

Роик легонько подтолкнул Либера, а затем и сам двинулся к развалившейся караулке, скрываясь в тених ночи, чтобы остаться незамеченным с улицы.

Либер, убедительно спотыкаясь, побрел по сорнякам, и, хотя остановился от дорожки на несколько метров дальше, чем того хотелось бы Роику, разыграл растерянность и изумление, то глядя в небо, то озираясь, поворачиваясь и в анфас, и в профиль. С минуту Роик сомневался, что Акабана клонет на наживку, и уже принялся размышлять над новым планом, как вдруг фургон скользнул мимо КПП. Роик присел, скрытый тенью.

На какое-то ужасное мгновение он засомневался, что правильно оценил ситуацию. Если бы Акабана вдруг поднял флаер чуть выше человеческого роста, а потом опустил его на голову жертвы, Либер оказался бы просто не в форме для участия в суде в качестве свидетеля – да и в любом другом качестве в любом другом месте. Некто попытался проделать что-то подобное с милордом, как он сам рассказывал Роику. Тогда машина обрушивалась на него несколько раз, словно гигантский башмак, пытаясь припечатать к тротуару и оставить от него лишь мокрое место, промахиваясь всего на несколько сантиметров. Роик напрягся, как спринтер на старте, готовый в любое мгновение броситься на спасение своей приманки.

Может, у местных флаеров стояли некие датчики безопасности для предотвращения подобных инцидентов, а может, Акабана не рискнул на такой маневр на глазах у сотни свидетелей. В любом случае, боковой люк скользнул в сторону, флаер немного пересек бордюр газона, скрывая Либера от глаз стариков, которые по большей части отвернулись, привлеченные множеством сверкающих огней.

Черная тень прыгнула из фургона на Либера, тот сжался пружиной. Роик выстрелил с колена, и черная фигура шлепнулась на землю с придушенным криком изумления и ярости. Несколько энергичных прыжков, и вот уже Роик приготовился всадить свой коронный малый парализующий заряд в затылок жертвы – в упор и без промаха.

– Скорее помогите мне забросить его в фургон, – попросил он Либера.

Тот тяжело дышал, однако кивнул и помог.

Главбух Акабане выглядел как все местные, он вполне мог бы оказаться дядей Ворона – злым дядей, – если бы у кого-нибудь из клонов Дюрона были хоть какие-то родственники. В данный момент, правда, Акабане вовсе не выглядел злым, скорее бледным и обездвиженным. А еще, как надеялся Роик, побежденным.

За все время сражений с камарильей «Нового Египта» Роик наконец-то встретился с врагом лицом к лицу – если не считать сканов по видео. До этого момента война велась на расстоянии, как сражения в космосе. Или скорее как некое престранное шахматное сражение, в котором правила меняются через каждую пару ходов. Отец милорда, человек жуткий и уникальнейший, чувствовал бы себя здесь как рыба в воде, да и милорда такое сражение мало смущало. А вот Роику бескровная и отстраненная битва казалась непривычной, хотя он и радовался первому обстоятельству.

А затем Роик вдруг представил себе видение хаоса, который посеяло появление милорда, в глазах хозяев криокорпораций. Они-то считали, что все у них под контролем и колпаком, а тут вдруг появляется неизвестно кто откуда ни возьмись – и бац! Такая картинка вызвала у Роика улыбку, правда, Либер, увидевший ее, почему-то боязливо отшатнулся.

Уголкем глаза Роик заметил мигалки флаеров службы спасения, сворачивающих на улицу, они будут здесь через несколько секунд.

– Растворитесь в толпе, встретимся у заднего крыльца, – сказал он Либеру и тут же последовал собственному совету.

Правда, раствориться в такой толпе было сложновато, он возвышался на голову над всеми, да и выглядел на сто лет моложе любого из пациентов. Впрочем, вокруг происходило столько всего интересного, что никто не обратил на него внимания.

Либер отстал от него всего на несколько шагов.

– Это что, все? – спросил он.

Роик кивнул:

– Остальным займется милорд. Парализатор может отдохнуть. – Роик остановился на мгновение, гордясь выполненной работой. – Теперь в дело вступают слова. А это не по моей части. – Подумав, он добавил: – И слава богу.

* * *

Джин открыл глаза. Над ним висел потолок. Повернув голову, увидел, что находится в послеоперационной. Потрогал лицо. Кожу покалывало. Несколько раз открыл и закрыл глаза – с трудом, хотя не сказать, что ему больно или что кружится голова. Не сказать и что чувствует он себя хорошо. Скорее как-то муторно. Похоже, его положили на одну из узких и высоких кушеток. Простыни на ней не было, и старый хрупкий пластик неприятно касался кожи.

– Как ты себя чувствуешь, Джин?

Он привстал на локте. Мама склонилась над кушеткой. Она снова надела фильтр-маску, плотно затянула халат и теперь тревожно разглядывала сына.

– Вроде ничего.

Он опять потер лицо ладонью, потом почесал макушку – там, где его таскали за волосы, еще болело.

Мина подскочила и остановилась, прижавшись к маме и с интересом разглядывая брата.

– Оруженосец Роик тебя подстрелил. А я раньше не видела, что кого-нибудь взаправду подстрелили.

Джин тоже не видел. Ощущение было непривычным. Впервые он подумал, как, должно быть, чувствовал себя Майлз-сан, попав под разрыв иглогранаты. Конечно, это тебе не какой-нибудь там парализатор. Однако в глазах встала жуткая картина: перед ним – суровое лицо

Роика, внутри – ощущение беспомощности, мысль, что слишком поздно и кто-то тебе совсем неподвластный сейчас выключит свет... Чувство было не из приятных, и мальчик нахмурился.

– Перелома нет, – слышался голос Ворона-сенсей.

– Так я и поверил, – ответил голос Форлинкина.

Повернувшись, Джин увидел обоих за соседним столом. Форлинкин сидел выпрямившись, ноги свисали. Пиджак с широкими рукавами был отброшен в сторону, рукава рубашки закатаны. Ворон-сенсей стоял перед ним, ощупывая левую руку, Форлинкин придерживал ее, словно защищал.

Форлинкин уже умылся, и от когтей Нефертити остались лишь три тонюсенькие красные бороздки под блестящим слоем прозрачного пластикового бинта. Зато воротник рубашки весь пропитался кровью, да и по всей одежде виднелись засыхающие пятна, так что Джин почувствовал себя по уши виноватым за свою подопечную.

– А вот синяки будут великолепные, – продолжал Ворон-сенсей.

– И все из-за лома... Мне повезло, что голову не проломили.

– Форлинкин-сан нашел других ниндзя, – просветила брата Мина. – Они сражались. Форлинкин-сан победил.

Форлинкин повернул голову и печально ей улыбнулся.

– Повезло мне, а не «ниндзя». Ими оказались парочка наемных головорезов из местного отделения ООНН. Похоже, наконец-то дорвались до приведения в действие своего главного лозунга.

– А я думал, их всех выловили и арестовали после похищения людей с конференции, – удивился Ворон-сенсей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.